

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СИБИРСКОЙ ИСТОРИИ

Коллективная монография

Часть 4

**Издательство
Нижевартовского государственного
гуманитарного университета
2009**

ББК 63.211
И 91

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
Нижевартовского государственного гуманитарного университета

Авторы:

Я.Г.Солодкин (разд. 1, гл. 1), *Т.В.Судник* (разд. 1, гл. 2),
О.В.Ищенко (разд. 1, гл. 3), *М.В.Угрюмова* (разд. 1, гл. 4),
Е.И.Голобов (разд. 1, гл. 5), *Н.С.Казакова* (разд. 1, гл. 6),
Е.Ю.Коблова (разд. 2, гл. 1), *В.В.Митрофанов* (разд. 2, гл. 2),
А.М.Яковлева (разд. 2, гл. 3), *И.И.Кротт* (разд. 2, гл. 4),
Л.В.Алексеева (разд. 2, гл. 5), *Г.Ю.Колева* (разд. 2, гл. 6)

Под общей редакцией
доктора исторических наук, профессора *Я.Г.Солодкина*

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор (заведующий кафедрой
отечественной истории Нижегородского государственного
архитектурно-строительного университета) *А.А.Кулаков*;

доктор исторических наук, профессор (заведующий кафедрой
отечественной истории Уральского государственного
педагогического университета) *Г.Е.Корнилов*

И 91 **Источниковедческие и историографические аспекты си-
бирской истории:** Коллективная монография. Ч. 4 / Под общ. ред.
Я.Г.Солодкина. — Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит.
ун-та, 2009. — 182 с.

ISBN 978–5–89988–657–9

В четвертой части коллективной монографии рассматри-
ваются важные для понимания процессов политического, соци-
ально-экономического и культурного развития Сибири проблемы
источниковедения и историографии прошлого Сибирского края.

ББК 63.211

ISBN 978–5–89988–657–9

© Издательство НГГУ, 2009

РАЗДЕЛ 1

**ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ
ИСТОРИИ СИБИРИ
XVII — НАЧАЛА XX ВВ.**

Глава 1

ЕРМАК И ЕГО «ДРУЖИНА» В ЮГОРСКОЙ ЗЕМЛЕ (Происхождение летописных версий)

Одним из эпизодов легендарного «Сибирского взятия» является поход атаманов и казаков в низовья Оби, хронология и обстоятельства которого остаются спорными.

Первый известный нам по имени тобольский летописец Савва Есипов, рассказав об отправке ермаковцами сеунчиков в Москву и пленении царевича Маметкула, посвятил небольшую 19-ю главу своей «Повести» о разгроме ханства Кучума «русским полком» завоеванию «городков и улусов». Эта глава открывается фразами, которые владычный дьяк уже приводил, говоря «о вере царя Кучюма» и «о пришествии Ермакове и прочих в Сибирь»: «посла меч обоюду остр», «по всей Сибирстей земли ходиша (ранее читаем «ликоваху». — Я.С.) стопами свободными, ни от кого же устрашающееся (прежде говорится «возбраняеми». — Я.С.)»¹. Следом сказано, что «ратоборный» атаман и его сподвижники «повоева же многия городки и улусы по реке Иртишу и по великой Оби, и Назимской городок взяша со князем их и со всем богатством. Возврати же ся во град Сибирь с радостию великою и корыстию» (60)². Нетрудно заметить близость этих строк к синодику «ермаковым казакам» (далее — С). В той его разновидности, которая чаще всего признается первоначальной, сообщается: «Во второе же лето Сибирскаго взятия», т.е. в 7090 (1581/82) г., Ермак с «дружиной» «храбръствовали по Иртишу и по великой Оби», «до Назима воеваше» улусы и городки татарские и остяцкие, заняли остяцкий городок Назим «со князком их и со многими их остяками поплениша и в плен поимаша». Среди «избиенных» и «всячески нужно скончавшихся» «от нечестивых» в том «хождении Ермаковом» названы атаман Никита, Тимофей, Иван, Ананья, Анцифор, Иван, Григорий, Андрей, Алексей, Никон, Михаил, Тит, Федор, Иван, Артемий, Логин и «дружина их» (380). В восходящем к С из тобольского Софийского собора перечне атаманов и казаков, сделанном по заказу Г.Ф.Миллера³, в числе «ходивших» и городки «имавших» указаны те же ермаковцы, что в «помяннике», обнаруженном Е.К.Ромодановской, кроме Тита (78);

возможно, его имя было пропущено по недосмотру переписчика. Примечательно, что в С, впервые опубликованном в 1970 г., погибшим в Обь-Иртышском междуречье, когда атаманы и казаки «обнажившее мечи на нечестивыя», полагалась «веч[ная память] с[редняя]», согласно же С из ЕЛ, — «большая». (Заметим, что если верить «помяннику», найденному Е.К.Ромодановской, в сражении 26 октября 1580 г. «под Чювашею» пали три ермаковца «з дружиною», в устье Вагая вместе со своим «наставником» погибли шесть казаков. Стало быть, судя по этому С, наиболее кровопролитные бои русским пришлось выдержать на Иртыше и Оби, когда «нечестивые» перебили полтора десятка участников «зауральской эпопеи». Не исключено, впрочем, что ко времени составления «помянника» атаманов и казаков в живых остался только кто-то из сподвижников Никиты Пана, тогда как соратники Ермака в его последнем походе или же одолевшие Маметкула на Чювашевом мысу и у Абалацкого озера скончались).

В С, включенном Есиповым в заключительную главу своей летописи, подобно другим случаям (кроме упоминаний о Ермаке и Иване Кольце), опущены имена погибших, а также указания, что атаманы и казаки «их нечестивые улусы и городки татарския и остяцкия до Назима воеваше» и «в плен поимаша» (71). Есипов же опустил определение Назима (остяцкий городок) и добавил, что ермаковцы овладели там «всем богатством» (ср. 52, 55, 59). В летописи «Сибирское царство и княжение, и о взятии, и о Тоболске граде»⁴, в отличие от С, умалчивается, когда состоялся поход ермаковцев по Иртышу и Оби, но софийский приказный, «распространивший» какое-то «писание» (скорее всего имевшее нарративную форму), приурочил эту экспедицию ко времени до посылки за Урал в 7091 (1582/83) г. воевод С.Болховского и И.Глухова, вероятно, к предыдущему году, когда сеунчики вернулись из Москвы и казакам удалось взять в плен Маметкула.

Свидетельства владычного дьяка о походе казачьего отряда на север «Кучумова царства» повторены во многих вторичных разновидностях ЕЛ Основной редакции, а также Распространенной, сопутствующей Сибирскому летописному своду (далее — СЛС) (34, 39, 86, 112, 124, 184, 247, 309, 362—363)⁵. В Погодинском летописце (далее — ПЛ) — самой любопытной из таких разновидностей «сложения» Есипова — уточнено, что Назимский

городок располагался на Иртыше⁶, а местного князя пленили «со всем улусом» (134)⁷. В Абрамовском виде ЕЛ («Летописце тобольском») Назим представлен «большим славным городком», сообщается о захвате Ермаком «з братиею» князей (94)⁸, а в Лихачевском сказано, что при штурме этого остяцкого укрепления погиб атаман Никита Пан (124). Наконец, в Библиотечном 3-м списке Нарышкинской редакции СЛС и Томском виде этого памятника читаем, что ермаковцы овладели Назимом «за великим боем» (247, Примеч. 28—30; 309)⁹. В других списках той же редакции свода, сложившейся в Тобольске в конце XVII в., в данной связи говорится: «с великим богатством» (в отличие от Головинской редакции СЛС, где, подобно есиповской «истории» и ее переработкам, сказано: «всем богатством»).

Согласно Строгановской летописи (далее — СЛ), которую С.В.Бахрушин возводил к тому же протографу, что и «тетради» Есипова, Ермак овладел многими крепостями и улусами татарскими; во время штурма одного из городков погиб Никита Пан¹⁰. (Последнее сообщение, очевидно, привлекло внимание создателя Лихачевской редакции ЕЛ).

Если верить С, содержащемуся в Ремезовской летописи (далее — РЛ), в июне — июле 1581 г. ермаковцы предприняли поход в низовья Оби и по Тавде, «взяша Назымские и Кодские и Лабутинские городки». Ранее под 1582/83 г. создатель этой летописи повествует о том, как возглавляемые храбрым «смлада» атаманом, казаки двинулись вниз по Иртышу, овладели кодскими городками и Назымом, захватив его князя «со многим богатством», а затем и «князей Алачевых с богатством», и, собрав ясак, вернулись в город Сибирь 20 июня, а уже 1 июля Ермак отправился «воевать по Тавде, взял Лабутинской городок, князка Лабуту с богатством, и Паченку», где «бой велий бе, яко Поганое озеро наполнил трупами», «тож и Кошуки и Кондырбай и Табары», и с ясаком (который отослал в Москву) возвратился в Кашлык¹¹. Лишь одно из этих свидетельств имеет аналогию в ЕЛ, Распространенной редакцией которой пользовался С.У.Ремезов¹², — о пленении назымского князя.

Как заметил уже Г.Ф.Миллер, рукопись РЛ содержит «вставные листы» с текстом другого произведения — КЛ. В последнем сказано, что еще в 1578/79 г. Ермак сражался на Тавде с Лабутаном

и другими князьями, «и со всеми безотъступно бишася и безвозвратно до Паченки», где «в велием» бою «татар прибиша до единого», в том числе князца Печенега, и «наполниша трупом езеро, и то словет и до ныне Банное Поганое, полно костей человеческих», а следом вверх по Тавде «погребоша» в Кошунни (Кошуки). К 5 марта 1581/82 г. в летописи, которая считается казачьей или отразившей устную традицию казаков¹³, отнесена «посылка» Ермаком вниз по Иртышу, в Демьянские и Назымские городки и волости, пятидесятника Богдана Брязги¹⁴ с полусотней казаков «пленишь и привести к вере, и собрать ясак вдоволь розкладом поголовно». На конях, оказывается, русский отряд вышел к устью реки Демьянки, «большево их (татар, остяков и вогулов. — Я.С.) зборнаго князца Демаяна», три дня безуспешно «приступал» к «великому и крепкому городу», где собрались две тысячи «поганных», и лишь потом, «егда же начахомъ (казаки. — Я.С.) приступати анъ на косогор»¹⁵, многие разбежались, а Брязга «с товарищи» «ясакъ взяли и весновали», затем на легких стругах «поплыша вниз». «Объясачив» Цыньялы и Нарымский городок, 9 мая ермаковцы «поплыша до Колпухова городка, беруще ясак з боем и без бою»; 20 мая казаки «доплыша до Самара князца», «в сборе» с которым, «ждуще побити (русских. — Я.С.) силою», находились еще восемь князцов; «в день неделный приплыша протокою под самой Самар», где застали многих остяков «на карауле спящих твердо без опасения», и застрелили «из ружья ... Самару и с родом его, прочие же» бежали «по своим жильям»; немногие оставшиеся «принесоша ясак с поклоном и шертовали ту». Брязга провел здесь неделю, «поставил» «большого князя» Алача «яко богата суца, и отпустиша со своими честно», после чего «поидоша на Обь ... и присташа на Белогорье». Там у остяков было «молбище большее богыне древней», и когда они разбежались, Богдан «с товарищи» решил, что «ехать дале не по што», и «пождав на месте три дни», повернул обратно в город Сибирь. Казаки «приехали в радости» 29 мая «с есаком», и «по погромленным городком» добрались до своего предводителя «здраво и в честности»¹⁶.

Еще Н.М.Карамзин замечал, что «по достоверным летописям» в северной Сибири действовал не Брязга, а Ермак (именно он, к примеру, «поставил» Алача), хотя некоторые любопытные сведения,

известные нам только благодаря КЛ, как и полагал Г.Ф.Миллер, «могут быть справедливы»¹⁷. По С и ПЛ, Брызга погиб еще в сражении на Чувашевым мысу или, что вероятнее, у Абалака¹⁸, т.е. на несколько месяцев раньше, чем казаки выступили к низовьям Оби. Мысль С.В.Бахрушина об использовании Ремезовым каких-то неизвестных источников об этом походе сомнительна, подобно Р.Г.Скрынникову можно заключить, что автор «Истории Сибирской» (далее — ИС) писал о новой после разгрома основных сил Кучума экспедиции ермаковцев, следуя ЕЛ и КЛ¹⁹. Так, известия РЛ о судьбе Лабуты и сражении у Паченки очень близки к тем, которые имеются в КЛ²⁰. По словам Ремезова, 1 августа Ермак «устремился на город Карачинь»; в произведении, считающемся памятником казачьей литературы²¹ или летописью, отражающей казачий фольклор²², сказано, что в тот день атаман (он был «велики мужьственен и разумен, и человекен, и зрачен, и всякой мудрости доволен») согнал Карачу с острова на Карачинном озере. Возможно, упоминание в КЛ о бое «под Чювашею» принадлежит «писателю», который «в Сибирстей быти о единодушныхъ казачехъ вкратце глаголаше»²³.

Недавно Е.И.Дергачева-Скоп и В.Н.Алексеев сочли, что С.У.Ремезов, видимо, не успел включить найденный им в 1703 г. КЛ в свое основное сочинение, а позднее, скорее всего после смерти знаменитого тоболяка, «листы» этого летописца («с добавлением») были разложены по «Истории Сибирской» согласно хронологии описываемых в них событий²⁴. Отмеченные параллели между ИС и КЛ позволяют, как и думалось Р.Г.Скрынникову и А.Т.Шашкову, отнести последний к числу источников ремезовского повествования о «Ермаковом взятии» «Кучумова царства».

(А.Т.Шашков заключил, что Ремезов использовал протограф КЛ. Ранее, подобно Р.Г.Скрынникову А.Т.Шашкову, казалось, что автор «Истории» подверг первоначальный текст КЛ основательной переработке²⁵).

Автор КЛ часто считается очевидцем и даже участником многих событий казачьего похода, завершившегося на Белогорье²⁶. В оценке Е.К.Ромодановской ИС сохранила «устные летописи» — рассказы участников этого похода²⁷. Е.И.Дергачева-Скоп и В.Н.Алексеев утверждают, что на основе такой казачьей летописи, из легенд и преданий, возник КЛ²⁸. А.В.Матвеев не сомневается,

что о захвате ермаковцами Самарова городка в КЛ сказано со слов участников боя²⁹.

Обращает на себя внимание обилие точных дат в интересующих нас фрагментах ИС и КЛ. Часто эти даты возводятся к каким-то письменным источникам³⁰ и признаются (если не «годовые», то «числовые») вполне достоверными, иногда и абсолютно точными³¹. Р.Г.Скрынников же рассудил, что хронологические указания, встречающиеся в ИС и КЛ, явно ошибочны³². Примечательно, что излагаемые факты, соответственно, дважды и трижды отнесены там к 9 мая, один раз и четырежды — к 1 августа³³. Однажды и в ИС, и в КЛ описываемые события приурочены к 1 октября; в РЛ они датируются и первым числом марта, июля и (дважды) ноября. Авторы ИС и КЛ, скорее всего сам С.У.Ремезов, предпочитают в датировках и такие числа, как 6, 20, 26, 29. Поэтому вызывает сомнение вывод А.Т.Шашкова (по наблюдению которого о походе казаков на Белогорье в РЛ говорится под 1581 и 1583 г., а в КЛ — под 1582 г.), что «указания на дни и месяцы, когда происходили те или иные события, и у Ремезова, и в Кунгурской летописи, как правило, вполне точны. Судя по всему, — представляется известному историку, — кто-то из ермаковцев в ходе почти четырехлетней Сибирской эпопеи делал записи на полях святцев (молитвослова), ... позднее эти записи с конкретными датами в днях недели, числах и месяцах через посредство ранних летописных источников (и прежде всего через протограф Кунгурской летописи) использовал Ремезов, дополнивший их достаточно произвольной разбивкой по годам»³⁴. Напомним, что в РЛ, которую С.В.Бахрушин рассматривал как «первый по своему времени научный труд по истории Сибири»³⁵, часто встречаются только «годовые» датировки, ее автор приводит и хронологические определения, передавая содержание С, говорит о времени закладки Тюмени, отправке в Москву Сейдяка, Салтана и Карачи, нападения Кучума на окрестности Тобольска и поражения, которое хан понес от князя В.В.Кольцова-Мосальского, окончательного разгрома сибирского «салтана», пишет о том, когда было решено «кликати» вечную память Ермаку, явлению Богородицы 20 июля 1636 г.³⁶ Кроме того, в ИС сообщается о том, что 20 февраля 1582 г. ближний «ясашной» мурза Сенбахта Тагин известил атамана о местонахождении Маметкула, 10 мая следующего года из

Москвы по указу царя (им явно ошибочно назван Василий Шуйский) в Сибирь были посланы воеводы, тело Ермака всплыло «от утопления» 13 августа 1584 г. и лежало на лабазе два с половиной месяца, до 1 ноября, поход против Кучума, предпринятый тарскими воеводами, продолжался в течение периода с 9 мая по 23 августа 1598 г., а в КЛ к 1 октября 1577 г. отнесено распоряжение государя стольнику Ивану Мурашкину, направленному «воевать» казаков³⁷. Эти события явно не могли найти отражения в записях на святцах, как думалось А.Т.Шашкову. В ранних же летописных источниках (к примеру, по заключению самого А.Т.Шашкова, протографе ПЛ) нет дат, имеющихся в ИС и КЛ.

Считается, что раз, согласно КЛ, казаки появились под Самаровыми горами воскресным утром 20 мая, а на тот день в 1582 г., действительно, приходилась «неделя», данное известие вполне достоверно³⁸. По заключению же А.Т.Шашкова, Самар погиб 20 мая, но 1583 г., и в понедельник³⁹.

Н.А.Балюк утверждает, будто по летописям, в Белогорском городке «Самар вместе с 8 князьями в мае 1582 г. в течение трех дней успешно отражал штурм казаков»⁴⁰. Точнее, столько времени они осаждали городок Демаяна (Нимнояна)⁴¹.

Комментируя рассказ о походе Брязги до Белогорья⁴², Г.Ф.Миллер писал, что казачий пятидесятник отправился в обратный путь 29 мая, но вместе с тем, в представлении ученого, экспедиция в нижнее течение Оби длилась «по последнее число мая», когда ермаковцы вернулись в ставку своего предводителя⁴³. Как находит Р.Г.Скрынников, в изображении КЛ поход продолжался до 29 мая, а затем Брязга вернулся в город Сибирь⁴⁴. Думается, летописное известие о том, что соратники Ермака «приехали» в тот день «в радости», следует понимать буквально, т.е. это указание на время возвращения казачьего отряда в бывшую ханскую столицу⁴⁵. Так, в КЛ читаем: «приехав в первую Аремзянскую волость», «приехали на Карачино», в ИС — «приехав на стан Тагила реки в урочище речки Аbugая». В этих летописях, кроме того, сказано: «прииде», «приидоша», «пришед», «привезоша», «пришедши», «поидоше», «поидоша», «доидоша», «доехали», «погребоша», «прошли», «поплыша». Но, судя по КЛ, даже 29 мая выступить с Белогорья, и тем более попасть в город Сибирь, Брязга и его «товарыщи» не могли. Ведь они провели неделю в занятом

20 мая Самаровом городке, три дня оставались на месте большого остяцкого «молбища»; не одни сутки, вероятно, занял и путь от «самого Самара» до Белогорья, а потом в резиденцию Ермака. Во второй половине XVII в. считалось, что от Тобольска (выросшего рядом с заброшенным Кашлыком или Искером) «до Самаровых гор ходу (по рекам. — Я.С.) две недели» (77). В 1686/87 г. подсчитали, что расстояние между Тобольском и Самаровым ямом составляет 264 версты 800 саженой (225, 281, 337), и покрывали его обычно за десять дней⁴⁶ (ср. 75, 129). Кроме того, «на низ» казаки пробивались с боями, и хотя никто из ермаковцев тогда не погиб, ранения получил каждый, причем «многаши». Отметим, что согласно ИС и КЛ, в течение недели русские стояли в устье Тавды и Карачине городке, три дня шла «подчювашская брань», на столько же затянулся штурм города Демаяна⁴⁷. Ручаться за достоверность соответствующих хронологических указаний, имеющихся в летописном рассказе о походе Брязги, стало быть, не приходится. КЛ не подтверждает и мнения о том, что к Самарову городку ермаковцы подошли на заре или утром⁴⁸.

По убеждению А.В.Матвеева, «операция, руководимая Богданом Брязгой, имела место как минимум годом раньше» похода, в котором погиб Никита Пан⁴⁹. Но в КЛ описанию экспедиции, в результате которой распалась «Белогорская конфедерация»⁵⁰, предпослан колоритный рассказ о том, как Ермак воевал в бассейне Тавды. Кроме того, по справедливому замечанию В.Карманова, это сочинение «можно использовать как источник с большой осторожностью»⁵¹. Вряд ли стоит полагать, что основу КЛ составила казачья «отписка»⁵² (неясно, кому) или же его автор передал содержание «написания», принесенного ветеранами «Сибирского взятия» первому тобольскому архиепископу Киприану⁵³, с ответами на вопросы, заинтересовавшими владыку: как ермаковцы «приидоша» за «Камень», где сражались с «погаными» и кто из казаков тогда погиб (70).

В.И.Сергеев датировал КЛ 1592—1593 гг.⁵⁴ Ученый ссылается на сообщение, что казаки на Тавде собрали «хлебъ въ ясакъ, ... и тот збор первой ясачной хлебъ в Тобольску»⁵⁵, тогда как позднее этот край был подведомственен заложенному в 1593 г. Пелыму. В.И.Сергеев, однако, забывает, что Тобольск был основан спустя несколько лет после казачьей экспедиции во владения

«Кучюма-царя». Следом же в КЛ сказано: «И донныне хлебъ и денги и куны те — в месте Ермакова прибору». В представлении Е.И.Дергачевой-Скоп это сочинение сложилось в 1620-х — 1630-х гг. (или не позднее)⁵⁶. Порой оно датируется более широко — концом XVI — серединой XVII вв.⁵⁷ В.В.Блажес, по мнению которого предания об экспедиции Брызги входили в «первоначальный состав» «устной народной истории покорения Сибири», КЛ появилась, видимо, в первой половине «бунташного века»⁵⁸. Ее возникновение приурочивается и к последующим десятилетиям XVII в.⁵⁹ Это суждение кажется наиболее вероятным. Помимо того, что в КЛ явно ощутима фольклоризация изображаемых событий, сошлемся и на замечание автора, что «сквозь их (судов Ермака. — Я.С.) dna дерева проросли», и упоминание про «полномочного соседа»⁶⁰.

Многие исследователи, начиная с Г.Ф.Миллера⁶¹, полагали, что на следующий год после того, как остяки низовий Оби были покорены Брызгой, поход в этот край совершил и сам Ермак. Такое решение, однако, не подтверждается свидетельствами сохранившихся источников.

Принимая во внимание показания С, ЕЛ и СЛ, можно думать, что поход в нижнее течение Иртыша был совершен под руководством самого Ермака⁶², в Самаров же городок и на Белогорье, не исключено, прославленный атаман отрядил какого-то своего соратника, но едва ли Богдана Брызгу.

Примечания

¹ Полное собрание русских летописей. М., 1987. Т. 36. С. 50, 51. В дальнейшем ссылки на это издание памятников «группы» Есиповской летописи (далее — ЕЛ) приводятся в тексте.

² О корысти и радости в ЕЛ упоминается и ранее (55, 56).

Мнение, что Обь в ЕЛ постоянно называется «великой» (Ромодановская Е.К. Материалы по стилистике сибирской литературы первой половины XVII в. // Вопросы русской и советской литературы Сибири (далее — ВРСЛС). Новосибирск, 1971. С. 14), не вполне справедливо. См.: 64. Ср.: С. 73, 74, 76.

³ Об этом перечне см.: Солодкин Я.Г. О миллеровском списке погибших ермаковцев (к 225-летию со дня смерти «отца сибирской истории») // Шатиловские чтения: Материалы XII краевед. конф. Нижневартговск, 2008. С. 31—34.

⁴ Таково одно из авторских определений ЕЛ (72).

В ее Румянцевском 2-м списке занятый ермаковцами городок называется Казымом (60. Примеч. 88). Но еще Г.Ф.Миллер сомневался в том, что тогда казаки побывали в этом городке и даже знали о нем, ибо от устья Казыма, впадающего в Обь с восточной стороны, упомянутое поселение, потом запустевшее, находится в 150 верстах (Описание Сибирского Царства: Соч. Г.Ф.Миллером. М., 1998. Кн. 1. С. 134).

⁵ См. также: Летописи сибирские (далее — ЛС). Новосибирск, 1991. С. 43.

⁶ По мнению же Г.Ф.Миллера, не располагавшего ПЛ, этот городок находился на реке Назим (по-остяцки Мозим), впадающей в Обь слева, выше Иртыша. Ученый склонен был отождествить это укрепленное поселение с Клином-городом (Янг-Ваш), так как развалины его заметны «на высокой острой горе, которую по внешнему виду клину уподобляют» (Описание ... Кн. 1. С. 135).

⁷ Оригинально и сообщение ПЛ о том, что Иртыш впадает в Обь «ниже урочища Самаровых гор единым плесом» (129).

⁸ Возможно, это такие же «вымышленные обстоятельства», которые Е.К.Ромодановская усматривает в датированной концом XVII в. Забелинской редакции ЕЛ. См.: Ромодановская Е.К. Русская литература на пороге нового времени: Пути формирования русской беллетристики переходного периода / Отв. ред. Л.А.Дмитриев. Новосибирск, 1994. С. 55—57.

⁹ В Академической редакции СЛС ошибочно говорится про Нарымский городок (363). Ср.: Памятники литературы Древней Руси: XVII век (далее — ПЛДР). М., 1989. Кн. 2. С. 580. Нарымский городок вовсе не принадлежал Игичею Алачеву, как утверждают комментаторы Кунгурского летописца (далее — КЛ) (Там же. С. 704).

¹⁰ Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 28—29. См. также: ЛС. С. 147, 149.

В оценке С.В.Бахрушина СЛ ближе, чем ЕЛ, к С в рассказе о походе на обские городки, тем более что у софийского дьяка тут маловразумительная вставка (Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 1. С. 26, 27).

¹¹ ПЛДР. Кн. 2. С. 561.

¹² См.: Солодкин Я.Г. Какой разновидностью Есиповской летописи пользовался С.У.Ремезов? // Земля Тюменская: Ежегодник Тюмен. обл. краевед. музея: 2006. Тюмень, 2007. Вып. 20. С. 5—14.

¹³ См.: Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. С. 41; Дергачева-Скоп Е. Из истории литературы Урала и Сибири XVII века. Свердловск, 1965. С. 77, 96, 98, 143; Алексеев В.Н. Кунгурская летопись в составе «Истории Сибирской» С.У.Ремезова // Становление системы библиотечного обслуживания и книжного дела в Сибири и на Дальнем Востоке. Новосибирск, 1980. С. 80. Ср.: С. 83; Ромодановская Е.К. Летописные источники о походе Ермака // Изв. Сибир. отделения АН СССР: Сер. обществ. наук. 1981. № 11. Вып. 3. С. 23; Очерки русской литературы Сибири: В 2 т. Новосибирск, 1982. Т. 1. С. 98. Ср.: С. 74, 75; Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск, 1986. С. 65; Преображенский А.А. Некоторые итоги и спорные вопросы изучения начала присоединения Сибири к России (По поводу книги Р.Г.Скрынникова «Сибирская экспедиция Ермака») // История СССР. 1984. № 1. С. 109. Ср.: Он же. Историк об историках России XX столетия. М., 2000. С. 49, и др. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 17, 428.

¹⁴ Ранее он представлен в КЛ главным из выборных есаулов в войске, перевавшим за Урал.

¹⁵ Вопреки допущению, будто процитированная фраза принадлежит очевидцу событий (Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. С. 42), сходные выражения имеются в ЕЛ: «начаша приступати к засеке», «начаша же к городку приступати» (53, 64; ср. 62, 65—67).

¹⁶ ПЛДР. Кн. 2. С. 577—580. Утверждение, будто под пером Ремезова Алач стал по воле Брязги правителем Березовского уезда (Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 2. С. 111), неверно. Так же следует оценить вывод о том, что в РЛ властитель Коды, которому достался один из панцирей Ермака, изображен влиятельным союзником Кучума (Там же. С. 114). По свидетельству Ремезова, Алач, который «во всех городах славен», забрал отданную «в приклад Белогорскому шайтану» кольчугу бесстрашного атамана (ПЛДР. Кн. 2. С. 564. Ср.: Бахрушин С. Кольчуга князя П.И.Шуйского // Тобольский хронограф. Екатеринбург, 2000. Вып. 4. С. 173), но когда, не поясняется. Заметим, что С.В.Бахрушин с должными основаниями назвал Игичея Алачева «русским подручником» (Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. С. 146. Ср.: С. 148).

Кстати, в РЛ изображена передача кольчуги Ермака не Алачеву (Со времен князя Самара: В поисках исторических корней Ханты-Мансийска. Переизд. Ханты-Мансийск, 2007. С. 107), а калмыцкому тайше Аблаю.

¹⁷ Карамзин Н.М. История Государства Российского. М., 1989. Кн. 3. Т. 9. Стлб. 233, 236; Примеч. 694. Как пишет А.Т.Шашков, когда казаки достигли устья Иртыша, на переговоры с ними явился правитель Кодского княжества Алач, и был заключен дружественный союз (Очерки истории Коды. Екатеринбург, 1995. С. 91; Шашков А. Пути за «Камень» и сибирский поход Ермака // Югра. 1997. № 4. С. 17, и др.). Это, разумеется, всего лишь догадка.

О «поставлении» Алача сказано только в «прибавлении» к РЛ, возникшем на Урале, в Прикамье (Блажес В.В. Ермаковские предания XVII в. в составе Кунгурской летописи // ВРСЛС. С. 37, и др.). Ремезов же, напомним, писал о «взятии» ермаковцами «кодских городков» и «князей Алачевых с богатством».

¹⁸ Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 70, 226; Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века: Изд. подг. Е.К.Ромодановская и О.Д.Журавель (далее — ЛП). Новосибирск, 2001. С. 356, 358. См. также: Ромодановская Е.К. Избр. труды: Сибирь и литература: XVII век. Новосибирск, 2002. С. 57, 191.

¹⁹ Солодкин Я.Г. С.В.Бахрушин о летописных источниках «Истории Сибирской» С.У.Ремезова (К оценке творческого наследия выдающегося ученого) // Прошлое Западной Сибири: Дискуссионные проблемы, итоги, перспективы изучения: Материалы науч. конф., посвященной 125-летию со дня рождения С.В.Бахрушина. Нижневартовск, 2007. С. 37—39. См. также: Могильников В.А. К истории знакомства русских с Сибирью до Ермака // Семен Ремезов и русская культура второй половины XVII—XIX веков. Тобольск, 2005. С. 140.

Утверждение Б.Н.Путилова, будто в РЛ использованы казачьи отписки (созданные по горячим следам событий), безосновательно, а взгляд Н.К.Фролова, что источником КЛ послужил сокращенный вариант ЕЛ, — явный домысел, как и признание оригиналом С «написания», переданного ветеранами «Сибирского

взятия» первому тобольскому архиепископу Киприану (Русское народное поэтическое творчество. М.; Л., 1953. Т. 1. С. 328, 329; Фролов Н.К. Сибирские летописи как исторический памятник ономастики XVII века // Письменность и книгопечатание: Материалы науч. конф. к 1100-летию славянского алфавита, 200-летию книгопечатания в Сибири. Тюмень, 1989. С. 27; Он же. У истоков русского духовного наследия в Западной Сибири // Аспекты развития духовной культуры в Западной Сибири. Тюмень, 1994. С. 116).

²⁰ Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 61. Вопреки мнению маститого ученого, сообщение двух этих летописей о предыстории знаменитой экспедиции имеют лишь отдаленное сходство, да и аналогии в «Кратком описании о Сибирстей земли ...», Новом летописце и ЕЛ Распространенной редакции, даже записках Э.И.Избранта (см.: Избрант Идес и Адам Бранд. Записки о русском посольстве в Китай (1692—1695) / Вступ. ст., перев. и комм. Н.И.Казанина. М., 1967. С. 82); известие данной разновидности есиповского «Сказания» о походе до Назима напоминает свидетельство Ремезова.

²¹ Дергачева-Скоп Е.И. Заметки о жанре «Истории Сибирской» С.У.Ремезова. Статья 1 // ВРСЛС. С. 56.

²² Имеется в виду КЛ. См.: Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. С. 41. Примеч. 97; Преображенский А.А. «Веков связующая нить...»: Преемственность военно-патриотических традиций русского народа (XIII — начало XIX вв.). М., 2002. С. 87. Ср.: Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 414.

Мнение В.А.Плугина, что КЛ, подобно ЕЛ и СЛ, восходит к своду Киприана Старорушанина (Источниковедение истории СССР) / Под ред. И.Д.Ковальченко. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1981. С. 79), не высказывавшееся в специальной литературе, следует признать домыслом.

²³ ПЛДР. Кн. 2. С. 555, 562, 568, 574, 577, 581.

²⁴ Дергачева-Скоп Е., Алексеев В. «Философии разных наук употребляющий ...». Семен Ремезов — тобольский просветитель XVII века // Альманах «Тобольск и вся Сибирь». Тобольск, 2004. № 1. С. 168. Ранее те же исследователи считали, что «вставные листы (содержащие текст КЛ. — Я.С.) переписаны и бегло проиллюстрированы С.У.Ремезовым, вероятно, в 1703 г., во время служебной поездки в Кунгур. ... видимо, сведениями из Кунгурского летописца Ремезов предполагал дополнить свое сочинение» (ПЛДР. Кн. 2. С. 698. Ср.: Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н. Ремезовская летопись: история открытия, рукописи, издания // Семен Ремезов ... С. 62—63).

²⁵ См.: Пашков А.Т. Сибирский поход Ермака: хронология событий 1581—1582 гг. // Изв. УрГУ. 1997. № 7. С. 36. Примеч. 6 (Гуманитарные науки. Вып. 1); Он же. Проезжая через Самарово: Из прошлого столицы Югорского края // Родина. 2007. № 10. С. 45.

²⁶ См.: Лихачев Д.С. Рец.: Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири: XVII век. Л., 1939 // Сибирские огни. 1941. № 2. С. 141; Он же. Русские летописи ... С. 415; Дергачева-Скоп Е. Из истории литературы ... С. 97—98; Она же. Заметки ... С. 59; Сергеев В.И. У истоков сибирского летописания // Вопросы истории. 1970. № 12. С. 56—60, и др. Ср.: Он же. Источники и пути исследования

сибирского похода волжских казаков // Актуальные проблемы истории СССР. М., 1976. С. 39.

²⁷ Ромодановская Е. Тобольские летописцы // Родина. 2004. Спец. вып.: Тобольск — живая былина. С. 49. В.И.Сергеев скептически отнесся к подобному выводу, впервые сделанному Е.И.Дергачевой-Скоп; подчас же он считается убедительным (Сергеев В.И. У истоков ... С. 59; Горюшкин Л.М., Миненко Н.А. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI — начало XX вв.). Новосибирск, 1984. С. 15).

²⁸ ПЛДР. Кн. 2. С. 698. Заметим, что видные исследователи сибирской книжности почему-то указывают на возглавленный Брязгой поход (о котором известно и документально, см.: Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 67) в «пелымские волости».

²⁹ Со времен князя Самара ... С. 130, 166.

³⁰ См.: Майков Л. Хронологические справки по поводу трехсотлетия присоединения Сибири к русской державе // Журнал Министерства народного просвещения. 1889. № 9. Отд. 2. С. 28—29; Тыжнов И. Новейшие труды по истории покорения Сибири // Сибирский сборник. Иркутск, 1898. С. 68, 69; Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. С. 42; Лихачев Д.С. Рец. ... С. 141; Он же. Русские летописи ... С. 415; История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2. Ч. 2. С. 91; Дергачева-Скоп Е. Из истории литературы ... С. 96, и др.

³¹ См.: Дергачева-Скоп Е. Из истории литературы ... С. 28. Ср.: С. 29; Она же. Генеалогия сибирского летописания: Концепция, материалы. Новосибирск, 2000. С. 52. Примеч. 69. Ср.: Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. С. 39; Ромодановская Е.К. Летописные источники ... С. 23.

³² Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 71, 151, 241. Ср.: С. 205. Вдобавок укажем, что, по свидетельству Ремезова, 8 июня 1581 г. ермаковцы «поплыша вниз по Тоболу реке», выдержав несколько сражений, продолжили свой путь 29 июня, потом неделю стояли возле устья Тавды и 8 июня же двинулись вниз по Тоболу (ПЛДР. Кн. 2. С. 554).

³³ См.: Солодкин Я.Г. Из наблюдений над хронологией «Истории Сибирской» С.У.Ремезова // Семен Ремезов ... С. 125, 126; Он же. С.В.Бахрушин ... С. 37—38; Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории: Колл. моногр. (далее — ИИАСИ). Нижневартовск, 2007. Ч. 2. С. 21. Примеч. 56, и др. Любопытно, что в ремезовской «Служебной чертежной книге» к 9 мая относится наступление «теплоты весны» (Дергачева-Скоп Е.И. «Похвала» Сибири С.У.Ремезова // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 268, 273).

³⁴ Шашков А. Проезжая через Самарово ... С. 45.

С точки зрения Е.И.Дергачевой-Скоп, упоминания о днях, неделях, месяцах создатель РЛ почерпнул из «устной летописи» (Дергачева-Скоп Е. Из истории литературы ... С. 94). Соображения исследовательницы о произведениях такого рода кажутся нам искусственными. Ср.: Яковлева А.М. Е.И.Дергачева-Скоп об «устных летописях» как источниках ранних письменных исторических повестей о «взятии» Сибири (историографический обзор) // Источники по истории Западной Сибири. Сургут, 2004. С. 15—16.

³⁵ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. С. 257. Ср.: Ч. 1. С. 32; Сибирская советская энциклопедия. Б. м., б. г. Т. 2. Стлб. 377.

³⁶ Ср.: ЛП. С. 89, 277, 342, 363.

³⁷ ПЛДР. Кн. 2. С. 560, 561, 563, 567, 575. Ср.: С. 569.

³⁸ Со времен князя Самара ... С. 135, 137, 141, 168. В достоверности содержащихся в КЛ дат, в том числе 20 мая, не сомневается и К.А. Анкушева. См.: Анкушева К.А. Бардак // Большая Тюменская энциклопедия. Тюмень, 2004. Т. 1. С. 200, 201.

³⁹ Шашков А. Проезжая через Самарово ... С. 45. А.Г. Еманов почему-то датировал оборону Самарова городка от ермаковцев 1586 г. (Еманов А.Г. Самар // Югория: Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск, 2000. Т. 3. С. 64).

Утверждение, что Самар погиб «под стенами своего городка в борьбе с казаками Ермака» (Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. С. 55. Ср.: С. 140), не отличается точностью.

Утверждение, что Самара убил казак Б.Брызга (Малолетко А.М. Южная Россия и первая русская колония в Сибири // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура: Сб. науч. тр. IV Международ. науч. конф. Белгород, 2006. Т. 1. С. 22), неточно.

⁴⁰ Балюк Н.А. Формирование селитебной системы Приобья по материалам Самарова городка (историография проблемы) // Угры: Материалы VI-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск, 2003. С. 191; Она же. Крепость святого сына // Сибирский исторический журнал. 2004. № 1. С. 32. Исследовательница ошибочно называет Брызгу атаманом, а Алача — сыном Игичея. В летописях, на которые она ссылается (64—65, 80, 86—88, 126—136), о Самаровом и Белогорском городках не сказано.

⁴¹ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. С. 113, 141.

⁴² Д.С. Лихачев принимал этот рассказ за законченный повествовательный отрывок (История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2. Ч. 2. С. 91).

⁴³ Описание ... Кн. 1. С. 132; Л. 1 об.; Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М., 1999. Т. 1. С. 243.

⁴⁴ Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 71. Ср.: С. 234.

⁴⁵ Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032—1882. Сургут, 1993. С. 38. Ср.: Со времен князя Самара ... С. 134, 135. См. также: Солодкин Я.Г. Взятие ермаковцами Самарова городка в трактовке ученых последних десятилетий // «Aus Sibirien-2008»: Научно-информационный сборник. Тюмень, 2008. С. 164—166; Он же. Ермаковы казаки в городке князя Самара // Югра. 2008. № 6. С. 62—63.

⁴⁶ Сибирские летописи. С. 377.

⁴⁷ ПЛДР. Кн. 2. С. 554, 557, 558, 579, 701. Ср.: С. 577, 580.

⁴⁸ Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 233; Со времен князя Самара ... С. 135.

⁴⁹ Со времен князя Самара ... С. 135.

⁵⁰ Шашков А.Т. Югорские князья в XV—XVIII вв. // Северный регион: Наука: Образование: Культура. 2001. № 1 (3). С. 176.

⁵¹ Карманов В. Что стоит за новой датой образования окружного центра // Югра. 2007. № 5. С. 64.

⁵² Мирзоев В.Г. Историография Сибири (Домарксистский период). М., 1970. С. 17. Ср.: С. 30. КЛ затруднительно сблизить с той отпиской, которую доставили царю Ивану сеунчики Ермака (57—58. Ср.: Сибирские летописи. С. 375; ПЛДР. Кн. 2. С. 560).

⁵³ Таково мнение Л.Н.Пушкарева. См.: Очерки истории СССР: Период феодализма: XVII в. М., 1955. С. 601.

⁵⁴ Сергеев В.И. Сибирские летописи // Советская историческая энциклопедия. М., 1969. Т. 12. Стлб. 823; Он же. У истоков ... С. 57; Он же. Источники и пути исследования ... С. 18. Сочинением конца XVI в. считается КЛ и в статье Д.О.Стародумова «Самаровское городище» (Югория ... Т. 3. С. 65).

⁵⁵ ПЛДР. Кн. 2. С. 576, 578.

⁵⁶ Дергачева-Скоп Е. Из истории литературы ... С. 98—99, 147. Примеч. 7. Ср.: С. 111; ПЛДР. Кн. 2. С. 698.

⁵⁷ Ислам на краю света: История ислама в Западной Сибири: В 3 т. / Под ред. А.П.Яркова. Тюмень, 2007. Т. 1. С. 171.

⁵⁸ Блажес В.В. Ермаковские предания ... С. 37, 47.

⁵⁹ См.: Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. С. 40; Буганов В.И., Зимин А.А. Поход Ермака на Казань и возникновение исторических песен о Ермаке // Уч. зап. Казан. гос. пед. ин-та. 1967. Вып. 50. С. 5.

Об истории изучения КЛ см.: ИИАСИ. Ч. 2. С. 88—96.

⁶⁰ ПЛДР. Кн. 2. С. 578.

⁶¹ См., напр.: Щеглов И.В. Хронологический перечень ... С. 38, 40; Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. С. 55, 98, 147. Ср.: Ч. 1. С. 59; Шатилов М.Б. Ваховские остяки (Этнографические очерки) / Под ред. С.Г.Пархимовича. Тюмень, 2000. С. 34, 35.

⁶² Так думалось еще Н.М.Карамзину (Карамзин Н.М. История ... Кн. 3. Т. 9. Стлб. 232—233).

А.Т.Шашков предводителем интересующей нас экспедиции, в которой он и погиб, называл Никиту Пана (Шашков А. Пути за «Камень» ... С. 17; Он же. Гибель Кучумова «царства». Еще раз о походе Ермака: новая версия // Родина. 2002. Тропой стран полуночных. С. 76; Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000. С. 117). В книге «Со времен князя Самара ...» (С. 136) высказано допущение, что во главе ермаковцев, действовавших в Нижнем Приобье, находился и Брязга.

Глава 2

ДОКУМЕНТЫ ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЕЙ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ КАК ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ НАСЕЛЕНИЯ ГУБЕРНИИ

Ценнейшими историческими источниками о жизни населения Тобольской губернии являются документы ее православных церквей, которые в настоящее время находятся на хранении в Государственном учреждении Тюменской области (ГУТО) «Государственный архив в г.Тобольске».

В соответствии со справочником «Тобольская губерния. Список населенных мест по сведениям 1868—1869 годов», в указанный период в губернии насчитывалось 355 православных церквей, 6 монастырей, 10 единоверческих церквей и 5 раскольничьих молелен¹. Только в Тобольске было 19 православных церквей (из них 2 собора) и монастырь (для сравнения: в Тюмени — 11, в Сургуте — 1)².

В настоящее время в ГУТО «Государственный архив в г.Тобольске» имеются на хранении фонды 53 церквей Тобольской губернии (из них 13 — непосредственно г.Тобольска), общей численностью 1595 единиц хранения за период с 1721 по 1928 годы. Количество дел в самих фондах колеблется от двух до почти двухсот.

Вся документация церквей может быть условно разделена на две больших категории: документация по религиозной деятельности церкви и документация по хозяйственной деятельности церкви.

В состав первой категории документации входят многочисленные документы, содержащие информацию как о каждом из членов церковного причта, так и о всех должностных лицах церкви, составляющих церковный клир.

Хозяйственная документация также содержит информацию о прихожанах и священно- и церковнослужителях, но в гораздо меньшем объеме.

Проанализировать весь объем документов в рамках данной работы не представляется возможным ввиду как большого количества документов, так и разнообразия их содержания, поэтому особо следует выделить наиболее информативные документы,

позволяющие составить представление о жизни населения Тобольской губернии до 1917 г.

Прежде всего, это метрические книги — вид церковной документации, наиболее известный в настоящее время в связи с всплеском интереса к генеалогии в обществе. Метрические книги — церковные документы, в которых фиксировались факты рождения, бракосочетания и смерти граждан. Они позволяют выявить фамилии, имена, отчества, даты, место рождения (смерти) и проживания, сословие, вероисповедание. Первое законодательное оформление практика ведения метрических книг в России была закреплена в решениях Московского церковного собора 1666—1667 гг. Первым светским узаконением был указ Петра I от 1702 г. «О подаче в Патриарший духовный приказ приходским священникам недельных ведомостей о родившихся и умерших».

Велись метрические книги в церковных приходах до 1918 г. (в редких случаях до 1921 г.), затем регистрация актов гражданского состояния была передана подотделам ЗАГС местных органов исполнительной власти. Сейчас они хранятся в архивах — в архивных фондах тех церквей, при которых они велись, или в объединенных архивных фондах.

Исповедальные ведомости (исповедные росписи) — представляют собой полный именной список всех православных семейств в конкретном населенном пункте, со всеми именами, адресами и возрастом каждого лица. Из этих документов можно не только узнать о добросовестном исполнении христианского долга — причастии и исповеди жителей, но даже узнать о количестве надворных построек. До начала XX в. велись общие списки на православных прихожан, сектантов и старообрядцев. 26 мая 1900 г. Святейший Синод издал указ, в котором содержалось положение о «ведении особой от исповедных росписей записи старообрядцев и сектантов». На протяжении пяти лет велись отдельные для старообрядцев и различных сектантов списки. Составление этих списков прекратилось в 1905 г., что было связано с изданием 17 апреля 1905 г. Высочайшего указа об укреплении начал веротерпимости. Церковным причтам вменялось в обязанность представлять местным отцам благочинным только «общую цифровую ведомость о числе старообрядцев и сектантов, с подразделением на секты для составления общих благочиннических ведомостей,

которые и должны быть представляемы в консисторию...» (ГУТО «Государственный архив в г.Тобольске»³).

Составление этих списков прекратилось в 1905 г., что было связано с изданием 17 апреля 1905 г. Высочайшего указа об укреплении начал веротерпимости.

При этом следует отметить, что в селах, где прихожане проживали в основном постоянно, исповедальные росписи велись исправно. Заполнением исповедных росписей занимался псаломщик (метрические книги, брачные обыски вел священник; копии метрических записей, клировые ведомости — диакон). (ГУТО «Государственный архив в г.Тобольске»⁴).

Но в больших городах, где состав прихожан постоянно менялся, и в их числе состояли многие временно прибывающие из населенных пунктов, в исповедные росписи обычно вносились только те лица, которые приходили к исповеди. Сведения записывались с их собственных слов. От того, каким из этих двух способов велись исповедные росписи, зависит надежность необходимой исследователю информации. Исповедные росписи также находятся на хранении в областных и республиканских исторических архивах — в архивных фондах тех церквей, при которых они и велись.

Кроме того, при церквях велись разного рода списки прихожан: «Алтарный реестр бывших у исповеди» — Воскресенско-Захарьевская церковь г.Тобольска⁵, «Реестр прихожан церкви, платящих на содержание храма» — Богородицко-Успенская церковь с.Полноватского⁶ и др.

Брачные обыски или предбрачные свидетельства — документы, составленные перед венчанием причтом церкви⁷. Эти документы подтверждали предварительное заключение брака, они включают всю исчерпывающую информацию о лицах, пожелавших вступить в брак, и об их родителях или опекунах: фамилию, имя, отчество, дату рождения, вероисповедание, национальность, сословие, состояние здоровья и пр. Брачные обыски были введены в церковный документооборот в 1765 г. Его форма, восходящая к так называемым венечным памяткам Древней Руси, определилась к 1837 г.⁸ В конце XIX — начале XX вв. у брачных обысков появилось второе название — предбрачные свидетельства.

Как свидетельствуют правила ведения церковного делопроизводства, брачные обыски, как и метрические книги, вел исключительно

сам священник (что уже свидетельствует о важности этих документов), копии метрических книг и клировые ведомости — дьякон, исповедными росписями занимался псаломщик⁹.

Книги брачного обыска в настоящее время можно найти в архивных фондах тех церквей, причтом которых они и велись. Книги брачного обыска составляют немалую часть документов фондов церквей Тобольской губернии, хранящихся в ГУТО «Государственный архив в г.Тобольске».

Анализ содержания брачных обысков позволяет определить порядок подготовки этих документов и получить максимально полную информацию о сторонах, заключающих брак: предварительно жених и невеста должны были представить настоятелю церкви документы, именуемые брачными (письменное согласие родителей, метрические выписки о рождении или смерти супруга(и). Если в брак вступал вдовец или вдова — удостоверения от сельских или волостных старост с подтверждением холостого статуса брачующихся), свидетельство о намерении вступить в брак¹⁰. Они, как правило, собирались в отдельные дела под названием «брачные документы» или «материалы к брачным обыскам»¹¹. Но в практике небольших приходских церквей нередко можно встретить брачные документы в составе обыскных книг. В больших городских приходах брачные обыскные книги и книги брачных документов велись отдельно.

Если все документы вступающих в брак были в порядке, приходской священник был обязан троекратно во время ближайших воскресных или праздничных литургий оповещать прихожан о предстоящем бракосочетании. Целью такого оглашения было выявление всех фактических препятствий, делавших брак невозможным. После исследования всех документов и оглашения священник и должен был составить брачный обыск (предбрачное свидетельство). Наличие такого предбрачного свидетельства было обязательным условием официального заключения церковного брака.

Предбрачное свидетельство включало всю исчерпывающую информацию о лицах, пожелавших вступить в брак.

Такой реквизит как дата еще не был выделен из текста документов, и поэтому дата совершения обряда указывалась в самом тексте, затем указывалось место совершения обряда и церковь:

«18... года Ноября дня... по указу Его Императорскаго Величества, такого-то города, или села, такой-то церкви священно- и церковнослужители производили обыск о желающих вступить в брак, и оказалось следующее...»¹².

Далее указывались следующие сведения: фамилии, имена, отчества жениха и невесты; возраст; вероисповедание; сословие; звание или чин; место службы; место проживания обоих; состояние в браке (холост, вдов после первого или второго брака).

В обязательном порядке указывалось — нет ли между брачующимися не только кровного, но и духовного родства и по взаимному ли согласию вступают лица в брак.

Сюда же заносилась информация о согласии на брак родителей (опекунов, попечителей), начальства — для военнослужащих и чиновников (о названных лицах также подробно излагалась информация — фамилия, имя, отчество, вероисповедание, чин, звание, место жительства). Если родителей не было к этому времени в живых — это обязательно оговаривалось.

В брачном обыске перечислялись все документы, представленные женихом и невестой. И, наконец, назначалось время и место предстоящего венчания.

Брачный обыск подписывался женихом и невестой, двумя или тремя поручителями со стороны жениха, двумя или тремя поручителями со стороны невесты и в заключение — священником, диаконом и псаломщиком, производившими обыск.

Брачные обыски заносились в шнуровые книги, именуемые книгами на записку брачного обыска или книгами брачного обыска, и скреплялись печатями духовных консисторий. Хранились книги при церквях.

Ценность брачных обысков как исторических источников заключается в том, что они содержат максимально полную информацию не только о лицах, вступающих в брак, но и о их родственниках и знакомых и позволяют представить всю процедуру оформления брачных отношений в дореволюционной России. Кроме того, брачные обыски позволяют проследить процесс появления новых и изменения уже существовавших форм и видов брачных документов.

Вопреки расхожему мнению о том, что в дореволюционной России отсутствовали разводы, следует отметить, что кроме документов о заключении браков при церквях в обязательном

порядке велись «Дела записи дознания по брако-разводу», которые содержали подробное описание, когда, кто (с указанием девичьей фамилии женщины), где проживающие и по каким причинам желали развестись. То есть данные документы содержали подробное описание всех обстоятельств бракоразводного процесса¹³.

Информацию о самих священно- и церковнослужителях можно получить из клировых ведомостей — послужных списков священнослужителей, например:

«Священник Николай Герасимов принятый в духовное звание в 1859 году с разрешения Святейшаго Синода; Обучался в Тобольской Духовной Семинарии, где покончил полный курс богословских наук в 1868 году и уволен с аттестатом второго разряда в Епархиальное ведомство, в том же году 4 августа Высокопреосвященнейшим Варлаамом Архиепископом Тобольским рукоположен во священника, к Обдорской Петро-Павловской церкви... Лета от рождения — 22. В семействе у него жена Мария Викторова...» (орфография и пунктуация сохранена по тексту)¹⁴.

Кроме клировых ведомостей, в качестве источника информации о священно- и церковнослужителях нужно отметить ревизские сказки — документы, содержащие результаты проведения ревизий (переписей) податного населения Российской империи в XVIII — первой половине XIX вв. Ревизские сказки являлись поименными списками населения, в которых указывались имя, отчество и фамилия владельца двора, его возраст, имя и отчество членов семьи с указанием возраста, отношение к главе семьи. Например, «Ревизские сказки о церковносвященнослужителях церкви и их семьях за 1816—1833 годы» (орфография сохранена по тексту) в архивном фонде Белгородской Троицкой церкви и др.¹⁵

Кроме названных, можно встретить документы о конкретных личностях священнослужителей высокого ранга. Например, в архивном фонде Тобольского кафедрального Софийского Успенского Собора имеется на хранении «Биография Тобольскаго Кафедральнаго Протоиерея Петра Фелицина, 1852—1857 годы»¹⁶.

Не менее информативны различные рапорты, прошения, доклады служителей церкви вышестоящему начальству: также в фонде вышеназванного собора хранятся «Рапорты священников о внутреннем устройстве собора, о времени пребывания Абалакской

иконы в соборе. Указы Тобольской духовной консистории о назначении и увольнении священно- и церковнослужителей»¹⁷.

Ценнейший информационный пласт о жизни населения Тобольской губернии содержится в документах церковно-приходских школ Тобольских храмов.

Церковно-приходскими школами именовались образовательные учреждения (или «начальные училища»), открываемые православным духовенством при церквях на средства местных приходов. Эти школы делились на одноклассные с двухлетним курсом обучения и двухклассные с четырехлетним курсом. Преподавали в них местные священники и учителя или учительницы, получившие образование в духовных учебных заведениях, и утвержденные епархиальным архиереем.

Необходимо заметить, что вопреки распространяемому не одно десятилетие утверждению, что девочки в России до 1917 г., как правило, никаким наукам не обучались, кроме бытовых навыков, церковно-приходские школы создавались равно как для мальчиков, так и для девочек. Программы были одинаковы, за исключением обучения умениям и ремеслам, необходимым в повседневном быту. Обучались в школах дети и служащих, и мещан, и крестьян. Создаваться они начали в начале XVIII в. Духовный регламент 1721 г. предписал учреждать всесословные училища при архиерейских домах (архиерейские школы) и монастырях. С 1836 г. по распоряжению императора Николая I школы стали создавать при церквях и монастырях. К 1861 г. духовенством было основано свыше 18 тыс. начальных училищ, за которыми закрепилось название «церковно-приходских школ» (употреблялись также названия: «священнические школы», «церковные школы», «школы для поселянских детей»). А к 1910 г. в селениях только Тобольской губернии насчитывалось 488 начальных одно- и двухклассных церковно-приходских школ. В уездных городах губернии было 22 школы, и в губернском, т.е. в самом Тобольске — 6¹⁸.

Располагались церковно-приходские школы, как правило, в помещениях, специально выстроенных для этой цели самим населением. Это уже говорит о том, что школам придавалось большое значение (т.к. ведение своего хозяйства, особенно у жителей сельской местности, отнимало все более или менее свободное время, и, тем не менее, население находило возможность

принять участие в строительстве школы если не физическим трудом, то материальным вкладом).

Цель создания и функционирования церковно-приходских школ заключалась не только в повышении образовательного уровня простого, недворянского населения России. Прежде всего, школы эти имели своей целью «утверждать в народе православное учение **нравственности христианской** и сообщать первоначальные полезные сведения»¹⁹. Таким образом, назначение церковно-приходских школ состояло, прежде всего, в нравственном воспитании народа.

Но, как отмечал в свое время писатель Т.И.Филиппов в своей «Записке о народных училищах», «Далеко не всякое образование ума приводит к преуспеванию нравственному: ... при превратном ее направлении, умножаются порочныя наклонности народа, увеличивается число преступлений»²⁰.

И поскольку источник нравственности в России дореволюционного периода виделся, прежде всего, в религии, то и церковно-приходским школам в воспитании нравственности отводилась особая роль. Школьная программа была составлена так, что важное место в ней занимал закон Божий (причем особое внимание при этом уделялось преподаванию Нравственного Богословия). Закон Божий — «это научение детей истинам веры и нравственно-религиозное воспитание детей в духе Православной церкви», поэтому неудивительно, что занятие им занимало большую часть времени учащихся.

Далее следовали: церковное пение, чтение церковной и гражданской печати, письмо (в том числе и старославянское), арифметика, история церкви и отечества²¹.

Учебная программа по чтению и письму была также направлена на укрепление нравственных начал. Например, в классном журнале Обдорской церковно-приходской школы для мальчиков за 1902—1903 учебный год содержится следующая запись:

«... Читали «Добрый обычай». ... Писали с книги стихотворение «Молитва матери»...»²².

Или, например, классный журнал градо-Тобольской Христо-Воздвиженской церковно-приходской школы за 1912—1913 учебный год свидетельствует:

«... Читали статью «Самоотверженные матери». Писали изложение статьи «Добро за добро».

...Писали изложение статьи «Сила не право». Читали «Братская любовь крепче каменных стен»²³.

В 1887 г. в Киеве при Киевском епархиальном училищном совете начал издаваться ежемесячный журнал «Церковно-приходская школа», распространяемый путем подписки по всем епархиям Российской империи. В программу журнала входило опубликование постановлений Святейшего Синода и епархиальных советов; разного рода информации о церковно-приходских школах по епархиям и, обязательно, каждый номер содержал повести и рассказы религиозно-нравственного содержания, размышления о православной нравственности и описание примеров благочестия при различных жизненных обстоятельствах.

Кроме того, важно заметить, что отцы благочинные (т.е. священники, возглавляющие благочиния) даже императорским указом обязывались вникать в воспитательное влияние на учащихся преподаваемых им предметов. Благочинные должны были посещать занятия и наблюдать, насколько хорошо и полно усваивали ученики добрые навыки, насколько скромно себя вели и как слушали своих наставников²⁴. Результаты этих посещений с указанием точного времени проверки, с подробным изложением недостатков преподавания и предложениями мер по их исправлению заносились в специальный журнал. Затем эта информация излагалась в отчетах, которые каждые полгода предоставлялись в Консисторию.

Кроме того, среди документов церковно-приходских школ имеются журналы успеваемости учеников, соответственно, содержащие списки всех учащихся.

Не все учащиеся были удостоены чести получить свидетельство об окончании церковно-приходской школы. За успеваемостью и поведением действительно строго наблюдали. По окончании школы ученики и ученицы должны были писать прошения в так называемые испытательные комиссии, действовавшие при каждой школе, с просьбой подвергнуть их испытанию на знание курса школы и выдать соответствующее свидетельство. И только в том случае, если преподаватели были удовлетворены прилежностью

учащегося, его (или ее) допускали к экзамену и выдавали документ об успешном окончании курса церковно-приходской школы.

Только преподаванием вышеуказанных предметов функции церковно-приходских школ не ограничивались. Как было провозглашено в журнале «Церковно-приходская школа», «... одна из главнейших обязанностей просвещенного человека... есть внимание к общественному воспитанию: ибо от него весьма много зависит образ мыслей и нравственность будущих поколений, а с тем вместе и весь будущий ход народной жизни»²⁵. И поэтому при школах устраивались певческие хоры, которые принимали участие в церковных богослужениях, учащиеся привлекались к церковным чтениям, к прислуживанию у алтаря. Кроме того, действовали особые ремесленные и рукодельные классы.

При школах повсеместно были открыты как учительские, так и ученические библиотеки, доступ в которые был открыт любому, умеющему и желающему читать. (Следует отметить, что книги в них были в основном, конечно, духовного содержания). Так, например, в здании Тобольской Богоявленской церковно-приходской школы работала так называемая братская читальня, завел которой дьякон кафедрального собора Михаил Олерский²⁶.

В сферу воздействия церковно-приходских школ было включено и взрослое население империи, в том числе и Тобольской губернии. А именно: во всех школах со времени их открытия устраивались публичные народные чтения, которые носили преимущественно религиозно-нравственный характер. Хотя посредством их распространялись и общеобразовательные знания. При этом использовалась литература по разным отраслям знаний: географии, истории, сельского хозяйства, из народного быта и проч. Причем проведение таких чтений было специально предусмотрено Правилами об уездных отделениях епархиальных училищных советов 1888 г.

Народные чтения проводились в школьных помещениях под непосредственным руководством священников, возглавлявших школы. При этом обязательно велся журнал для записи содержания чтений. В него заносили не только когда и что именно читали, но и указывали, кто читал, фиксировали количество присутствовавших слушателей. Например, в подобный журнал Градо-Тобольской

Христо-Воздвиженской женской церковно-приходской школы содержит следующую запись:

«1897 г. 2 ноября. Прочитано воспитанником Тобольской семинарии Виктором Пресвятским об Отечественной войне 1812 года. Число слушателей — около 300 человек.

9 ноября. Прочитано воспитанником семинарии Александром Николаевым «Бог правду видит, да не скоро скажет» (соч. Толстого). Число слушателей — около 400 чел.

...1910 г. 16 декабря. «Где просвещение, там и счастье». Читала учительница Анна Маляревская. Число слушателей — 50.

...1906 г. 17 марта. «К чему ведут семейные раздоры» из Троицкого листка. Читала учительница Анна Маляревская. Число слушателей — 40»²⁷.

Народные чтения служили, прежде всего, средством отвлечения взрослого населения «... от неразумных и предосудительных развлечений в свободные от работ воскресные и праздничные дни»²⁸.

Кроме того, в школах проводили ежедневные уроки для взрослых, а для тех, кто не мог посещать занятия каждый день, проводили уроки по воскресеньям.

После 1917 г. церковные школы была ликвидированы Постановлением СНК от 24 декабря 1917 г. «О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение народного комиссариата по просвещению».

Хозяйственная документация Русской Православной Церкви также является ценнейшим историческим источником по становлению и развитию материальной культуры народа и государства в целом, о быте церкви и населения. Сохранившиеся комплексы церковных прихода-расходных книг позволяют осветить хозяйственные стороны жизни православных религиозных учреждений: содержат информацию об ассортименте, объемах и ценах закупаемых ими товаров, т.е. позволяют проследить уровень и динамику развития торговли между светскими учреждениями и церквями. Эти документы позволяют проследить различные особенности хозяйствования религиозных учреждений в определенные исторические периоды.

Кроме того, названные документы содержат фамилии и сословия лиц, которые либо поставляли свою продукцию церкви (воск,

ткани и пр.), либо приобретали товары, производимые церковью (свечи, иконы, кресты и пр.).

В настоящее время приходо-расходная документация церковей хранится в архивах — в архивных фондах тех церковей, при которых они велись. Следует отметить хорошую сохранность приходо-расходной документации (книг, журналов, тетрадей), хранящейся в фондах церковей в ГУТО «Государственный архив в г.Тобольске».

Церковные приходо-расходные книги могут быть отнесены к хозяйственным книгам учетно-динамического характера, так как в них фиксировались все хозяйственные операции в динамике. В равной степени в церковном делопроизводстве практиковалось как ведение общих приходо-расходных книг, содержащих, соответственно, и те и другие статьи, так и приходных и расходных книг по отдельности.

Книги были, как правило, переходящими, т.е. велись на протяжении нескольких лет, например, Тетрадь прихода и расхода разрешительных молитв и венчиков за 1862—1879 гг.²⁹

На каждый вид имущества, включая финансовые ресурсы, велись отдельные виды книг. Например:

Книга записи прихода церковных сумм и свечных доходов;

Книга для записи прихода и расхода вспомогательной суммы³⁰;

Книга на записку прихода и расхода прибавочной, оброчной и вообще накладной суммы по Тобольскому Архиерейскому Дому³¹;

Книга записи прихода и расхода крестов и гайтанов на 1873 г.³²

Таким образом, это были приходо-расходные книги специального целевого назначения. Среди них велись также книги на выдачу жалованья штатным служителям, на строительство различных хозяйственных построек, на ремонт и т.д. Например: «1832 года куплено у купеческаго сына Михаила Гласкова один фунт Белаго воску. Заплачено один руб. тридцать одна коп.»³³. (Орфография — по тексту). Затем полученная сумма указывалась цифрами, для чего вводились отдельные графы для рублей и копеек. Иногда дополнительно вводились графы, содержащие указание на остаток денег на момент заполнения и итоговую графу, в которой указывалась общая сумма.

В книгах выдачи денег (или какого-либо имущества) обязательно предусматривались росписи лиц, которым они выдавались.

Но специально озаглавленной соответствующим образом графы не было. Обычно в журнале просто оставлялась пустая графа, в которую при необходимости заносились какие-либо примечания, и росписи в том числе.

В общих приходо-расходных книгах, на левой стороне разворота страниц содержались графы о приходе, на правой — о расходе.

Кроме вышеперечисленных, в церквях велись книги, полученные из различных вышестоящих инстанций — например, Казенной палаты, Коллегии экономии. В них фиксировались ежегодные расходы выданных этими учреждениями штатных сумм. Это книги небольшого объема, в них отсутствует деление по рубрикам. В статьях расходов в качестве получателей значатся монастырские должностные лица или персоналии торговцев и других лиц, предоставлявших свои услуги. Записи охватывают не весь календарный год, т.к. выделенные деньги расходовались раньше окончания года.

По окончании года церковный староста, на основании приходо-расходных книг, обязан был составлять перечневую ведомость обо всех доходах и расходах в двух экземплярах (полном и сокращенном) и предоставлять Благочинному, который полный экземпляр предоставлял в Консисторию, второй — без указания вкладов, сборов и пожертвований, передавал в Правление духовного училища по принадлежности.

К началу XX в. были введены в действие «Правила о порядке записывания приходов и расходов в церковные шнуровые книги и представления отчетных ведомостей»³⁴. Правила четко определяли поступления, подлежащие фиксированию в шнуровых книгах:

- 1) суммы, принадлежащие местной церкви;
- 2) капиталы, предназначенные в пользу причта;
- 3) сборы и доходы, имеющие особое значение и поступающие в церковь в виде переходящих сумм³⁵.

Часто в дополнение к приходо-расходным книгам велись «Оправдательные документы по приходным и расходным книгам», которые содержали детальное описание всех составляющих получения или расходования денежных сумм или церковного имущества (источник, время, цель получения или цель и время расходования и т.д.)³⁶.

Таким образом, приходо-расходные документы являются уникальным историческим источником экономической жизни православных церквей, и, кроме того, содержат даты, большое количество фамилий, указаний на сословную принадлежность тех или иных лиц и т.п. И, следовательно, могут быть использованы как при составлении исторических справок о религиозных учреждениях, так и при генеалогических изысканиях.

Необходимо отметить, что в фондах православных церквей хранятся не менее интересные и информативные документы, которые сложно отнести к какой-либо определенной группе документации. Таких документов немного и, как правило, они велись священнослужителями по собственной инициативе в силу своей просвещенности и желания зафиксировать документально жизнь своего прихода. Например, в архивном фонде Чемашевской Николаевской церкви содержится «Описание прихода села Чемашевского Березовского уезда (до 1906 года), составленное священником Зосимой Козловым»³⁷.

Или в архивном фонде Богоявленской церкви г.Тобольска имеется на хранении дело, именуемое «Документы об открытии церковно-приходского попечительства и обновлении иконостасов церкви (приговоры, пригласительные листы и записи сборов пожертвований и др.) 1865—1867 годов»³⁸. В документах встречаются фамилии лиц, участвовавших в данном мероприятии.

Таким образом, можно констатировать, что документы православных храмов Тобольской губернии разнообразны по своему составу и содержанию и содержат ценнейшую информацию о населении губернии в досоветский период.

Примечания

¹ Библиотека Государственного учреждения Тюменской области «Государственный архив в г.Тобольске» (далее — ГУТО ГА в г.Тобольске). Тобольская губерния. Список населенных мест по сведениям 1868—1869 годов. СПб.: Издан центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел, 1871. С. CLXXX.

² Там же. Приложения. С. 1, 3, 4.

³ ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 653. ОП. 1. Д. 20. Л. 23—23 об.

⁴ ГУТО ГА в г.Тобольске. Л. 45—46.

⁵ ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 88. ОП. 1. Д. 67—76.

⁶ ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 306. ОП. 1. Д. 13. Л. 1—9.

⁷ Причт церковный — священнослужители // Полный церковно-славянский словарь (со внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений). Репринтное издание. М.: Издательский отдел Московского Патриархата, 1995. С. 504.

⁸ Венечная память или знамя — так в Древней Руси назывался указ или разрешение на венчание брака, дававшийся на имя священника, совершавшего обряд.

⁹ ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 653. Оп. 1. Д. 20. Л. 45.

¹⁰ ГУТО ГА в г.Тобольске. Д. 15. Л. 81.

¹¹ ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 253. Оп. 1. Д. 15.

¹² ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 189. Оп. 1. Д. 42. Л. 58.

¹³ ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 72. Оп. 1. Д. 19. Л. 1—215.

¹⁴ ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 716. Оп. 1. Д. 21. Л. 1—2.

¹⁵ ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 653. Оп. 1. Д. 3. Л. 1—10.

¹⁶ ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 72. Оп. 1. Д. 8. Л. 1—63.

¹⁷ ГУТО ГА в г.Тобольске. Д. 12. Л. 1—516.

¹⁸ Библиотека ГУТО ГА в г.Тобольске. Памятная книжка Тобольской губернии на 1912 високосный год. Тобольск, 1912. С. 53.

¹⁹ ГУТО ГА в г.Тобольске. Правила и программы для церковно-приходских школ и школ грамоты. Изд. 2-е, испр. СПб.: Синодальная типография, 1894. С. 3.

²⁰ Библиотека ГУТО ГА в г.Тобольске. Церковно-приходская школа. Книга 10. Май 1900 г. Киев, 1900. С. 213.

²¹ Там же. С. 269.

²² ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 702. Оп. 1. Д. 2. Л. 37, 43.

²² ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 670. Оп. 1. Д. 7. Л. 7, 8.

²³ Библиотека ГУТО ГА в г.Тобольске. Указ Его Императорского Величества, Самодержца Всероссийского, из Тобольской Духовной Консистории Благочинным Тобольской Епархии. Б. м., б. и., 1900.

²⁴ Библиотека ГУТО ГА в г.Тобольске. Церковно-приходская школа. Книга 10. Май 1900 г. Киев, 1900. С. 209.

²⁵ Библиотека ГУТО ГА в г.Тобольске. Справочная книга Тобольской Епархии к 1 сентября 1913 г. Тобольск, 1913. С. 7.

²⁶ ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 670. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 4, 6 об.

²⁷ Библиотека ГУТО ГА в г.Тобольске. 25-летие церковных школ в Тюменском уезде, 1909. С. 12.

²⁸ ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 653. Оп. 1. Д. 9.

²⁹ ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 189. Оп. 1. Д. 34.

³⁰ ГУТО ГА в г.Тобольске. Д. 11.

³¹ ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 57. Оп. 1. Д. 52.

³² ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 706. Оп. 1. Д. 27.

³³ ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 189. Оп. 1. Д. 6. Л. 3 об.

³⁴ Библиотека ГУТО ГА в г.Тобольске. Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 года. Тобольск, 1913, 293 с.

³⁵ Там же. С. 16.

³⁶ ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 128. Оп. 1. Д. 3. ЛЛ. 1—242.

³⁷ ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 710. Оп. 1. Д. 6. Л. 1—20.

³⁸ ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 78. Оп. 1. Д. 43. Л. 1—28.

Глава 3

ПИСЬМА СИБИРСКИХ СТУДЕНТОВ КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ О НАСТРОЕНИЯХ В СРЕДЕ ВУЗОВСКОЙ МОЛОДЕЖИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX вв.

Удаленная от центра страны Сибирь довольно поздно обогатилась первыми высшими учебными заведениями. Только в 1888 г. открыл свои двери для учебных занятий Томский университет, в 1900 г. — Томский технологический институт. При этом, несмотря на относительно небольшую численность, студенчество составляло одну из самых активных групп городского населения сибирского региона.

Обширный круг источников, характеризующих основные аспекты участия студенческой молодежи в общественной жизни Сибири в конце XIX — начале XX вв., включает в себя как официальные, так и неофициальные документы, к числу которых относятся: документы центральных и местных управленческих и правоохранительных органов; материалы делопроизводства высших учебных заведений; материалы, исходящие от самих студентов и их организаций; документы местных организаций политических партий; публикации в периодической печати; воспоминания участников событий и другие материалы.

При этом следует отметить, что документ — предмет, созданный человеком для хранения и передачи информации. Но сама информация, созданная человеком, нуждается в проверке и контроле. Разные источники информации обладают неодинаковой степенью достоверности. Каждый документальный источник необходимо оценивать с точки зрения подлинности, надежности, правдивости сообщаемых в нем сведений. В этой связи традиционным является мнение о том, что официальные источники надежнее неофициальных. Документы, содержащие мнения и оценки, обладают меньшей достоверностью, чем те, в которых просто излагаются факты. Нужно учитывать, какими намерениями руководствовался автор, его принадлежность к определенной общественной группе, симпатии и антипатии. Но зачастую именно такие субъективные документы, как письма или воспоминания

позволяют исследователю добавить новые краски в восстановление мозаичной картины прошлого.

Письма — уникальный вид исторического источника, обращение к которому может способствовать изучению широких общественных настроений. Письма имеют личностный характер. Их авторы в подавляющем большинстве случаев были уверены, что письмо не будет прочитано никем кроме адресата, поэтому доверяли бумаге самые сокровенные мысли и чувства. В XIX — начале XX вв. эпистолярный жанр был моден, телефон еще не заменил письменного общения людей. Было принято писать длинные письма, которые подчас становились едва ли не самостоятельными публицистическими или философскими произведениями. Это был особый жанр со своими нормами и канонами.

Письма представляют собой квинтэссенцию мыслей и чувств их авторов, зачастую это плод долгих рассуждений, попытка донести до адресата собственное понимание реальности. Письма не могут претендовать на объективное отражение действительности, но показывают, как сама действительность, преломляясь через авторское сознание, отображалась на листе бумаги. Описание фактов, свое отношение к происходящим событиям, мысли и чувства по этому поводу — все это есть в письмах. Поэтому письма наряду с другими источниками так привлекали внимание полицейских органов, давая важный дополнительный материал о настроениях в студенческой среде, раскрывая детали и скрытые мотивы происходивших событий. Образность, глубина рассуждений, стремление отразить то, что сокрыто в душе автора — вот качества, характерные для эпистолярного жанра, к сожалению, почти утраченного в наши дни. Представляет интерес также и то, что в письмах отражались различные точки зрения на происходившие события, причем разница во взглядах (зачастую диаметрально противоположных) в значительной степени была обусловлена общественной позицией их авторов.

Основной массив студенческих писем, а чаще их копий или выписок из писем, сохранился в фонде Департамента полиции Государственного архива Российской Федерации. Правоохранительные органы интересовали любые сведения о состоянии студенческого движения и настроениях в среде вузовской молодежи, поэтому письма, полученные, как указывалось в документах,

«негласным путем», поступали в распоряжение местных полицейских и жандармских управлений, а затем передавались в столицу. Сохранившиеся в архивах тексты писем позволяют уточнить и конкретизировать многие детали событий, отраженных в официальных документах, а зачастую являются и единственным источником информации о происходившем.

Одним из первых событий, нашедших отражение в студенческой переписке, стало выступление томских студентов 27 октября 1898 г. На этот день в Томском университете было назначено чтение первой лекции профессора Живаго на только что открывшемся юридическом факультете. Чтение должно было состояться в актовом зале в присутствии и.д. попечителя учебного округа Г.Судакова, профессоров, студентов юридического и медицинского факультетов. Однако, как сообщал в Департамент полиции начальник Томского губернского жандармского управления, «При входе в зал лектора вместе с инспектором, среди студентов поднялся шум, и раздались возгласы «долой инспектора», не прекращавшиеся и после обращения и.д. попечителя к студентам»¹. В результате лекция была отменена, и студенты разошлись. Основной причиной выступления стало то, что накануне инспектор потребовал от студентов снять в помещении головные уборы. Один из студентов не подчинился требованию инспектора, за что и был арестован.

По этому поводу студент Томского университета А.Голубинский в частном письме отмечал: «Инцидент, случившийся при открытии юридического факультета в Томске на вступительной лекции профессора Живаго, т.е. освистание Инспектора и попечителя Судакова — очень хорошо повлиял на наш режим. Инспектор, а также и попечитель поняли, что нельзя же со студентами обходиться как с мальцами. Повлияла хорошо эта вещь и на студентов. Она показала, что при дружном действии они могут добиться очень многого, а главное — показала им, что теперь сила на их стороне. А это очень важно для самочувствия нашего томского студенчества, в последнее время сильно было придавленного инспекторским произволом. Я во всей этой истории принимал самое горячее участие»².

Студенческое движение развивалось волнообразно, периоды спада чередовались с периодами подъема протестной активности.

В ноябре 1902 г. один из студентов писал: «Жизнь студенческая отличается ныне небывалой интенсивностью. Возникает много новых землячеств, устраивается общестуденческая организация по землячествам... и товарищеский суд»³.

Дальнейший рост студенческого движения в Томске был связан с бурными событиями начала 1903 г., когда 18 и 20-го февраля в городе прошли две студенческие демонстрации, причем участники первой из них были избиты полицией и простонародьем. Произошедшие события в буквальном смысле потрясли город. Так, говоря о впечатлении, произведенном демонстрацией 20 февраля на публику, участник событий студент Томского университета В.Шалабанов отмечал в письме: «Кажется, не было ни одного человека, который был бы не на стороне студентов. Одним словом, демонстрация сошла, можно сказать, блестяще...»⁴. В другом письме, отправленном из Томска в Москву, говорилось, что местное общество в лице адвокатуры выразило протест и возбудило через прокурора дело «о вопиющем нарушении элементарных прав личности». Профессора обоих томских вузов «также отправляют свой протест против допущенного беззакония, совершенного над их студентами. Ты себе вообразить не можешь, какое возбуждение царит в нашем маленьком провинциальном городе»⁵.

Дальнейшие события в Томске во многом объясняет попавшее в распоряжение полиции студенческое письмо от 12 марта 1903 г., где говорилось, что начальство технологического института послало телеграмму министру в Петербург с требованием подвергнуть дело об избиении студентов судебному расследованию. Но полученный ответ в духе «не ваше дело» заставил студентов собраться на сходку и вынести решение о начале забастовки, хотя на сходке было только около трети студентов, остальные не пришли, т.к. «не видели достаточной причины бастовать»⁶. Однако для предотвращения возобновления занятий в полном объеме 10, 13 и 21 марта сторонниками забастовки в институте была проведена химическая обструкция — раздавлены пузырьки с сильно пахнущей жидкостью, чем были сорваны почти все занятия⁷. Следует отметить, что подобные действия вообще были характерны для радикальной части студенчества, но они не были поддержаны основной массой томской вузовской молодежи. И автор

вышеуказанного письма печально замечал по этому поводу: «Придется потерять год, и все это благодаря увлечению одних и подлости других, прикрываясь идеей всего хорошего, потому что не хотят учиться»⁸.

Содержание письма явно свидетельствует о том, что его безымянный автор принадлежал к числу сторонников одной из социалистических партий, поскольку он писал далее: «Наша партия считает, что забастовка не должна иметь никакого отношения к делу агитации, одно другому не должно мешать. Можно заниматься самообразованием и готовить почву среди народа. Забастовками же мы никакой пользы не приносим общему делу, а только вредим себе... Вообще, нужно сказать, студенчество в большинстве случаев поступает по-детски, неосмысленно. Они ратуют за меньшого брата, а этот же темный невежественный брат их же избивает... Очевидно, что прежде чем вступать в борьбу с настоящим строем, надо мысль эту внушить народу... Люди более благоразумные этим и занимаются и постепенно готовят почву, а студенты хотят на каменистой необработанной почве посеять. Вообще, я как-то разочаровался в студентах, в их серьезности. Я думал, что это люди довольно честные, с благородными порывами души, объединенные общей идеей социализма. Оказывается, большинство их даже совершенно незнакомо с социальными положениями. Большая часть из них ярые консерваторы с мелкой душой... Но... мы не будем терять надежды... Рано или поздно социализм восторжествует и монархия падет. А мы будем готовиться сами к этому и готовить других»⁹.

Указанное письмо явно свидетельствует о том, что не стоит преувеличивать степень политизации вузовской молодежи. Большинство студентов мало интересовалось политикой и не было знакомо с программными положениями социалистических партий. Подтверждение этому можно найти в письме одного из томских студентов, писавшего в октябре 1904 г.: «Я только на днях получил истинное понятие о смысле и значении (в широком смысле этих слов) Университета. Дело в том, что я только недавно попал в один из кружков. На этих собраниях читаются последние новинки нелегальной литературы и обсуждаются всеми присутствующими. По тому или другому вопросу делятся на партии, толкуют, спорят, горячатся, а в общем получаешь знания о том, чего

не знал. Начинаешь понимать явления в истинном их свете. Был я на одном из больших собраний, на которые был приглашен представитель партии активного движения. Говорил с энтузиазмом о местном Сибирском комитете, говорил о значении переживаемых событий. Говорил, что не ныне — завтра сверху раздается слово «конституция», и что мы не должны поддаваться на эту удочку... Но вот что удивило и отчасти огорчило меня, что таких мыслящих студентов меньшинство, большинство совершенно консервативного образа мыслей и только либеральничают в узком круге университетских дел»¹⁰. В другом студенческом письме автор, говоря о впечатлении, которое произвели на него его товарищи студенты, отмечал: «Впечатление не особенно хорошее, даже скорее скверное... Люди политически совершенно не воспитанные»¹¹.

И все же определенная часть студентов действительно искренне поддерживала идею грядущей революции, что нашло свое отражение, например, в письме, написанном студенту Томского университета В.Шалабанову в декабре 1902 г. его братом Николаем, учившимся в Казани, в котором он, в частности, писал: «Наша задача вовсе не в том, чтобы читать «истории литературы», а в том, чтобы в нужный момент быть готовыми вынести на своих плечах революционное движение». Не отрицая важности учебных занятий, автор отмечал: «Но эти занятия не должны заслонять перед тобой основной цели нашей жизни — освободить Россию..., освободить не лекциями..., а своей жизнью. Никакие школы, никакие лекции не помогут нашему делу, если мы сами не будем готовы каждую минуту идти на крест. Не огорчайся же моим словам; они идут от сердца и, поверь, сказаны только потому, что мне хочется видеть тебя во всем блеске нравственной чистоты и высокой революционности»¹².

Обращение к великой цели освобождения народа, моральные мотивы необходимости борьбы с отжившим строем, корпоративная солидарность во многом определяли причины, по которым воспитанники учебных заведений, даже не входившие в состав организаций революционных партий, тем не менее принимали участие в протестных действиях. Например, студент Томского технологического института А.Прохоров, описывая в посланиях к родным студенческий вечер в Общественном собрании 22 октября 1903 г., писал, что на нем «говорилось много хорошего,

правдивого, открывающего глаза всему обществу на самодержавное правительство. Здесь томское студенчество высказалось за присоединение к общему революционному движению, находя все виды академической борьбы игрой, не стоящей тех жертв». Студентами было решено провести в городе демонстрацию. Автор письма просит прощения у своего отца за то, что из-за участия в демонстрации он может не перейти на следующий курс. Но далее он отмечает: «Как мои убеждения, так моя и совесть не позволяет мне не присоединиться к этому решению». Студент пишет, что хоть ему и важно перейти на 2-й курс, но «это значит изменить самому важному... в жизни — своим убеждениям, изменить всему студенчеству, всем моим товарищам... Уж лучше поступить по совести, чем по выгоде. Я так и сделаю»¹³.

Начавшая в 1905 г. первая российская революция привела к резкому подъему студенческого движения. В вузах всей страны происходили массовые сходки, студенты участвовали в демонстрациях протеста и других видах антисамодержавных выступлений. В этих условиях занятия в высших учебных заведениях фактически были прекращены. Очевидность студенческих настроений способствовала тому, что правоохранительными органами личной переписке уже не уделялось так много внимания, как ранее. И в фонде Департамента полиции студенческие письма вновь оказываются широко представлены только после окончания революции, когда движение вузовской молодежи приобрело преимущественно академический характер.

В первой половине 1908 г. студенческое движение в Томске, как и в других вузовских центрах России, существенно изменилось: заметно снизилось количество проявлений протестных действий (сходок, забастовок, издания прокламаций). Была свернута деятельность органов студенческого представительства. Послеревolutionный спад освободительного движения внес известный пессимизм в студенческую среду, сказавшись на настроениях в среде вузовской молодежи, что нашло свое отражение и в личной переписке участников событий. Один из томских студентов в 1908 г., вспоминая бурные события революционного периода, печально писал: «Все, что было завоевано и продолжало существовать в жизни томского студенчества, все пошло насмарку»¹⁴. Созвучна этому мнению и характеристика студенческого движения,

данная в марте 1908 г. студентом-эсером Н.Ванниковым: «Каково теперь настроение студенчества? Ответ самый безотрадный: каждый ушел в себя, из чертежных и лабораторий никого не вытянешь, и единственная после Рождества сходка не смогла собрать и 300 человек. Настроение упало. Хорошо еще, что я имею 2 кружка среди рабочих, а то студенчество совсем охладело»¹⁵. Эта же мысль прослеживается и в письме студента Томского университета: «У нас в университете пока все тихо, публика занимается делом и вряд ли ее можно раскачать. Губернатор наш учиняет на каждом шагу произвол над студентами, и студенты не хотят протестовать против этого... Университет замер»¹⁶. Ему вторил и другой автор, студент Томского технологического института, писавший в начале сентября 1908 г.: «В технологическом у нас масса нововведений и разные строгости... О забастовках, да вообще о сходках как-то даже дико и думать. Ребята здорово за науку взялись и зудят целые дни»¹⁷.

И все же на общем фоне спада общественного движения в послереволюционный период именно студенчество выделялось сохранившейся склонностью к протесту. В Сибири, как и в целом по стране, вторая половина 1908 г. была отмечена новым ростом числа студенческих выступлений, что было связано с участием томских студентов во Всероссийской студенческой забастовке.

Всероссийская студенческая забастовка началась в сентябре 1908 г., когда Коалиционным комитетом студенчества Петербургского университета было выпущено воззвание «К обществу и студенчеству» с требованием свободы студенческих собраний, допуска женщин в высшие учебные заведения, отмены свидетельств о благонадежности и процентной нормы в вузах для евреев. Чтобы добиться от властей выполнения этих требований, студенты ряда высших учебных заведений столицы начали подготовку к забастовке. Их действия были поддержаны вузовской молодежью Москвы, Харькова, Казани и других городов¹⁸.

Студентами Томского университета на сходке 25 сентября 1908 г. была вынесена резолюция с выражением протеста против реакционной политики Министерства народного просвещения, которое обвинялось в том, что оно «ограничивает самоуправление Совета профессоров, упраздняет институт факультетских старост, изгоняет вольнослушателей и вольнослушательниц, ограничивает

доступ семинаристов, стесняет свободу студенческих собраний и организаций, снова вводит процентное ограничение в приеме евреев и т.д.»¹⁹. Сходка приняла решение присоединиться к Всероссийской студенческой забастовке, «требуя восстановления жизни в университете на началах автономии, т.е. основанной на интересах науки и несовместимой поэтому с ограничениями поступающих лиц в зависимости от пола, национальности и вероисповедания, со стеснением свободы самоуправления Совета профессоров..., с отсутствием права студенческих собраний и организаций»²⁰. 28 сентября 1908 г. решение о прекращении занятий было принято также на сходке студентов технологического института.

Но Всероссийская студенческая забастовка продолжалась недолго. В результате давления со стороны властей к началу октября 1908 г. в столичных вузах усилились антизабастовочные настроения. Против забастовки выступили многие профессора и часть студентов. 7 октября 1908 г. на сходке студентов Петербургского университета большинством голосов была принята резолюция о прекращении забастовки с 13 октября²¹. Вслед за этим студенческие сходки в Томском технологическом институте и Томском университете вынесли решение о возобновлении занятий, соответственно, с 17 и 18 октября 1908 г.²²

Таким образом, завершившаяся в октябре 1908 г. Всероссийская студенческая забастовка не привела к удовлетворению основных требований ее участников, тем не менее, основные факторы, вызывавшие недовольство вузовской молодежи, продолжали существовать. Поэтому в ноябре 1908 г. в Томском технологическом институте началась новая забастовка на почве несогласия студентов с новыми учебными правилами. В результате Совет института пошел на уступки по ряду студенческих требований, и с 21 ноября 1908 г. занятия в вузе были возобновлены²³.

Бурные события осени 1908 г. отразились и в частной переписке. Затухание протестной активности было характерно для всех вузовских центров, что отчетливо прослеживается в тексте письма, отправленного в декабре 1908 г. из Петербурга в Томск студенту-технологу Н.И.Назарову: «Что касается наших питерских студентов, то они не лучше, если не хуже томских. Общественной жизни в высших учебных заведениях сейчас никакой. Старост не выбираем, об них и не вспоминаем. А ведь резолюцией,

принятой сходками почти всех забастовавших учебных заведений, говорилось: «Мы требуем...свободы студенческих собраний, организаций и представительства». Опыт этого полугодия с очевидностью показал, что мы самым превосходным образом можем обходиться без представительства. Отсутствие студенческого органа никаким образом не отразилось на жизни института. Можно думать, что он и не нужен теперешним студентам, без него нельзя было обойтись революционному, борющемуся с чем бы то ни было (с учебными порядками, с самодержавием ли — это, в сущности, безразлично) студенчеству, а теперь такового нет. От чего другого, а от борьбы мы очень теперь далеки». Академическая забастовка студентов Томского технологического института и забастовка студентов Лесного института в Петербурге, прошедшие в ноябре 1908 г., названы в письме «эпизодическими явлениями местного характера», причем автор письма при этом отмечал: «Да и тут, не знаю как у вас, обнаруживается сильное противозабастовочное течение. В Лесном институте наскоро организовался «Академический союз», цель которого — противодействовать забастовкам, бойкотам и т.д.»²⁴.

Таким образом, оживление студенческого движения оказалось непродолжительным. В 1909 — начале 1910 г. оно переживало наиболее значительный спад за весь послереволюционный период. В сложившихся условиях наиболее пессимистично оценивали ситуацию, сложившуюся в студенческой среде, представители революционных партий. Так, студент Томского технологического института Л.Красин (один из руководителей Томской организации РСДРП) в ноябре 1909 г. писал: «Вот я возвращаюсь теперь среди студенчества. Ни одного слова о политике, ни одной фразы о партиях и партийной работе. Все точно вернулись в какое-то благодатное царство, где нет вопросов о политике, о партиях, о необходимости нести свои лепты на алтарь общего блага. Ничего подобного. Все заняты своими ролями, своей индивидуальностью и своими впечатлениями. Существует много кружков научного характера, а наряду с ними кружок атлетический, кружок шахматистов, музыкальный и пр.»²⁵. Подобные настроения нашли свое отражение и в других студенческих письмах. Так, в письме студента Томского технологического института от 29 ноября 1909 г. говорилось: «Живем мы, как говорится, тише воды, ниже травы.

С самой осени ни одной сходки, ни одного волнения. Занимаемся науками. Думаем только о зачетах... Крамолы уже давно не видал, не знаю, существует она или нет. Партийные организации в Томске спят безмятежным сном. Но, кажется, социал-демократы начинают пробуждаться, а социалисты-революционеры пока продолжают молчать»²⁶.

Интересная характеристика попытки оживления деятельности студенческих партийных групп дана в письме студента Томского технологического института Анатолия Котельникова, написанного им 4 ноября 1909 г.: «Сегодня в институте прочел одно интересное воззвание, выпущенное, видимо, от группы социалистов-революционеров. Воззвание начинается громкими фразами: «Товарищи студенты!» и проч., и проч. Дальше говорится о том, что было когда-то время, что студенчество стояло в авангарде освободительного движения, а теперь реакция унесла лучших людей из среды этого студенчества, студенчество забросило политику и засело за книги, студенчество борется не за право своего обездоленного народа, а за свой диплом, студенчество опошилось и проч., и проч. Дальше воззвание призывает студенчество к единению для борьбы за лучшее будущее народа, но это только общими фразами. В конце же... воззвание незаметно сводится на институтскую жизнь, описывая ненормальность... жизни, отмечает факты произвола профессуры и министерства и проч., и в конце концов... приглашает студентов объединяться в кружки для борьбы с профессурой и министерством, для борьбы за свои студенческие права... При чем же тут, спрашивается, нужды народа, при чем тут «дети крестьян и рабочих»? Не понимаю! Вот здесь-то, в этом воззвании, в этой-то группе социалистов-революционеров... мне кажется, и сказался дух времени, дух реакции. Само за себя говорит воззвание. Хочет эта группа вспомнить старинку, покрикивает о благе народа, ан на поверку-то и выходит, что думает только о себе, о том, как бы это полегче раздобыть дипломчик... Я так было обрадовался, что вот, мол, нашлись еще люди старой закваски, да не тут-то было»²⁷.

К радикальному изменению настроений в студенческой среде не привело даже введение новых учебных правил, грозивших исключением большому числу студентов, что отразилось в письме от 22 сентября 1909 г.: «Только что пришли со сходки, началась

старая история: заботливое Министерство вводит новые «временные» правила. Они вносят существенное изменение в нашу жизнь и без того скверную... Положение получилось неважное, и если эти правила распространятся на старых студентов, то в этом году предстоит массовое увольнение, не менее 250—300 человек. По этому поводу собралась сходка, но, как и полагается по теперешним временам, народу было около трети состава. Сходка прошла вяло, речи были умеренные. Преподавание приближается к курсовой системе и можно ждать, что теперешняя публика примирится и с нею. С каждым годом публика все смиреннее и смиреннее. В этом году даже и речь не поднималась чтобы забастовкой добиться прошлогодних сроков в октябре и марте. Ничего уже не может всколыхнуть это болото. Просто не верится, до чего мы дожили. Время успело успокоить и здешнюю бывшую такой революционной публику»²⁸.

Однако наряду с констатацией спада студенческой активности 1908—1909 гг. в письмах прослеживаются и другие факты, свидетельствующие о том, что оппозиционный настрой вузовской молодежи не исчезает полностью. Иллюстрацией этого может служить описание студенческого вечера, состоявшегося в Томске 24 октября 1909 г., во время которого, по сведениям, поступившим в Департамент полиции, «часть присутствовавшей учащейся молодежи, с участием нескольких профессоров, собралась в громадном количестве в фойе, устроила там сходку, сопровождавшуюся произнесением зажигательных речей..., после чего началось пение революционных песен». Неизвестный автор так описал то, что происходило на вечере: «...Появились ораторы, публика... превратилась вся в слух, ведь так давно не было такого настроения, за эти годы реакции молодежь совершенно настроена не так, но все это копилось и вот прорвалось как большой нарыв, полилась материя с болью и слезами; понимаете, были лица, на которые было страшно смотреть, наконец заговорили все, получился такой шум, что разобрать абсолютно нельзя..., пелись революционные песни и все, что могли сделать и сказать... молодые сильные и наболевшие души, потом все превратилось в заразительное веселье, все стали близкими»²⁹.

В этот же период бывшие вольнослушательницы Томского университета продолжали борьбу за возможность получения ими

высшего образования, поскольку после завершения первой революции допуск женщин в вузы был вновь ограничен. По этому поводу в письме от 4 октября 1909 г. говорилось: «Медички-юристки не сидят сложа руки: посылали телеграмму в Петербург, но ответа от Государя не получили. Поехал Сапожников (ректор Томского университета. — О.И.) и обещал сделать, что будет возможно. Девчата же ему не доверяют..., выбрали двух депутаток и отправили их в Петербург, хотят добраться до царя... Все-таки надеются вымолить свой медицинский»³⁰.

О бурном течении академической жизни свидетельствует письмо студента Томского университета, датированное октябрём 1909 г.: «С треском начали мы, медики третьего курса, учебный год. С первой же курсовой сходки по академическим вопросам начался целый ряд инцидентов, которые едва не закончились было дракой...»³¹.

Тем не менее, отсутствие активных форм протеста позволило директору Томского технологического института в начале 1910 г. констатировать: «С ноября 1908 г. общестуденческих беспорядков в институте не было, ... правильный ход занятий в течение 1,5 лет не нарушался»³².

Сами студенты также отмечали явный спад активности вузовской молодежи. Об этом писал, например, один из томских студентов в феврале 1910 г.: «Живу сносно, по целым дням занимаюсь инженерскими науками. У нас в институте уйма работы, так что света Божьего не вижу». Ему вторило письмо другого студента: «В Томске ничего нового: те же минчане (видимо, землячество. — О.И.), тот же институт, работы пропасть, посещение гастролей каких-нибудь знаменитостей, участие в литературно-музыкально-драматическом, техническом и тому подобным кружках — вот и все, к чему сводится наша студенческая жизнь»³³.

Признаки нового подъема студенческого движения проявились лишь весной 1910 г. По сравнению с немногочисленными сходками 1909 г., уже в мартовских выступлениях томских студентов выдвигались не только академические требования, но и впервые с 1907 г. прослеживались политические мотивы. Поводом для выступлений вузовской молодежи послужила речь в Государственной думе черносотенца В.М.Пуришкевича, направленная на дискредитацию российского студенчества. Реакцией на выступление

Пуришкевича стал взрыв негодования, охвативший практически все высшие учебные заведения страны. Одними из первых провели сходку студенты Петербургского университета. Ими была принята резолюция, выражающая презрение Пуришкевичу. 6 марта 1910 г. студенты Томского технологического института вынесли решение присоединиться к протесту студентов столичного университета по поводу действий председателя Думы, не прервавшего выступление Пуришкевича, и к выражению презрения Пуришкевичу «по поводу его выпадов, оскорбляющих русское студенчество»³⁴.

Описание событий, происходивших в томских вузах, встречается в письме одного из студентов Томского университета, который 17 марта 1910 г. писал, что около трех недель назад полицией было арестовано свыше 60 студентов по подозрению в причастности к революционному движению. Этот арест вызвал «маленький переполох среди студенчества и чтобы уничтожить в корне какие-либо волнения, администрация нашего университета работала, то есть приняла решительные меры к скорейшему расследованию этих арестов. Полетели рапорты в разные охранные и жандармские отделения и таким образом оказалось, что 50 из арестованных почти никакого отношения к революционному движению не имеют. Этим администрация нашего университета ускорила выпуск арестованных ни за что, ни про что студентов, и этим почти не дала возможности даже хоть немного и поволноваться студенчеству. Таким образом, в университете и институте почти совершенно спокойно. Только вот после 10 дней были маленькие волнения, и то они не имели совершенно опасного характера. Все произошло из-за этого психически-ненормального Пуришкевича. Речь вызвала небольшое волнение, пришлось созывать сходки, а т.к. общестуденческие сходки запрещены, то сходки были на всех курсах по отдельности. Были вынесены одинаковые резолюции с выражением презрения Пуришкевичу. Когда через 2 дня Пуришкевич снова пытался выступить в Думе, а ему «слева» не давали говорить Милоуков, Гегечкори, Булат и др., за что и были удалены, в Томском университете вновь собрались сходки. На них было принято решение послать телеграммы «лучшим гражданам России», пострадавшим от «некультурного большинства». Далее автор письма, обращаясь к повседневной студенческой жизни, отмечал: «В университете в настоящее время существует

масса научных кружков. Во всех этих кружках председательствуют профессора. Эти кружки приносят много пользы для студентов». В письме перечислялись действовавшие в университете студенческое общество любителей естествознания, пироговское медицинское общество, общество естествоиспытателей и врачей, юридическое общество, экономический и философский кружки, Сибирский кружок. «Все эти кружки духовно объединяют всех студентов», — писал автор. Но далее, характеризуя современную ему студенческую жизнь, он констатировал, что жизнь эта «теперь почти безынтересна с точки зрения общественной», а по поводу описанных волнений он отмечал: «Это вот все и выступления общественного характера»³⁵. Таким образом, письмо студента свидетельствует о том, что в Томском университете волнения не приняли большого размаха.

Иная ситуация складывалась в Томском технологическом институте, где с начала 1910 г. не прекращались выступления студентов на академической почве. Сами студенты зачастую объясняли происходившие в институте события недовольством преподавательским составом. Как писал один из студентов в частном письме в январе 1910 г.: «Строительное отделение у нас, вероятно, прикроют, так как не осталось ни одного хорошего профессора, из-за чего происходят частые скандалы»³⁶. Другой студент-технолог в письме к матери в марте 1910 г. указывал, что в институте «уже давно чувствуется что-то неладное среди студентов. Сначала было дело с руководителем Кашурниковым, который ни черта не смыслит, и из-за него много студентов проваливалось на экзаменах». Затем начались волнения студентов последнего приема (к которым относился и автор. — О.И.). Причина заключалась в том, что студентам полагалось 3 экзаменационных срока, но фактически у 1 курса был только один — в мае, поскольку преподаватели не могли ранее экзаменовать новичков, не прослушавших всего курса. «Если бы не было в этом году минимума, то нам в высокой степени наплевать на профессуру, но дело в том, что если мы не сдадим рисования, гипюр, начертательной геометрии и теоретической механики, то нас выкинут из института... Что же нам делать? Не можем же мы сразу все сдать. Вот и идет бунт — хотят или срока в апреле, или в сентябре. На днях была нелегальная сходка, и дело пахнет забастовкой, хотя это еще

неизвестно. Я пока занимаюсь, а там будь что будет... Пока еще серьезных волнений нет, но почва подготовлена к забастовке. За меня не беспокойся, т.к. я никаких выступлений не делаю, но зато и против студентов ни за что не пойду, и если будет объявлена общестуденческая забастовка, я буду бастовать так же, я думаю, ты в этом и не сомневалась»³⁷.

Похожая точка зрения на события, происходившие в Томском технологическом институте, отражена в другом студенческом письме, где тоже затрагивался столь остро стоящий для студентов вопрос о новых учебных правилах. Студент пишет, что сдал чертежные работы и теперь готовится к экзаменам, но, возможно, они не состоятся, поскольку по новым правилам нужно сдать так называемый минимум, т.е. установленное количество зачетов и экзаменов, необходимых для перевода на следующий курс. Тон письма свидетельствует о недовольстве нововведениями: «Вы, наверно, слышали об наших новых институтских правилах, об нашем минимуме и тех прочих гадостях». Новые правила устанавливали для студентов три экзаменационных срока с возможностью переэкзаменовки, но первокурсникам повторная сдача экзамена в сентябре не была разрешена. Поэтому автор письма констатировал: «Выходит, мы, первокурсники, стоим в этом случае вне правила, а т.к. нельзя, то значит нас погонят в три шеи». При помощи плебисцита было собрано три четверти голосов, и к директору отправлена делегация для разрешения сходки первокурсников по академическим вопросам. Но директор разрешения не дал, мотивируя тем, что «первокурсникам нужно учиться, а не сходки собирать». Тогда студенты решили собраться явочным порядком, а вопрос о сентябрьском сроке был вынесен на общестуденческую сходку, «т.к. в этом оказалось заинтересовано все студенчество»³⁸.

Детальное описание причин волнений студентов Томского технологического института встречается и в письме студента Г.Зузинова от 18 марта 1910 г. Он пишет о том, что студенты просили назначить дополнительный экзаменационный срок, но администрация вуза отказалась это сделать. Тогда студенты обратились в министерство народного просвещения и теперь ждут от него ответа. 15 марта 1910 г. первокурсники устроили неразрешенную сходку, т.к. им придется хуже всего — им нужно сдать

около 10 экзаменов, «а когда они их будут держать? В декабре и начале января они держать не могли, потому что всего курса не прочли ни по одному предмету, значит 10 экзаменов придется на май, а это почти невозможно. А если они не выдержат, то их уволят и всем снова придется держать вступительный конкурсный экзамен... Наверное, дело без большого скандала не обойдется. А затем еще преподавателей назначили таких, которые знают меньше, чем студенты, а спрашивают то, чего не объясняли. Следовательно, опять скандал, и одному уже пришлось подать в отставку»³⁹.

В другом письме, отправленном из Томска в марте 1910 г., отмечалось, что академические нужды объединили студентов, и сходка первокурсников 15 марта 1910 г. «прошла необыкновенно бойко и держалась до самого конца, чего обыкновенно не бывает». 22 марта состоялась неразрешенная общестуденческая сходка, собравшая около 500 человек: «Апрельский срок для всех важен, и пока его разбирали, то сходка держалась». В результате было принято решение дожидаться ответа Совета института и назначить новую сходку на 29 марта, на которой и предполагалось принять окончательное решение о дальнейших действиях в случае отказа. Но как только была вынесена резолюция, «как случилась прямо-таки возмутительная история. Господи! Где студенчество прежних лет, которое спокойно отстаивало свои интересы и дружно стояло друг за друга!» Студенты старших курсов после решения первого вопроса почти все, исключая 50—60 человек, ушли из аудитории. «Это, мол, страдает тут не «наша шкура», какое нам дело, пусть сами свои интересы отстаивают... Мне прямо стыдно, стыдно за них, но с фактами приходится считаться», — восклицал автор письма. На сходке осталось около 250 человек, преимущественно первокурсников: «Вышел раскол, и это на неразрешенной-то сходке, где каждую минуту ожидаешь полиции». А ведь на повестке дня был вопрос не только о сентябрьском сроке, но и вопрос, «возмутивший и взволновавший все студенчество России» — вопрос о речи Пуришкевича в Государственной думе: «Дело грозило распадом, но постепенно все наладилось и сходка продолжалась». По поводу инцидента в Думе студенты выразили свое негодование и благодарность защитникам студенческих интересов. «Немного поздно хватились обсуждать этот вопрос,

но... здесь не дают нам сходок даже для чисто академических вопросов, а собраться на неразрешенную сходку заставил студенчество (старших курсов) только шкурный вопрос, а до всего прочего как видно нет дела... Вопрос о сентябрьском сроке решено еще раз поставить первым на следующей сходке. Так дело, вероятно, ничем и кончится», — с горечью констатировал автор⁴⁰.

Новая волна студенческих выступлений наметилась осенью 1910 г. Заметное влияние на активизацию вузовской молодежи оказала смерть Л.Н.Толстого 7 ноября 1910 г. На сходках студентов Томского технологического института и Томского университета 7 и 8 ноября было вынесено решение в знак траура прекратить занятия на 3 дня. Группа студентов предприняла попытку организовать демонстрацию, но она была пресечена полицией. Выступления томских студентов, связанные с чествованием памяти великого русского писателя, послужили толчком для дальнейшего развития движения вузовской молодежи. По сведениям, которыми располагало Министерство внутренних дел, в ноябре 1910 г. намечалась забастовка студентов нескольких курсов Томского университета на почве требования сохранения осеннего экзаменационного срока. По этому же поводу предполагали провести забастовку и студенты Томского технологического института. Готовящиеся забастовки были направлены на решение академических вопросов, но, как отмечал начальник Томского губернского жандармского управления, «академические нужды»... объединили студенчество и наряду с академическими вопросами поднимались и политические»⁴¹.

Подтверждение этому можно найти и в письме одного из томских студентов, который писал, что до 7 ноября 1910 г. студенчество в Томске «спало непробудным сном». Но когда во время общестуденческой сходки в Томском технологическом институте, созванной для решения академических вопросов, пришла весть о кончине Л.Н.Толстого, то, как пишет автор: «И вот только эта великая скорбь заставила дрогнуть в один унисон все сердца, зародила мгновенно родство душ и после трехкратной «вечной памяти», спетой под сводом аудитории, вылиться общей волной на улицу и под открытым небом чтить великую память великого учителя... С того времени студенчество Томска и волнуется... Думаю, что движение всего студенчества, совершающееся теперь

по всей России, началось тоже с этого момента. Что ни день у нас многолюдные сходки, провозглашаются лозунги старых студенческих традиций. В студенчестве, кажется, проснулся старый дух. Но надолго ли... И велика будет радость, если высшая школа использует этот временный подъем духа студенчества и завоюет себе более отрадную жизнь, жизнь такую, при которой снова воцарятся в высшей школе те светлые идеалы, которые так дороги каждому юноше, стремящемуся туда. Поживем — увидим»⁴².

24 ноября 1910 г. в Томском технологическом институте состоялась студенческая сходка, собравшая около 800 человек. На ней выдвигались не только академические требования, но и звучали призывы к борьбе с правительством. По сведениям, поступавшим в распоряжение Томского охранного отделения, здесь произносились «зажигательные речи» с критикой законов, власти, министерства народного просвещения, «предлагалось бороться с произволом правительства, т.к. эта борьба является борьбой за все человечество, сравнивалось стачечное движение среди рабочих с забастовкой студентов, режим в школах Германии и России»⁴³. На сходке обсуждались учебные правила (в первую очередь — вопрос о минимуме зачетов, который студенты по-прежнему считали помехой на пути получения высшего образования, сознательно создаваемой правительством). В результате в конце ноября 1910 г. в технологическом институте была объявлена забастовка.

«Опять забастовка... Опять институт закрыт... Вот не везет-то с учением — надо кончать, а тут снова институт закрыт... Дело началось на академической почве: недовольство деталями предметной системы и постановкой преподавания в институте» — писал в частном письме один из томских студентов. Он же пояснял здесь причины студенческих волнений: из-за введения минимума зачетов, т.е. необходимости сдачи определенного числа экзаменов, лабораторных работ и чертежей, весной было исключено 150 человек. В текущем учебном году за невыполнение минимума могло быть исключено около 800 человек. И, тем не менее, несмотря на академические причины выступлений, в заключительной части письма звучал призыв: «Да здравствует возрождающаяся борьба — на бой кровавый, святой и правый, марш, марш вперед, наш русский народ»⁴⁴.

По мнению начальника Томского охранного отделения, начавшиеся студенческие сходки носили «явно революционный характер»⁴⁵. На сходках 30 ноября и 3 декабря 1910 г. в технологическом институте, как и ранее, поднимались не только академические вопросы (например, об отмене учебного минимума), но и политические — в знак протеста против избития заключенных в каторжной Зерентуйской тюрьме было пропето несколько революционных песен.

Однако в студенческой среде были как сторонники, так и противники объявленной забастовки, о чем явно свидетельствуют письма самих студентов. Так, один из них, поддерживая решение прекратить занятия, отмечал: «И за забастовку тоже вылетит из института не один десяток студентов, которые, конечно, более правдивы и порядочнее остальных. Если бы ты могла побывать на наших сходках, ты услышала бы такие речи, которые настолько поднимают человеческое достоинство, что невольно не можешь равнодушно относиться ко всем несправедливостям... Я не могу, конечно, быть равнодушным к теперешним нашим порядкам и поэтому не побоюсь в худшем случае исключения или даже тюрьмы. Это вполне понятно, так как в какой угодно борьбе жертвы бывают, но для общего дела настолько незначительны, что о них и не стоит говорить»⁴⁶. Другой студент — Амосов, характеризуя происходящие события, писал: «Движение идет хаотично». Часть студентов выступила против забастовки «и, что характерно, они осмеливаются выступать уже открыто... Сразу заметно отсутствие организующих центров, около которых раньше могла бы объединиться публика. Главой движения является Добролюбов, человек без определенных принципов, действующий более по чувству, чем по уму»⁴⁷. В этом же письме сообщалось, что профессура вуза все же пошла на уступки, перенесла экзаменационный срок и согласившись переработать программы. Принятое решение раскололо студенчество — часть однозначно заявила, что будет экзаменоваться, часть выступила за выполнение решения сходки о забастовке. И, как отмечал в письме Амосов: «Возможно, что декабрьские экзамены сыграют свою роль, публика захочет использовать его. Ведь и протестанты-то протестуют главным образом против того, что им не дают использовать экзаменационный период». Студенты волнуются, но не все, а около

500 человек. «Это как будто ядро без определенных лозунгов, но с определенным желанием идти вперед»⁴⁸.

Очень подробно события в Томске описывались в другом студенческом письме: «В академической и отчасти политической жизни института беспокойно. Дело в том, что в нынешнем году около 800 технологах-/старичкам/ грозит пункт «в» минимума, за несдачу которого они будут исключены из института. Вопрос чисто шкурный и, пожалуй, только благодаря этому наше студенчество зашевелилось. Кроме этого, смерть Муромцева и Льва Толстого соединила, породнила нас и мы, технологи, благодаря этому представляем из себя компактную массу с небольшим количеством отбросов-академистов». Когда сначала студенты заговорили об отмене минимума, появилось заявление директора, что уступок не будет. «Но лишь только эта, на сей раз, дружная масса студенчества выставила свои требования, подкрепив их словами «забастовка», как профессура пошла на уступки, и на такие огромные уступки, каких не видел наш институт со дня своего основания... Профессура сделала верный шаг: она своей уступкой разбила студенчество на две партии, одна удовлетворилась подачкой, другая же настаивала на полном удовлетворении своих требований. Получился полный раскол, благодаря которому наша забастовка провалилась. Но здесь нам на помощь пришли питерские события, они встряхнули студентов и результат этого — решение во что бы то ни стало провести забастовку. Многолюдные сходки следовали одна за другой, причем все они кончались пением революционных песен. Но вот настало 2-е декабря, день, в который агентские телеграммы принесли нам печальную и возмутительную весть о самоубийстве в Зерентуйской тюрьме нашего лучшего борца за свободу Сазонова... (доп. — Сазонов отравился в знак протеста после телесного наказания. — О.И.). Это принудительное самоубийство было последней каплей, переполнившей чашу нашего терпения. 3-го декабря была созвана сходка, на ней было больше тысячи человек. С этого дня у нас, технологов, начал функционировать стачечный комитет. В гробовом молчании почтили память Сазонова, пропели похоронный марш и в первый раз с пением «Марсельезы» вышли из аудитории. Настроение было такое же, как и во времена свобод». Профессура растерялась и закрыла институт до 10 декабря, надеясь, что

большинство студентов разъедется, «что малодушные и сделали, предвидя окончательную борьбу; и самая главная надежда профессуры — это нежелание студентов-академистов пропустить экзаменационный срок. Если академисты добровольно не откажутся от экзаменов, то мы прибегнем к помощи как к химической, так и к физической обструкции»⁴⁹.

Еще один томский студент писал в эти же дни: «Алеша, если ты читаешь газеты, то должно быть заметил, что наступает перелом в русской жизни. Все громче и громче раздаются голоса протеста, которые выходят из стен высших учебных заведений. Да, можно с уверенностью сказать, что время наступает. В самом деле, такой факт как избиение в каторжной тюрьме, который в России казался самым обыденным, вдруг, после толчка (смерть/Л.Н./Толстого/) заставил подняться все учебные заведения. У нас в институте начались волнения на почве академической..., но академические нужды объединили студенчество, и наряду с академическими вопросами поднимались политические. Сходки вынесли ряд резолюций: протест против смертной казни, избиения в Москве и Петербурге и т.д..... На меня сходка 3 декабря произвела сильное впечатление, опять возвратилась вера в то лучшее будущее, которое казалось так далеко было отодвинуто реакцией»⁵⁰.

10 декабря 1910 г. технологический институт должен был открыться для занятий, однако до дня намеченного открытия в Новороссийском университете (Одесса) произошли события, оказавшие самое серьезное влияние на состояние студенческого движения в стране — введение полиции в университет закончилось гибелью студента. К этому добавились студенческие волнения (по сути — избиение студентов и курсисток) в Петербурге. Неслучайно поэтому начальник Томского охранного отделения предполагал, что сходка 10 декабря 1910 г. в Томском технологическом институте может быть «особенно бурной» в силу получения известий о событиях в Одессе⁵¹.

И действительно, 10 декабря 1910 г. томские студенты силой проникли в институт и устроили неразрешенную сходку. Интересные подробности об этих событиях содержатся в письме студента Абдулхая Юсупова, который писал, что 10 декабря в институт студентов было велено пускать только по предъявлению экзаменационного бланка. Студенты пошли на хитрость — один

предъявил билет, а когда сторож открыл ему дверь, остальные навалились и ворвались внутрь. Но студенты оказались заперты снаружи. Решено было ломать главную дверь, но многие были против: «Мальчишество, хулиганство!». Решено было потребовать открыть дверь. Пошли к директору, он разговаривать не стал. Состояние возбужденное, результат — сходка: «У всех состояние возбужденное, можно сказать у всех лица пылают; все способны в этот момент. И действительно это настроение и обнаружилось. Разнесли к черту двери в аудиторию и открыли сходку». Когда появился директор, председатель сходки едва не набросился на него с кулаками: «Ладно его удержали, а то без мордобития дело не обошлось бы». Председатель слова директору не дал и начал речь. Директор: «Лишаю вас слова». Со всех сторон... крики: вон, хулиган, провокатор, долой». Свист. Директор вновь требует слова. «Не даю Вам слова, я здесь хозяин», — кричит председатель. Остальные кричат, шумят, и вообще получается нечто вроде в Государственной думе». Наконец директору дали слово, он дважды уговаривал студентов разойтись, иначе может прийти полиция. Решено было «не подставлять спины под полицейские нагайки», сходку объявили закрытой: «Еще бы минут 15—20 и полиция оцепила бы институт, произошло бы то же самое, что в Одессе». По мнению автора, если бы сходка была разрешена, то, возможно, решение о забастовке не было бы принято — «не все были за забастовку». Но студентов не пустили, а мороз был 26 градусов, поэтому они и прорвались в здание института⁵². Сходка приняла решение о забастовке до выполнения академических требований, касавшихся пресловутого минимума.

Но в январе 1911 г. началась новая Всероссийская студенческая забастовка. И на сходке в Томском технологическом институте 17 января 1911 г. было решено прекратить занятия до 1 сентября 1911 г. в знак протеста против усиления реакции, политики правительства и вмешательства полиции в студенческую жизнь. 31 января 1911 г. стачечный комитет Томского университета тоже призвал студентов прекратить занятия с 1 февраля. Тем самым, по замечанию начальника Томского губернского жандармского управления, студенчество Томска «засвидетельствовало, что и оно приобщилось к Всероссийской студенческой забастовке»⁵³. Местные власти попытались сразу же пресечь выступления

вузовской молодежи. Во время проведения сходки 17 января в Томский технологический институт была введена полиция, которая переписала 375 ее участников. 373 из них были немедленно исключены из учебного заведения⁵⁴.

В то же время начавшаяся забастовка вновь проявила отсутствие единства в среде вузовской молодежи. Часть студентов продолжила заниматься, и, как писалось в одном студенческом письме, датированном 25 января 1911 г.: «В университете тишь, да гладь, и божья благодать, студенты усиленно готовятся к экзаменам и ходят на лекции». Здесь же отмечалось, что студенты старших курсов высказались против всех забастовок: «Наплевать, говорят, нам на то, что последний циркуляр все студенчество задевает, вот если бы он наши шкурные вопросы задел, тогда дело другого рода... Технологи все еще бунтуют и не сдаются». Но далее автор письма указывал, что и в технологическом институте, несмотря на объявленную забастовку, «экзамены все-таки идут, экзаменуется не очень много, а сволочи все-таки в институте оказалось порядочно. Академисты... вывесили даже объявление такого сорта, что всех собравшихся на сходку 17 января нужно выслать и тогда занятия пойдут обычным порядком. Из 375 исключенных уже более 250 подало прошения об обратном приеме их в институт. В общем, испохабилось студенчество ужасно. Спета его песенка и печальную картину представляет оно теперь. Осталось нас всего полтора человека и еле-еле мы обслуживаем две аудитории. А предлагают нам 5 аудиторий плюс еще приглашение в Тайгу... Все главари по-прежнему только поговорили, а потом сбежали и успокоились. Есть тут малая группа энергичных ребят, и варится она терпеливо в собственном соку и только печаль одна»⁵⁵. Однако объявленная в томских вузах забастовка продолжалась, а столь критическая оценка автором своих товарищей, вероятнее всего, была связана с тем, что он принадлежал к одной из революционных партий (на что имеются указания в тексте письма), а следовательно, рассчитывал на большую активность студенчества.

Приведенные выше фрагменты студенческой переписки свидетельствуют о том, что в ней находили свое отражение все заметные события, происходившие в среде вузовской молодежи Сибири. Сохранившиеся студенческие письма позволяют выделить

этапы спада и подъема в студенческом движении, выявить разногласия, существовавшие между сторонниками и противниками радикальных действий. Они показывают, что студенческое движение развивалось волнообразно, причем, несмотря на дальность расстояния, томское студенчество поддерживало все выступления своих товарищей в столичных городах. Анализ писем, авторами которых являлись непосредственные участники событий — томские студенты, дает возможность более полно представить сложную картину переплетения в студенческой среде различных, зачастую противоположных, настроений и разнообразить наши представления о состоянии общественного движения в крае.

Примечания

- ¹ ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1898. Д. 3. Ч. 44. Л. 1.
- ² ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1898. Д. 3. Ч. 44. Л. 2.
- ³ ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1898. Д. 3. Ч. 213. Т. 8. Л. 1.
- ⁴ Государственный архив Омской области (далее — ГАОО). Ф. 25. Оп. 1. Д. 70. Л. 272.
- ⁵ ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1898. Д. 3. Ч. 213. Т. 8. Л. 16.
- ⁶ ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1898. Д. 3. Ч. 213. Т. 8. Л. 48.
- ⁷ Государственный архив Томской области (далее — ГАТО). Ф. 126. Оп. 2. Д. 1811. Л. 139, 142, 223, 227, 231; Ф. 411. Оп. 1. Д. 92. Л. 99, 102—103.
- ⁸ ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1898. Д. 3. Ч. 213. Т. 8. Л. 48.
- ⁹ ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1898. Д. 3. Ч. 213. Т. 8. Л. 48.
- ¹⁰ ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1904. Д. 3. Ч. 10. Т. 9. Л. 18.
- ¹¹ ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1898. Д. 3. Ч. 280. Т. 8. Л. 47.
- ¹² ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1898. Д. 3. Ч. 213. Т. 8. Л. 16.
- ¹³ ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1898. Д. 3. Ч. 280. Т. 8. Л. 32, 33.
- ¹⁴ ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1908. Д. 5. Ч. 63. Л. 51.
- ¹⁵ ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1908. Д. 9. Ч. 65. Л. 98.
- ¹⁶ ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1908. Д. 9. Ч. 65. Л. 1.
- ¹⁷ ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1908. Д. 43. Ч. 10. Л. 16.
- ¹⁸ ГАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 396. Л. 164.
- ¹⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 156. Л. 35—37.
- ²⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 156. Л. 35—37.
- ²¹ Сибирская жизнь. 1908. 16 октября.
- ²² Сибирская жизнь. 1908. 18 октября; 19 октября.
- ²³ РГИА. Ф. 741. Оп. 3. Д. 184. Л. 81; Сибирская жизнь. 1908. 24 ноября.
- ²⁴ ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1908. Д. 5. Ч. 63. Л. 80—82.
- ²⁵ ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1909. Д. 5. Ч. 63. Л. 52.
- ²⁶ ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1909. Д. 213. Лит. 3. Л. 24.
- ²⁷ ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1909. Д. 213. Лит. 3. Л. 9.
- ²⁸ ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1909. Д. 7. Ч. 59. Л. 18.

- ²⁹ ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1909. Д. 213. Лит. 3. Л. 7, 6.
- ³⁰ ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1909. Д. 7. Ч. 59. Л. 29.
- ³¹ ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1909. Д. 7. Ч. 59. Л. 27.
- ³² ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 110. Л. 172.
- ³³ ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1910. Д. 59. Ч. 81. Лит. Б. Л. 22.
- ³⁴ Сибирская жизнь. 1910. 9 марта.
- ³⁵ ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1910. Д. 59. Ч. 81. Лит. Б. Л. 30—31.
- ³⁶ ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1910. Д. 59. Ч. 81. Лит. Б. Л. 5.
- ³⁷ ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1910. Д. 59. Ч. 81. Лит. Б. Л. 33.
- ³⁸ ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1910. Д. 59. Ч. 81. Лит. Б. Л. 36.
- ³⁹ ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1910. Д. 59. Ч. 81. Лит. Б. Л. 38.
- ⁴⁰ ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1910. Д. 59. Ч. 81. Лит. Б. Л. 41.
- ⁴¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 77. Д. 402. Л. 29.
- ⁴² ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1910. Д. 59. Ч. 81. Лит. Б. Л. 69.
- ⁴³ ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1910. Д. 59. Ч. 81. Лит. А. Л. 48.
- ⁴⁴ ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1910. Д. 59. Ч. 81. Лит. А. Л. 52.
- ⁴⁵ ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1910. Д. 59. Ч. 81. Лит. А. Л. 48.
- ⁴⁶ ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1910. Д. 59. Ч. 81. Лит. Б. Л. 57.
- ⁴⁷ ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1910. Д. 59. Ч. 81. Лит. Б. Л. 61—62.
- ⁴⁸ ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1910. Д. 59. Ч. 81. Лит. Б. Л. 61—62.
- ⁴⁹ ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1910. Д. 59. Ч. 81. Лит. А. Л. 44.
- ⁵⁰ ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1910. Д. 59. Ч. 81. Лит. А. Л. 45.
- ⁵¹ ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1910. Д. 59. Ч. 81. Лит. А. Л. 35.
- ⁵² ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1910. Д. 59. Ч. 81. Лит. А. Л. 53.
- ⁵³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 77. Д. 402. Л. 28.
- ⁵⁴ ГАТО. Ф. 3. Оп. 77. Д. 402. Л. 30.
- ⁵⁵ ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1910. Д. 59. Ч. 81. Лит. Б. Л. 72—73.

Глава 4

ДУМСКИЕ И ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ПРОЕКТЫ 1907—1917 гг. — ИСТОЧНИКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ РЕФОРМЫ ЗЕМСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СИБИРИ

История земских органов самоуправления в Сибири насчитывает не более двух лет. Гораздо больше, почти полвека, длилась борьба за его введение на самых разных уровнях государственной и местной власти. Земская реформа 1864 г. не была распространена на сибирские губернии, но сама идея введения земств не стала чуждой для представителей общественности и власти.

После роспуска II Государственной думы 03 июня 1907 г. III Государственная дума вопросом о введении земств в Сибири занялась немедленно, сразу после того, как собрались все депутаты от сибирских губерний. Организованная под руководством кадетов сибирская группа депутатов объявила разработку проекта о введении земских учреждений главным в своей деятельности. Однако позиция депутатов II Государственной думы последовательными была отмечена как довольно умеренная. Проект предшественников депутаты III Думы сочли слишком «широким», на который «власти в нынешнем своем положении не пойдут». Новую программу либералов сибирская группа депутатов сформулировала так: «В III Думе — откуда хоть немножко, но можно взять — надо взять; земство — хоть бы несовершенное, порто-франко хотя бы частичное — это рассеет несколько мрак сибирской жизни»¹.

Свой проект группа составляла параллельно разрабатываемому кадетской группой общеземскому положению, организовав для этого особую комиссию по местному самоуправлению, которая приступила к работе 08 декабря 1907 г. с рассмотрения дел о деятельности земской подкомиссии группы сибирских депутатов II Государственной думы. Обсудив положенные в основу большинства местных проектов предложения об областном сибирском земстве во главе с сибирской думой, комиссия не нашла целесообразным проводить эту программу в Думе. Среди членов сибирской группы вновь стали раздаваться голоса о том, чтобы не вносить свой законопроект о земстве в Сибири, а ждать общего проекта о реформе местного самоуправления в России и требовать ее

распространения на Сибирский край с изменениями, соответствующими местным особенностям.

Большинством членов сибирской группы было решено начать разработку проекта специально для Сибири, присоединившись к комиссии по земскому самоуправлению при фракции кадетов. В январе 1908 г. депутатами была разработана и представлена на обсуждение всей группы часть земского законопроекта. На обсуждении вновь разгорелись старые споры по поводу того, какие принципы положить в схему законопроекта — положения местных проектов либо законов 1864 и 1890 гг. После горячих дебатов было решено исходить из закона 1890 г.²

Редактирование закона 1890 г. применительно к Сибири было поручено депутатам В.А.Караулову, Н.Л.Скалозубову, С.Иванову. Всеми работами руководил А.А.Корнилов. За два месяца группа разработала законодательное предположение. 23 мая 1908 г. законодательное предположение за подписью 101 члена было внесено в Государственную думу³. Под документом были поставлены подписи членов различных фракций, которые распределились следующим образом: партия народной свободы — 36 депутатов, фракция Союза 17 октября — 33, трудовики — 9, прогрессисты — 7, социал-демократы — 4, умеренно-правые — 5, правые — 1, польское коло — 2, националисты — 1, беспартийные — 1⁴. Примечательно, что предположение подписали лидер кадетов П.Н.Милюков, лидеры октябристов А.И.Гучков и М.В.Родзянко. Таким образом, из 101 подписи «за» около половины принадлежало октябристам и правым⁵.

Что касается территории, на которой предполагалось введение самоуправления, то ее составили все сибирские губернии, за исключением их северных и северо-восточных районов, населенных национальными меньшинствами. Правом выбора в земство могли обладать лишь те лица, которые имели пятнадцать и более десятин земли, владели не менее года имуществом в 750 рублей и более. Авторы отметили необходимость внести изменения в отношении участия в земском самоуправлении различных социальных групп сибирских жителей, полагая, что действие положения должно быть распространено на все без исключения слои населения⁶. «Сибирские поправки» заключались в предложениях по изменению избирательной системы через расширение контингента

пользующихся пассивным избирательным правом, за счет категории лиц, «окончивших курс не ниже 2-х классов сельских и городских училищ»⁷.

Свое внимание составители законодательного предположения обратили на финансовую сторону вопроса о земском самоуправлении, предложив «принять на счет казны в Сибири все те расходы по содержанию правительственных учреждений, которые приняты на счет казны в губерниях Европейской России» и заменить оброчную подать поземельным налогом⁸.

Отметим, что депутатом Скалозубовым на думских заседаниях не раз указывалось на необходимость изменения налоговой системы, которое будет возможно лишь с введением здесь земских учреждений. Это было бы выгодно для местного населения, ведь в начале XX в. в Тобольской губернии на одного жителя прямых податей и повинностей приходилось в несколько раз больше, чем в земских губерниях России⁹.

Деятельность сибирских депутатов нашла поддержку у местных либералов и администрации. Что касается большей части крестьянства, то мысль о необходимости организации земских учреждений была по-прежнему ему чужда. Тобольский губернатор заявил по этому поводу следующее: «Враги ... земства могут сильно повредить самой идее земских учреждений. Стоит только внушить крестьянину: до земства с вас брали по такой-то статье 1 р., а теперь будут брать 3, — и к земству создается враждебное, недоверчивое отношение»¹⁰.

19 ноября 1908 г. Государственная дума на очередном заседании занялась рассмотрением вопроса о введении в сибирских губерниях земских учреждений. Правительство вновь заявило о том, что оно не намерено заниматься разработкой земского вопроса в Сибири до проведения общей реформы земского самоуправления в Европейской России¹¹. Тем не менее большинством голосов было решено передать предложение в думскую комиссию по местному самоуправлению¹².

В комиссии под председательством депутата П.Н.Балашова была сформирована подкомиссия по введению земства в Сибири, в которую вошли 13 человек¹³. К разработке проекта комиссия приступила только в ноябре 1909 г. Вся работа по земскому вопросу сосредоточилась в «Обществе изучения Сибири и улучшения

ее быта», состоявшем из либерально настроенных интеллигентов, в том числе и сибиряков, живших тогда в Петербурге¹⁴. Все предложения общества докладывались на заседаниях сибирской группы депутатов и были учтены при составлении законопроекта.

Думская подкомиссия признала необходимым некоторые отступления от действующего закона 1890 г. Избиратели должны распределяться на две курии — крестьянскую и некрестьянскую. Гласные в земское собрание должны быть представлены по одному человеку от волости. Число гласных от некрестьянской курии должно было определяться числом гласных от крестьян и размерами уплачиваемых земских сборов крестьянами, с одной стороны, и прочими плательщиками — с другой. Число гласных от некрестьян должно быть во столько раз меньше, во сколько размер уплачиваемых ими сборов ниже сборов, взимаемых с крестьян¹⁵.

Хотя правительство в лице председателя советов министров П.А.Столыпина в 1909 г. и заявило, что считает сибирское население «созревшим для самоуправления»¹⁶, на деле все было иначе. Министерство внутренних дел отказывалось давать материалы по разработке закона о введении земства, собранные высшей администрацией в 1905—1906 гг. Все это побудило левую часть сибирских депутатов во главе со Н.Л.Скалозубовым настоять на том, чтобы довести дело до конца.

Думская подкомиссия выработала свой проект к февралю 1910 г. В отличие от закона 1890 г. в этом документе была оговорена возможность привлекать к деятельности в земских управах лиц, окончивших городские и духовные училища, дающие выпускникам право на первый классный чин без экзамена; для некрестьянской курии был вдвое уменьшен имущественный ценз, значительно снижен и земельный¹⁷; председательствовать в избирательных собраниях и съездах должен был городской голова, была добавлена статья о праве возмещения гласным расходов, связанных с исполнением своих обязанностей, несколько изменены были сроки созыва собраний, имелись и другие незначительные поправки.

После годичного перерыва в феврале 1911 г. возобновилась работа думской земской подкомиссии, завершившей свой проект организации земских учреждений в сибирских губерниях в мае 1911 г. В ноябре 1911 г. комиссия по местному самоуправлению

Государственной думы начала постатейное обсуждение законопроекта.

Новое предположение обращало на себя внимание прежде всего по причине изменения заголовка, в котором говорилось уже не о всей Сибири, а лишь о четырех губерниях и Забайкальской области. Дело в том, что подкомиссия выработала два законопроекта. Второй включил в себя Якутскую, Приморскую и Амурскую области. Мотивы такого разделения были исключительно практического характера. Разработка некоторых специальных деталей для трех дальневосточных областей не была еще закончена, тогда как с внесением законопроекта в комиссию нужно было торопиться. С другой стороны, только перечисление всех местных особенностей в одном законопроекте делало редакцию его статей чрезвычайно громоздкой.

Представленный документ не стал особым исключением из ряда предлагаемых действий по земскому вопросу для Сибири. Положение также основывалось на законе 1890 г. Мотивы такого решения исходили от консервативно настроенного состава Государственной думы и отношения правительственных кругов к сибирскому земству. Тем не менее, все то немногое, что было введено в законопроект, целиком направлялось на улучшение существующего закона.

Более существенные изменения законопроектом вносились в порядок избрания гласных уездных земских собраний. Здесь примечательно было положение проекта о выборе гласных от крестьян, инородцев непосредственно волостными сходами. Некоторую ценность представляла и определенная демократичность второй избирательной курии, в которую были объединены частные землевладельцы, горожане, торговцы и промышленники¹⁸. Определение полного земельного ценза в 150 десятин (для Тобольской губернии даже 80 десятин) и понижение цензовой оценки другого недвижимого имущества вдвое, по сравнению с земскими губерниями Европейской России, значительно расширило круг возможных избирателей этой курии¹⁹. Число гласных губернского земского собрания для Тобольской и Томской губерний было определено в 60 человек, для прочих районов и Забайкальской области — в 40²⁰.

Законопроект был дополнен весьма полезными для деятельности будущего самоуправления положениями в области распоряжения земскими доходами. Как известно, право земских учреждений устанавливать сметы земских расходов и доходов подвергалось в начале 90-х гг. ограничению — была введена предельная трехпроцентная норма возрастания земских бюджетов, и сметы, превышавшие эту норму, подлежали утверждению министром внутренних дел. Хотя эта норма практически не применялась на деле, тем не менее само существование подобного ограничения для молодых земств могло представлять известную опасность. Для сибирских земских учреждений данное ограничение, в соответствии с законопроектом, было снято.

Утвержденный комиссией документ был внесен на рассмотрение общего собрания Государственной думы 30 января 1912 г. Докладчик Н.А.Некрасов особо подчеркивал, что земское Положение для Сибири выработано на основе существующего²¹. Представленный документ по результатам голосования был принят Думой в первом чтении и передан в редакционную комиссию²². Отредактированный проект Дума утвердила 15 марта 1912 г. и передала на рассмотрение в Государственный Совет.

Основываясь на отношении правительства к введению земства в сибирском крае, комиссия законодательных предположений Государственного Совета в своем заключении высказалась против организации земских учреждений в Сибири, назвав все те же причины: малочисленность и неоднородность состава местных жителей, низкая плотность населения. Впервые правительство выдвинуло причину невыгодности проведения земской реформы в финансовом отношении²³. 05 мая 1912 г. Государственный Совет, опираясь на выводы комиссии, отклонил предложенный Думой законопроект, высказав лишь пожелание о необходимости преобразования земского хозяйства в Сибири «в возможно непродолжительном времени».

Между тем, 11 октября 1911 г. на имя председателя Совета Министров от представителей сибирских биржевых комитетов (в том числе Тюменского и Курганского) была подана докладная записка, в которой содержалось ходатайство о скорейшем введении земств. По мнению авторов записки, «необходимость для края земских учреждений особенно ярко обнаружилась теперь в

местностях, пораженных неурожаем, где общая администрация благодаря отсутствию общественных организаций вне городов чрезвычайно затруднена в оказании населению необходимой помощи», потому «выборные представители сибирской торговли и промышленности решились обратиться с покорнейшей просьбой дать ныне дальнейшее движение разработке вопроса о введении земства в Сибири»²⁴. Итак, торговая и промышленная буржуазия была вынуждена сама обратиться к высшей администрации с просьбой о содействии в устройстве земств, но правительство в лице председателя Совета Министров В.Н.Коковцева и министра внутренних дел А.А.Макарова ответило отрицательно²⁵.

Более важное значение в актуализации земского вопроса в межреволюционный период стала играть периодическая печать Тобольской губернии. На страницах журналов и газет все чаще стали появляться сообщения, статьи, письма, затрагивающие земскую проблему для Сибири. На территории губернии особое место в популяризации идеи о введении земских учреждений заняли газета «Тобольский листок» и журнал «Сибирские вопросы» (последний издавался в Петербурге, но практически полностью был посвящен сибирской тематике).

«Сибирский листок» достаточно часто публиковал письма депутата от Тобольской губернии Н.Л.Скалозубова, который подробно знакомил читателей с ходом обсуждения вопроса о введении земских учреждений в Сибири в III Государственной думе. Депутатом отмечалось, что действующее Положение 1890 г. никого из членов земской подкомиссии не удовлетворяло, но все они понимали, что правительство не пошло бы в тех условиях на введение земства в сибирском крае на более широких демократических началах²⁶. Таким образом, подчеркивал Н.Л.Скалозубов, «поступаясь своими требованиями, подкомиссия настаивает на немедленном распространении на Сибирь существующего Положения»²⁷.

На страницах «Сибирских вопросов» печатались все отчеты заседаний земской подкомиссии Государственной думы, а также решения по вопросу, принятые Обществом изучения Сибири и улучшения его быта.

В целом же, за исключением черносотенных газет («Голос Сибири», «Сусанин»), практически вся сибирская печать, в том числе

и тобольская, выступала за скорейшее введение земства²⁸. Даже местная администрация, как отмечали «Сибирские вопросы», стала тяготиться выполнением земских функций до такой степени, что губернатор сам, и притом настойчиво, представлял в министерство свои соображения о скорейшей организации земских учреждений.

Депутаты Государственной думы от Тобольской губернии печатали свои соображения по поводу земского вопроса в других сибирских периодических изданиях. Так, в июне 1911 г. на страницах «Омского вестника» выступил депутат В.И.Дзюбинский, подробно проанализировавший ход разработки земской реформы для Сибири. По мнению автора статьи, надеявшегося на положительное решение вопроса, введение земства было необходимо и неизбежно, «так как исторические законы развития государства показывали, что прогресс идет в сторону расширения участия в законодательстве народного представительства, а не наоборот»²⁹.

От III Государственной думы решение вопроса о введении земских учреждений в Сибири перешло в наследство IV Думе. Ощущение собственного бессилия, бесплодности своей деятельности во II и III Думе заставило отказаться от дальнейшей думской работы представителя от Тобольской губернии, одного из самых ярких сторонников земской реформы для сибирского края Н.Л.Скалозубова. На выборы в IV Государственную думу он свою кандидатуру не выставил.

Сибирская группа депутатов IV Думы продолжила борьбу за земство. В начале 1913 г. 34 депутата Государственной думы обратились к председателю Совета Министров и министру внутренних дел с заявлением, в котором были поставлены прямые вопросы о том, какие меры правительство предприняло по разработке проблемы о введении земского самоуправления в Сибири и когда оно предполагает внести в Государственную думу соответствующий законопроект³⁰. МВД составило по вопросу о введении земства в Сибири подробный отчет, включающий мнения на данный счет министра внутренних дел Н.А.Маклакова³¹.

После устранения думских проектов вопрос о сибирском земстве долгое время не поднимался в законодательных учреждениях. В 1913 г. для решения проблемы организации земских учреждений в Сибири правительство созвало Совецание под председательством главного начальника управления по делам местного

хозяйства Н.Н.Анциферова при участии тобольского и томского губернаторов, а также членов губернских правлений, директоров департамента полиции, канцелярии министра внутренних дел и др. Долгое время Совещание, занимаясь элементарными обсуждениями статистических и других данных, имеющих отношение к реформе³², не могло решить вопрос в положительном смысле, но тем не менее совещавшиеся заговорили о земском самоуправлении для двух западносибирских губерний, точнее для некоторых их уездов. В Тобольской губернии из предполагаемой территории были исключены Березовский и Сургутский округа, а также северные части Тобольского и Туринского уездов в составе Кондинского и Пелымского округов³³. Исключить из планируемых для введения земства территорий намечалось и Тарский уезд, но благодаря настояниям тобольской администрации это решение было отменено. Мнение тобольского губернатора об «изгойных» районах тогда разделили чиновники центральных ведомств, ссылаясь на исключительность северных территорий. Участники Совещания, высказываясь против введения земств в целом ряде уездов, вместе с тем находили, что для успешного управления земским хозяйством этих районов необходимы усиленные пособия казны и увеличение штатов чиновников³⁴.

На Совещании обсуждался вопрос о выделении городов из ведения уездных земств в отдельную земскую единицу, но положительно в этом смысле вопрос был решен лишь относительно г.Томска. Что касается других городов, то мысль об образовании специальных городских земских единиц была отвергнута. По структуре будущих земских организаций разгорелись споры. Было высказано предположение о бесполезности и ненужности для Сибири губернских земств ввиду громадности территорий и отличия хозяйственных условий уездов, входящих в любую из губерний³⁵.

Составленный на основе проекта анциферовского совещания министерский проект, который предполагалось внести на рассмотрение в высшие законодательные учреждения в начале 1915 г., тоже утверждал, что «земские учреждения открываются по уездам и состоят из уездных собраний и управ». В таком случае на попечении правительственных учреждений должны были остаться: раскладка между уездами государственных сборов, разверстывание которых в земских губерниях производилось губернским

земством, а также сборы с торговых документов и патентов, распределение между уездами сумм на устройство мест заключения и исправительных приютов. В ведение же губернской администрации должны были перейти дела по взаимному страхованию, забота об охране полевых богатств от насекомых и животных, установление натуральных повинностей.

В целом Министерство внутренних дел было озабочено не столько мыслью об организации земства, сколько введением представительного элемента в современные присутствия. По министерскому проекту земство получалось организацией, ведающей делами, предусмотренными в этом отношении Положением 1890 г., без учета сибирских особенностей.

После того, как резолюция о губернском земстве была принята, совещавшиеся пришли к мысли о том, что в сибирских губерниях есть определенные отрасли деятельности, заниматься которыми необходимо на пространстве всех сибирских губерний одновременно. Таковой, например, была деятельность в области предупреждения эпидемий, эпизоотий и борьба с вредными растениями. Вместе с тем говорилось, что в случае, если не будет организовано губернское земство, то из ведения сибирского земства придется изъять оценочное и страховое дело. Такая постановка вопроса была близка к мысли участников Совещания о том, что для губернского земства «не было одинаковой и необходимой всем уездам работы»³⁶. Для борьбы с эпидемиями, эпизоотиями Совещание планировало ввести специальные организации под председательством губернатора, состоящие из представителей уездных земств. Вопрос этот, однако, тогда не получил окончательного решения. Зато в министерском проекте, например, нашло место введение оценочной комиссии. Оценка недвижимых имуществ должна была возлагаться на податных инспекторов и уездные оценочные комиссии под руководством казенной палаты. Переоценкой же должны были заниматься правительственные органы.

Получалось, что некоторые отрасли агрономического, ветеринарного, страхового и других дел приходилось бы «оставить за бортом» земских учреждений, создавая для них специальные комиссии. Понадобились бы средства для содержания целого ряда губернских комиссий. Таким образом, в одно и то же время чиновники говорили о том, что губернские земства Сибири не будут

иметь работы, и вместе с тем проектировали длинную цепь комиссий с функциями, которые в Европейской России выполняли губернские земские органы. С одной стороны, в лице губернатора и губернского присутствия должна была соединиться высшая власть по земским делам. С другой — уездные земства были бы мало самостоятельны, если бы не были объединены какой-либо большей земской единицей.

Вместо губернских земских органов Совещанием было предложено устройство «целевых» («поясных») земств, которые должны были охватить Западную, Центральную и Восточную Сибирь и получить соответствующее название — Западносибирское, Центральносибирское и Восточносибирское земства. Такое земство предполагалось ввести для соединения в одну земскую единицу не только города и селений, но и различных сибирских губерний. Это предложение все же не нашло места в проекте, и сама мысль о «поясном» земстве была недостаточно ясна всем членам Совещания³⁷.

Не совсем понятно, как, отвергая мысль о существовании губернского земства, Совещание пришло к идее создания такой «поясной» единицы. Несомненно то, что в этом замысле были свои плюсы. Например, чем больше в территориальном и сильнее в экономическом отношении земская единица, тем большее влияние она могла бы оказывать на ход дел и меньше зависеть от произвола местного начальства. В этом смысле «поясное» земство могло быть мощнее губернского, так как в ряде случаев имело бы возможность не подчиняться губернаторам.

Необходимо отметить, что хотя Совещание (по формальным соображениям) официально и не высказалось по поводу мелкой земской единицы, но из имеющихся сведений следует, что оно выдвигало некоторые соображения против нее. Причину этого участники Совещания видели в постоянном делении сибирских волостей из-за нашествия переселенцев. Вследствие этого исчезали старые или образовывались новые селения, часто административные границы не были установлены либо не всегда были ясны. Более того, менялись и границы губерний. Все это нашло отражение в предложениях анциферовского Совещания.

В проекте Министерства внутренних дел имеют место несколько статей, рисующих положение лиц, избираемых на помощь

земским управам. В действующем Положении 1890 г. говорилось об избрании таких лиц специальными земскими собраниями либо особыми комиссиями. По министерскому проекту эти лица, избираемые земскими собраниями, должны были получать полномочия на определенных участках, соответствующих числу крестьянских участков уезда. Выборы должны были производиться не только из гласных и пользующихся избирательным правом, но и из кандидатов в гласные от сельских обществ. По своим правам и обязанностям такие выборные считались состоящими на государственной службе и приравнивались к членам земских управ. Компетенция их должна была определяться специальными инструкциями земских собраний, утвержденными губернатором³⁸.

Отличием этой статьи от действующей явилось то, что последняя имела в виду заведование отраслями земского хозяйства в помощь земской управе в тех же пунктах, где работает сама управа. Напротив, проект анциферовского Совещания определил «доверенным» круг деятельности там, где по каким-то причинам деятельность управы отсутствовала. По земскому Положению 1890 г. эти лица могли составлять комиссии, но никакого утверждения их не требовалось. Проект тобольско-томского совещания вводил прямое и косвенное влияние губернской администрации на дополнительно избранных лиц, определил их компетенцию, но совершенно не касался вопроса о комиссиях. Быть может, придуманный суррогат мелкой земской единицы был бы рационален, если бы число уполномоченных соответствовало, по крайней мере, числу волостей. Уездные уполномоченные, по мнению совещавшихся, нужны были и потому, что сосредоточить хозяйственное и земское управление уезда в центре по сибирским условиям было очень затруднительно³⁹.

Что касается избирательной системы, то здесь Совещание предложило организовать земство на бессловных началах, распределяя всех избирателей на частновладельческую и сельскую группы. Таким образом, Совещание урезало и без того кучее избирательное право, определенное думским проектом. Министерский проект предусмотрел упразднение налогового ценза, и, следовательно, все купцы, не говоря о прочих плательщиках земских налогов, не могли обладать избирательным правом. Вместо 150 десятин земельной нормы и 7,5 тыс. рублей ценности недвижимой

собственности, обозначенных в думском документе, в анциферовском проекте фигурируют 300 и 400 десятин земли и 15 тыс. рублей недвижимого имущества. Окончательно земельный ценз вышеуказанных категорий был оставлен тот же, что и в Положении о выборах в Государственную думу.

Характерным новшеством проекта явилось нефиксированное распределение общего числа уездных гласных между двумя куриями (частновладельческой и крестьянской), а изменение этого распределения по трехлетиям — «соразмерно суммой земских сборов, причитающихся по последней земской раскладке с земель и лесов, отведенных сельским обществом»⁴⁰. При этом число гласных от избирательных собраний не должно быть менее 3/4 от общего числа гласных. К сожалению, отсутствуют данные о распределении числа уездных гласных между куриями, но едва ли можно ошибиться, утверждая, что преобладать должны были представители из крестьянской курии. По расчетам Б.Б.Веселовского, намечалось следующее число уездных земских гласных по Тобольской губернии: Тобольский уезд — 21, Ишимский — 35, Курганский — 33, Тарский — 29, Туринский — 15, Тюкалинский — 33, Тюменский — 20, Ялуторовский — 26⁴¹.

Все недостатки думского и анциферовского проектов «бледнели» перед другими сторонами избирательного права по министерскому проекту. Министерство ввело статью о предоставлении права волостным сходам избирать кандидатами в гласные от сельских обществ местных православных священников. Скорее всего, МВД вводило участие духовных лиц в деятельность земств потому, что, во-первых, по его мнению, это было желательно в интересах православия и «народной нравственности». Во-вторых, духовенство, участвуя в выборах в Государственную думу, зарекомендовало себя как правое течение, поэтому в его лице в земские собрания можно было провести послушный и нужный правительству элемент⁴². Вообще, по министерскому проекту целью введения земского самоуправления в Сибири являлось усиление чиновничьей власти.

В связи с составом земских собраний при разработке анциферовского проекта возник вопрос о председательствующем. Часть собрания находила, что им может стать председатель управы, но большинство признало, что таковым должен быть

председательствующий на съезде крестьянских начальников. Назначение человека, являющегося начальником над всеми крестьянами, не только председателем, но и просто членом собрания, по сути, должно было превратить самостоятельное земское собрание в присутственное место с рядом зависимых лиц.

Уездные гласные от сельского населения, по анциферовскому проекту, должны были избираться волостными сходами, на которых главенствовал волостной старшина⁴³. Скорее всего, волостные старшины, зависимые от крестьянских начальников, могли бы оказывать давление на выборщиков. Совещание полагало, что будущие земские учреждения в большинстве своем будут состоять из крестьянства, потому им будет не хватать умелых руководителей. Выходом из такого положения Совещание посчитало не привлекать представителей городских сословий, а приглашать их в состав собрания чиновников. Тем не менее, все участники Совещания тогда согласились⁴⁴, что решающую роль таким людям в земстве отдавать не следует, поэтому их контингент был ограничен представителями тех ведомств, которые заведовали наиболее ответственными и важными отраслями деятельности: местный лесничий, представитель удельного ведомства, депутат от епархиального начальства, местный инспектор народных училищ, местный податный инспектор, переселенческий чиновник. В этом смысле проект был менее удачным, чем думский, и даже действующее Положение, так как не признал присутствия в земских собраниях городского головы.

Председатели уездных управ, по мнению участников Совещания, должны были назначаться, а не избираться. Отсюда следовало, что между членами управы и ее председателем непременно должны были начаться постоянные раздоры, которые в конечном итоге привели бы к вмешательству администрации, что попросту дискредитировало бы саму земскую идею.

Авторы так называемого анциферовского проекта коснулись вопроса о надзоре за земскими учреждениями. Эта сфера должна была находиться только в ведении губернатора. Особенно большие привилегии последний имел бы в области переселенческого дела. Нетрудно было предвидеть, что это право, подогреваемое той или иной переселенческой политикой, могло бы вызвать немало конфликтов, особенно на почве хуторского и отрубного хозяйства.

В проекте, переработанном чиновниками МВД, имелась еще одна примечательная деталь. Правительство, враждебно настроенное по отношению к «третьему элементу», не предоставило земским учреждениям даже права принудительного сбора в пользу пенсионной кассы⁴⁵. Таков был проект тобольско-томского совещания с дополнениями министра внутренних дел Н.А.Маклакова.

В своей статье, посвященной проекту, Б.Б.Веселовский дал следующую оценку анциферовскому типу сибирского земства: «мы тут имеем дело с отсутствием всякого плана, с весьма своеобразным пониманием земских задач. Все получает такой вид, что речь идет лишь о создании подсобных для администрации органов управления»⁴⁶. Действительно, проект Тобольско-Томского Совещания предполагал такую организацию земского самоуправления, которая для местной администрации была наиболее удобна и выгодна.

Итак, главные предложения анциферовского Совещания были доработаны министерством и заключались в следующем. Во-первых, в проекте совершенно отсутствовало губернское земство. Вследствие этого отсутствовало будущее представительство от Сибири в Государственном Совете, а многие функции губернского земства возлагались на губернскую администрацию. Во-вторых, председатели уездных управ назначались, а не выбирались. В-третьих, была сильно ограничена территория, на которую предполагалось ввести земское самоуправление.

Обсудив проект, Государственный Совет принял на себя разработку Положения о введении земства в Сибири в части, касающейся Тобольской и Томской губерний на основаниях, выработанных III Государственной думой, а именно: в обозначенных выше губерниях должны быть введены губернские и уездные земские учреждения по Положению 1890 г. Депутат от Тобольской губернии В.И.Дзюбинский напомнил, что В.Н.Коковцев еще несколько лет назад заявлял о готовности правительства ввести земство во всей Сибири, а теперь правительство говорило лишь о двух губерниях⁴⁷. Должность председателей управ, по мнению членов Совета, должна быть выборной. Организацию бессловесных выборов Совет признал положительной⁴⁸.

Таким образом, очередной проект о земстве в Сибири был похоронен в Государственном Совете.

Правительственный проект появился лишь в январе 1917 г. Правительство, выдвигая свои соображения в проекте относительно введения земских учреждений на территории Сибири, стремилось во что бы то ни стало «разъединить, разобщить земство, опасаясь, что оно займется политической деятельностью»⁴⁹. Именно с этой целью была сведена на нет организация губернского земства, все же предложенная Советом, а также произошло значительное сужение будущей компетенции уездных земских органов. Февральские события 1917 г. не дали правительству возможности завершить работы над своим проектом.

Итак, разработкой земского вопроса для Сибири в период между двумя революциями занимались депутаты Государственной думы, участники правительственных совещаний, местная общественность, но Государственный Совет предлагаемые проекты и предложения во внимание не принял. Примечательно, что депутаты от Тобольской губернии довольно активно участвовали в разработке вопроса как на местах, через страницы периодической печати, так и в думских комиссиях по местному самоуправлению. Более того, III Государственной думой на основе Положения 1890 г. был-таки разработан проект положения о земских учреждениях для Сибири, но даже этот, весьма скромный, документ был отвергнут правительством, как впрочем и еще более скромный проект анциферовского Совещания, где самое активное участие принял тобольский губернатор.

Таким образом, проанализированные данные показывают, что движение за учреждение земских организаций в Тобольском крае пережило три основных этапа. Первый соответствует периоду с 1864 г. до подписания царского рескрипта 1905 г., когда борьба за введение земского самоуправления в губернии только зарождалась. Второй этап ограничивается первой русской революцией. В это время появилось множество местных проектов, предложений, замечаний по вопросу организации земств в крае. На третьем этапе — между двумя революциями (1907—1917 гг.) — создавались проекты о сибирском земстве не только на местах, но и на уровне высших государственных органов. Необходимо отметить, что борьба за введение земского самоуправления в губернии имела

свою специфику. Заметную роль в отстаивании земства сыграли тобольские губернаторы, первые предложившие принять земскую идею на благо развития хозяйства и экономики губернии. Необходимо дополнить, что борьба за земское самоуправление явилась неотъемлемой частью общероссийского общественного движения. Царское правительство, в силу множества причин, отодвигало решение о введении земств в сибирских губерниях на последний план, но эту идею поддержали областники, тобольская губернская администрация, периодическая печать, общественные деятели и наиболее прогрессивная часть местных жителей — горожан и крестьян. Последние, после царского рескрипта 1905 г., сумели объединиться под эгидой местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности и выработали реальные проекты, предложения по земскому вопросу в крае. Тем не менее, дальше планов и проектов дело не пошло.

Многолетняя думская борьба за земство в сибирском крае и местное общественное движение за организацию земских учреждений не принесли ощутимых результатов. Большая часть населения пока оставалась равнодушной к идее принятия земства. Следующий этап, начало которому положили февральские события 1917 г. и последовавшие после них реформы Временного правительства в области местного самоуправления, отличался качественно новым подходом к решению застарелой проблемы.

Примечания

¹ Сибирские вопросы. 1908. № 1. С. 43.

² Государственная дума. Стенографический отчет. Третий созыв. Сессия 2. Ч. 1. СПб., 1908. С. 911.

³ Текст законодательного предположения 101 члена Государственной думы о введении в сибирских губерниях и областях земского самоуправления // Сборник о земстве в Сибири. СПб., 1912. С. 107.

⁴ Письма депутата Н.Л.Скалозубова (23 мая 1908 г.) // Сборник о земстве в Сибири ... С. 126.

⁵ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2314. Л. 11.

⁶ Там же. Л. 98.; Тобольский филиал государственного архива Тюменской области (далее — ТФ ГАТО). Ф. 147. Оп. 1. Д. 37. Л. 12.

⁷ Текст законодательного предположения 101 члена Государственной думы... С. 97.

- ⁸ Скалозубов Н.Л. О введении земства в Сибири // Земское дело. 1910. № 1. С. 37; ТФ ГАТО. Ф. 147. Оп. 1. Д. 37. Л. 8.
- ⁹ Там же. Л. 106.
- ¹⁰ Сибирская жизнь. 1908. 8 ноября.
- ¹¹ Государственная дума. Стенографический отчет... Стлб. 1440, 1449, 1447.
- ¹² По подсчетам исследователя Н.А.Яковлевой, из 72 членов Думы 44 человека принадлежали к реакционным монархическим партиям, 9 — к кадетам, 3 — к трудовикам, 2 — к социал-демократам // Яковлева Н.А. Земство в Сибири (1864—1917): Дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1984. С. 162.
- ¹³ Сборник о земстве в Сибири ... С. 134.
- ¹⁴ Кузнецов А.А. Вопрос о сибирском земстве в Государственной думе // Из истории аграрных отношений. Калининград, 1976. С. 67.
- ¹⁵ Скалозубов Н.Л. О введении земства в Сибири. С. 38.
- ¹⁶ Столыпин П.А. Записка председателя совета министров и главноуправляющего земельным устройством и земледелием о поездке в Сибирь. СПб., 1910. С. 24.
- ¹⁷ Сборник о земстве в Сибири ... С. 142—143.
- ¹⁸ Законопроект о распространении действия Положения о земских учреждениях на губернии: Тобольскую, Томскую, Енисейскую, Иркутскую и на область Забайкальскую // Сибирские вопросы. 1911. № 11. С. 7.
- ¹⁹ Там же. С. 8.
- ²⁰ Там же. С. 7.
- ²¹ Государственная дума. Стенографический отчет. Третий созыв. Сессия 5. Часть 2. СПб., 1912. Стлб. 1257.
- ²² Там же. Стлб. 1677.
- ²³ РГИА. Ф. 1162. Оп. 4. Д. 29. Л. 262 об. — 265.
- ²⁴ Там же. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 50. Л. 42 об.
- ²⁵ Там же. Л. 43 об., 46 об.
- ²⁶ Сибирский листок. 1908. 11 мая.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Воробьев В.В. Обсуждение земского вопроса на страницах периодической печати Западной Сибири в 1907—1910 гг. // Проблемы социально-экономического развития и общественной жизни России (XIX — нач. XX вв.). Омск, 1994. С. 94.
- ²⁹ Омский вестник. 1911. 26 июня.
- ³⁰ Известия по делам земского и городского хозяйства. СПб., 1913. № 4. С. 17.
- ³¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 75. Л. 98.
- ³² Омский вестник. 1913. 11 декабря.
- ³³ РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 75. Л. 99.
- ³⁴ Там же. Л. 100.
- ³⁵ Там же. Л. 102.
- ³⁶ Там же. Л. 103.
- ³⁷ Там же. Л. 102 об.
- ³⁸ Там же. Л. 102.
- ³⁹ Там же. Л. 105.

- ⁴⁰ Там же. Л. 105 об.
- ⁴¹ Веселовский Б.Б. Земство в Западной Сибири // Земское дело. 1916. № 22. С. 944.
- ⁴² РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 75. Л. 105 об.
- ⁴³ Отчеты Совещания // Русское слово. 1913. № 282. С. 116.
- ⁴⁴ РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 75. Л. 106.
- ⁴⁵ Там же. Л. 107.
- ⁴⁶ Веселовский Б.Б. Земство в Западной Сибири. С. 947.
- ⁴⁷ Земство в Сибири // Земское дело. 1916. № 6. С. 314.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Яковлева Н.А. Земство в Сибири ... С. 182.

Глава 5

ИСТОЧНИКИ ПО ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ОБЬ-ИРТЫШСКОГО СЕВЕРА (1920-е гг.)

На современном этапе развития общества понятие «экология» последовательно наполнялось новым смыслом и содержанием, что привело к «экологизации» современной науки, в том числе и гуманитарной. Это также способствовало активизации процесса взаимодействия гуманитарных и естественных дисциплин. Активно в этот процесс включилась историческая наука. Результатом сотрудничества стало основание научных обществ истории окружающей среды (Американское общество истории окружающей среды — American Society for Environmental History, 1977; Европейское общество истории окружающей среды — European for Environmental History, 1999)¹.

В зарубежной историографии используется термин «environment», в переводе с английского языка означающий «окружающая среда». Отсюда «environmental history» в буквальном переводе — «история окружающей среды». Но с происходящей «экологизацией» всех наук и формированием особого экологического мышления правомернее называть новое направление «экологической историей», как более полно отвечающее тенденциям развития современной науки².

В отечественной истории эколого-историческая тематика как самостоятельное междисциплинарное научное направление выделяется в конце 1980—90-е гг.³ Связано это с проблемами ухудшения окружающей среды, которые стали важной частью жизни современного российского общества. Интерес к экологической истории неоднократно возникал у общества и ученых, но решение проблем носило символический характер. На протяжении XX в. большое внимание уделялось проблемам экономическим и политическим, так как общество не придавало значения проблеме усугубляющейся деградации окружающей среды.

Север принадлежит к тем регионам, которые особенно нуждаются в непрерывном комплексном изучении, с различных сторон, в том числе и с эколого-исторической. Без этого невозможно глубокое понимание проблем взаимодействия природы и человека,

лежащих в основе современного экологического кризиса. Становится очевидным, что экологические проблемы Обь-Иртышского Севера нельзя сводить только к периоду активного освоения нефтяных и газовых месторождений. Индустриальное освоение Обь-Иртышского Севера во второй половине XX в. обострило уже существовавшие проблемы экологического характера. Исторический опыт использования человеком природных ресурсов на севере Западной Сибири, как положительный, так и отрицательный, полезен и необходим, так как может быть использован при разрешении многих новых и неизбежных конфликтов между природой и человеком в этом регионе.

Этим обусловлен интерес к изучению процесса взаимодействия природы и человека в различные исторические периоды. Начало XX в. (в частности, 1917—1930-е гг.) является одним из важнейших исторических периодов взаимодействия человека и природы для понимания истоков современного экологического кризиса, как в общегосударственном, так и в региональном масштабе.

В настоящий момент опубликованная источниковая база рассматриваемых проблем представлена тремя сборниками документов: «Об охране окружающей среды»⁴, «Экология и власть»⁵ и «Природные ресурсы, природопользование и охрана окружающей среды на Обь-Иртышском Севере (1919—1929 гг.)». Первое издание представляет собой достаточно исчерпывающую публикацию советского природоохранного законодательства, второе — уникальный комплекс недавно рассекреченных архивных документов, связанных с экологической проблематикой. В третьем сборнике впервые в систематизированном виде представлен корпус источников, характеризующих различные аспекты взаимодействия общества и природной среды на Обь-Иртышском Севере в 1920-е гг.⁶

Первая часть сборника характеризует природные ресурсы региона и традиционные системы природопользования и состоит в основном из документов, отражающих деятельность центрального и местных комитетов Севера. Делопроизводственная документация комитетов (отчеты, доклады, сведения, резолюции, выписки из протоколов) содержат не только разностороннюю информацию о природных ресурсах и системах природопользования, но и предложения по улучшению, совершенствованию хозяйственно-экономической деятельности, уделяя особое внимание бережному

отношению к природе. Делопроизводственная документация местных органов власти, проливающая свет на отдельные аспекты использования природных ресурсов, дополняет картину. В первую часть сборника были включены также материалы из географических и статистико-экономических описаний 1920-х гг. С.А.Куклина и Ю.А.Кудрявцева, так как они по своим научным подходам, профессиональным методам и даже стилистике очень близки к публикуемым источникам и содержат интересную информацию статистического характера.

Колоссальная важность северных ресурсов (в первую очередь пушнины и леса) для экономики государства с одной стороны, и интенсивное, часто неконтролируемое их использование — с другой, требовали незамедлительной разработки законодательной базы, регулировавшей бы использование природных ресурсов. Этой сфере деятельности центральных и местных органов власти посвящена вторая часть сборника.

Имеют место публикации отдельных документов, непосредственно касающихся проблем взаимодействия природы и человека на Обь-Иртышском Севере⁷. Этими публикациями корпус доступных источников по указанной тематике не исчерпывается, и работа в этом направлении должна быть продолжена.

Поэтому введение в научный оборот источников по проблеме взаимодействия природы и человека на Обь-Иртышском Севере — задача совершенно необходимая. Исторический источник, в частности, архивный документ, по справедливому замечанию О.М.Медушевской, обладает своей уникальной природой. Это не только средство для выполнения информационных, административных или управленческих функций. Источник выступает не только как фрагмент прошлого, но и как компонент настоящего, способный воздействовать на общественное сознание⁸. Источники дают возможность сравнительно-исторического анализа, который необходим для выбора как общественной (личной) позиции, так и соответствующего типа поведения. Игнорируя прошлое, общество лишает себя необходимой информации.

В распоряжении исследователя, занимающегося историко-экологической тематикой, имеется комплекс различных источников: законодательство, делопроизводственная документация государственных органов власти, хозяйственных органов и общественных

организаций, так или иначе связанных с использованием природных ресурсов и их охраной, картографические материалы, периодическая печать.

Методика поиска ретроспективной историко-экологической информации. Разработанная методика опирается на правила, выработанные отечественной архивной эвристикой. Основными этапами поиска документов являются:

- установление фондообразователей, в деятельности которых могли возникнуть материалы, содержащие интересующую исследователей информацию;
- поиск на межархивном уровне, на котором следует установить название архивов, музеев, библиотек, в которых хранятся или могут храниться как фонды, так и отдельные материалы по теме исследования;
- поиск на уровне архива, когда в архиве устанавливаются или уточняются названия или номера фондов и коллекций, в которых отложились нужные документы;
- поиск на уровне фонда, когда требуется установить номера единиц хранения. Если к данному фонду составлено несколько описей, поиск усложнится. Следует установить, какая именно опись, часть или том описи нужны, установить номер и название описи;
- поиск на уровне дела, документа, документной информации.

Сложность поиска связана с тем, что в рассматриваемый период Обь-Иртышский Север подчинялся различным административным центрам. В феврале 1917 г. в связи с ликвидацией административной системы царской России, во главе Тобольской губернии был поставлен губернский комиссар, созданы уездные и губернский Советы. В апреле 1918 г. Тобольская губерния была переименована в Тюменскую, все губернские учреждения были переведены в Тюмень. Тобольский Совет воспротивился этому решению, и губерния до марта 1920 г. называлась Тобольской. В постановлении Совнаркома от 2 марта 1920 г. губерния названа Тюменской.

С образованием СССР появилась возможность приступить к практическому проведению нового районирования. Этот вопрос

обсуждался 27 декабря 1922 г. в СТО, в апреле 1923 г. — на XII съезде партии. Важно подчеркнуть, что наряду с заменой губерний, уездов и волостей районно-областным делением предполагалось значительно расширить права местных органов власти за счет передачи им некоторых прав республиканских органов (в частности, бюджетно-финансовых).

В этом случае сложились бы благоприятные условия для концентрации и более эффективного использования значительных материальных и финансовых средств в руках областных (краевых) органов. Создание районов позволило бы приблизить к населению, главным образом, к крестьянству, обслуживающие учреждения (агроветеринарные службы, больницу, почту и т.п.). Эти идеи нового районирования подтвердила XIV партконференция (1925 г.), указав, что этот шаг к децентрализации поможет освободить центральные органы от многих оперативных функций. Однако на практике децентрализацию осуществить не удалось.

XII съезд партии (1923 г.) рассмотрел специальный доклад о районировании и в принятой резолюции отметил, что прежнее административное деление не соответствует новым политическим и экономическим потребностям страны и указал на необходимость проведения эксперимента по районированию. В качестве объекта были выбраны промышленный Урал и сельскохозяйственные районы Северного Кавказа.

С 1919 по 1923 гг. Березовский и Сургутский уезды входили в состав Тюменской губернии. Постановлением ВЦИК от 3 ноября 1923 г. губерния была упразднена и стала частью Уральской области. Территория Обь-Иртышского Севера в составе пяти районов — Березовского, Кондинского, Обдорского, Самаровского и Сургутского вошла в состав Тобольского округа Уральской области. Был также создан Сибирский край с центром в Новосибирске, объединивший Новониколаевскую, Омскую, Томскую, Иркутскую губернии, а также Ойратскую автономную область.

Поскольку новая структура административно-территориального устройства вводилась постепенно, новые единицы в течение ряда лет существовали наряду с губерниями и уездами.

К концу 1929 г. в РСФСР закончился переход к областному (краевому), окружному, районному делению. Так была создана новая система административно-территориального деления: вместо

старых губерний, уездов, волостей были образованы новые административные единицы, построенные на основе учета экономических данных и особенностей национального состава и бытовых особенностей населения.

Тобольский округ занимал северо-восточную часть Уральской области. Его территория была вытянута в меридиональном направлении от берегов Северного Ледовитого океана до южной границы округа на 1 700 км, и с запада на восток от Уральских гор до границы с Сибирским краем почти на 1 000 км. Из общей территории округа, определяемой в 1920-е гг. в 1 121,3 тыс. км², на долю Тобольского Севера приходилось 1 045 тыс. км². По величине занимаемой площади округ был на первом месте в Уральской области, составляя около 2/3 ее территории.

Осуществленное к 1929 г. во всех республиках новое госплановское «административно-хозяйственное» деление (или, как тогда писали, районирование) включало три иерархических уровня: областей (краев), округов (ликвидированных в 30-х гг.) и районов. При этом районы первого уровня первоначально называли экономическими, но впоследствии стали называть просто областями (или краями, если в них входили национальные автономии). Указывалось, что при новом делении тщательно учитывались задания плана ГОЭЛРО, т.е. перспективы развития страны и конкретных районов, а также национально-этническая специфика территорий.

С началом массовой коллективизации центр тяжести всей работы в деревне переместился в районы. Округа (и окружные партийные, и советские органы) становились порой лишним звеном, а то и препятствием в ускорении проведения коллективизации. Поэтому в июле 1930 г. ВЦИК и СНК СССР приняли постановление «О ликвидации округов». Теперь районным Советам передавались все права и обязанности, ранее принадлежавшие округам, их финансово-материальная база и 90% руководящих работников окружного аппарата. К концу 1930 г. ликвидация окружного звена почти повсеместно была завершена. Сохранились лишь национальные и некоторые другие округа, имевшие особое значение в силу их отдаленности от центра (Камчатский, Сахалинский, Мурманский). Постановлением ВЦИК от 10 декабря 1930 г. были образованы Остяко-Вогульский и Ямальский (Ненецкий) национальные округа.

Таким образом, интересующая нас информация отложилась в архивах Тобольска, Тюмени и Екатеринбургa.

Следующий шаг — определение учреждений и организаций, которые так или иначе были связаны с проблемами взаимодействия общества и природы на Обь-Иртышском Севере в рассматриваемый период. Это организации, в сферу деятельности которых входили вопросы природопользования и природоохраны.

В результате революционных потрясений изменилось и государственное устройство. Высшим органом государственной власти в губернии, уезде, волости являлись соответствующие съезды Советов, в селениях и городах — сельские и городские Советы, в национальных районах — съезды Советов автономных областей, а в период между съездами Советов — исполкомы, избранные соответствующими Советами.

Государство провело районирование, т.е. изменилось административно-территориальное деление. Структуру государственных органов власти на региональном уровне до и после районирования можно представить в виде таблицы:

До районирования	После районирования
Губерния Губернский Съезд Советов Губисполком	Область (Край) Областной Съезд Советов Облисполком
Уезд Уездный Съезд Советов Уисполком	Округ Окружной Съезд Советов Окрисполком
Волость Волостной Съезд Советов Волисполком	Район Районный Съезд Советов Райисполком
Селение Сельсовет	Селение Сельсовет

Съезды Советов созывались исполкомами в установленные сроки. Делегаты избирались на основе многостепенных выборов открытым голосованием. Делегаты на волостной съезд Советов избирались сельскими и поселковыми Советами, на уездный съезд Советов — волостными съездами и Советами городов и

поселков, на губернский съезд — уездными съездами Советов и Советами городов и поселков городского типа.

Областные съезды Советов формировались иначе: они составлялись из представителей городских Советов и уездных съездов Советов (из расчета один депутат от 5 тыс. жителей в городах, в уездах — по одному депутату от 25 тыс. избирателей). Окружные съезды — из представителей городских Советов и волостных съездов Советов (из расчета один депутат от 2 тыс. жителей в городах, в волостях — по одному депутату от 2 тыс. избирателей).

В первое время съезды Советов и пленумы исполкомов созывались нерегулярно, их компетенция была недостаточно полно определена. Решение важнейших вопросов принадлежало исполкомам, в деятельности которых преобладали методы администрирования, свойственные периоду «военного коммунизма». В 1924 г. в РСФСР были приняты новые положения о сельских Советах, волостных съездах Советов и их исполкомах, уездных съездах Советов и их исполкомах, в 1925 г. — о городских Советах.

Изменения, произошедшие в стране, повлекли за собой и изменение корпуса источников. В рассматриваемый период количество делопроизводственных документов значительно увеличилось. Возросла их роль в отражении всех аспектов жизнедеятельности общества. Большую роль в характере этих процессов сыграли особенности становления и развития советской государственности: жесткая централизация, бюрократизация государственного аппарата, привлечение к управлению государством широких масс населения. Историк, изучающий этот период, сталкивается не с недостатком, а, наоборот, с избытком информации. Поэтому очень важно выявить из огромного массива документов именно те, которые отражают реальную ситуацию, складывающуюся на местах, и являются наиболее информативными.

Постановлением Президиума ВЦИК 20 июня 1924 г. был создан Комитет содействия народностям северных окраин (Комитет Севера), в задачи которого входило «содействие планомерному устройению малых народностей Севера в хозяйственно-экономическом, административно-судебном и культурно-санитарном отношении». Для выполнения поставленных перед Комитетом Севера задач при исполнительной власти на местах была создана сеть региональных комитетов Севера. Обь-Иртышский Север

входил в компетенцию комитетов Севера, созданных при Уралоблсполкоме и Тобольском окрисполкоме.

Важную роль в изучении проблемы взаимодействия природы и человека на Обь-Иртышском Севере имеют материалы органов управления сельским, водным и лесным хозяйством, в частности, земельного управления исполнительного комитета Уральского областного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Облзу). Управление было образовано 15 декабря 1923 г. на основании постановления ВЦИК СССР для осуществления мероприятий по развитию всех отраслей сельского хозяйства.

Существенно дополняют данные областного земельного управления фонды окружных учреждений: Земельного управления исполнительного комитета Тобольского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Тобольское окрзу) и Лесного отдела земельного управления Тобольского исполнительного комитета Тобольского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Тобольский окрлесотдел).

Характеристика комплекса источников. В рассматриваемый период законодательная власть в стране осуществлялась несколькими органами: всесоюзными и республиканскими съездами Советов, ЦИК СССР и республик, СНК СССР и республик⁹. Официальным изданием актов центральной государственной власти с 1917 г. являлось «Собрание Узаконений Рабочего и крестьянского правительства», с 1924 по 1936 гг. — «Собрание Законов и Постановлений Рабоче-крестьянского правительства СССР»¹⁰. Законодательство, непосредственно касающееся северных территорий, систематизировано в ряде изданий, что существенно облегчает работу исследователя¹¹. В этих публикациях представлены специальные законы и постановления правительства СССР и РСФСР, изданные в отношении северных территорий и проживающих на этих территориях народов. Они регулировали различные сферы жизни и деятельности населения: административно-правовые, финансовые и бюджетные вопросы, кооперацию, снабжение и торговлю. В том числе вопросы землеустройства и использования природных ресурсов.

В качестве примера можно привести следующие нормативные документы: в 1928 г. были приняты постановления «О торговле

охоторужием и огнеприпасами на Севере» (СНК СССР), «Общие начала землепользования и землеустройства» (ЦИК СССР), в 1929 г. «Об охране лесов от пожаров» (ВЦИК и СНК), «О плане развития лесного хозяйства» (СТО), в 1930 г. «Положение об охотничьем хозяйстве РСФСР» (ВЦИК и СНК) и многие другие¹².

Северное законодательство опиралось на важнейшие законы и конституционные акты Советской власти. Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов утвердил разработанный В.И.Лениным Декрет о земле. Декрет объявил об обобществлении природных богатств страны: «Все недра земли, руда, нефть, уголь, соль и т.д., а также леса и воды, имеющие общегосударственное значение, переходят в исключительное пользование государства. Все мелкие реки, озера, леса и проч. переходят в пользование общин, при условии заведывания ими местными органами самоуправления»¹³. В первом конституционном акте Советской власти — «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», принятой III Всероссийским съездом Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов 25 декабря 1918 г., заявлялось: «Все леса, недра, и воды общегосударственного значения... объявляются национальным достоянием»¹⁴.

Принципы, провозглашенные в важнейших документах нового государства, нашли свое продолжение в советском законодательстве, посвященном вопросам охраны природных ресурсов и окружающей среды. 30 мая 1918 г. ЦИК Совета рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов утвердил «Основной Закон о лесах». В нем регулировались вопросы использования и охраны лесных ресурсов¹⁵. 24 мая 1921 г. был утвержден декрет Совнаркома «Об охране рыбных и звериных угодий в Северном Ледовитом океане и Белом море». Ряд законодательных актов был посвящен охране наземных животных, в первую очередь охотничье-промысловых, например, декрет Совнаркома от 27 мая 1919 г. «О сроках охоты и о праве на охотничье оружие»¹⁶. Шла работа над созданием сети заповедников на территории страны. 16 сентября 1921 г. В.И.Ленин подписал декрет Совнаркома «Об охране памятников природы, садов и парков»¹⁷.

В 1923 г. Коллегией Народного Комиссариата Земледелия был утвержден Лесной кодекс. Подчеркивалось, что «постановлениями Всероссийских Съездов и ВЦИК Советов, и рабочих, крестьянских

и красноармейских Советов, основанными на ясно выраженной революционной воле рабочих и крестьян, право частной собственности на леса в пределах РСФСР отменено навсегда»¹⁸. Кодекс регулировал все аспекты ведения лесного хозяйства, в том числе охотничье хозяйство и охрану лесов¹⁹.

Таким образом, природные ресурсы становились общенародной собственностью, их эксплуатация и охрана регулировались государством. Властями декларировался рациональный, научно обоснованный подход к использованию природных богатств.

Первым шагом новой власти в природоохранной сфере была дана высокая оценка в советской исторической науке²⁰. Однако современные исследователи ставят под сомнение столь однозначный вывод²¹.

Принципы природопользования, закрепленные в советском законодательстве, легли в основу организационно-распорядительной, плановой, отчетной, контрольной и др. разновидностей делопроизводственной документации региональных властей.

Делопроизводственная документация составляет подавляющее большинство источников, с которыми исследователю приходится работать в архиве. Для успешной организации работы по выявлению и отбору делопроизводственных материалов большое значение имеет их классификация в зависимости от функций, которые они выполняют. По этому критерию выделяют: организационную (нормативную), распорядительную, плановую, учетную, контрольную и отчетную документацию. Кратко охарактеризуем каждую из групп.

Организационная документация определяет порядок какой-либо деятельности. Она включает множество разновидностей источников. Сюда относятся: положения, правила, уставы, статуты, обязательства, договоры, контракты, трудовые соглашения. Организационные документы создаются как высшими органами власти, так и местными учреждениями в зависимости от их уровня.

Распорядительная документация служит для реализации управленческой деятельности. Она является продолжением организационной документации. Различия между ними условны и относительны, поэтому нередко их объединяют (организационно-распорядительная документация). К ней относятся: решения,

резюльюции, приказы, инструкции, циркуляры, распоряжения, поручения, предписания, наказы.

Особую разновидность организационно-распорядительной документации представляют протоколы и стенограммы заседаний коллегиальных и коллективных органов, собраний трудящихся, конференций, съездов.

К организационно-распорядительной документации относится также обширная группа документов, которые передаются в форме текущей переписки предприятий, учреждений, организаций и их представителей. Среди материалов переписки большой удельный вес составляют телеграммы, телеграфные и телетайпные сообщения, радиограммы, телефонограммы. К этой же группе принадлежит переписка, характеризующая взаимоотношения предприятий, учреждений, организаций и отдельных граждан.

Делопроизводственная плановая документация — особый вид организационно-распорядительной документации. Она состоит из планов работы, проектов и проектных заданий, программ, смет, графиков и сетевых графиков.

Особую группу делопроизводственной документации составляют *учетные документы*. К учетной документации относятся: анкеты, листки, журналы и книга учета, реестры, кадастры, перечни, таблицы, тарифы, счета, балансы. С учетной документацией тесно связана *контрольная документация*. В нее входят материалы ревизий, проверок, заключений о работе, справок о деятельности, регистрации, единовременных обследований. Наиболее важные обобщающие сведения содержит отчетная документация. В число подобных документов входят отчеты о работе, обзоры, трудовые рапорты, сводки, донесения, доклады.

Делопроизводственная документация может быть типовой и индивидуальной. Делопроизводственные документы делятся по происхождению на первичные и производные, служебные (официальные) и неофициальные (личные). Официальные документы имеют служебное подтверждение со стороны государственных и общественных органов, неофициальные — нет (характеристика и автобиография). В делопроизводстве существует множество разновидностей документов по личному составу (наградные, личные дела и т.д.).

В свою очередь *служебные документы* делятся на документы: государственных, общественных организаций, частных предприятий. По сложности содержания, отраженного в документах, они делятся на простые и сложные. Также осуществляется деление по способам, приемам, технике воспроизведения документов.

Приведенная выше типология и классификация делопроизводительной документации имеет большое значение для выяснения ее информативности и достоверности. Все три группы связаны между собой генетически и структурно, их нельзя рассматривать в отрыве одну от другой.

В результате победы Октябрьской революции был сломлен и разрушен старый государственный аппарат и старая система делопроизводства. В корне изменилась законодательная база.

В послереволюционный период наибольшую трудность для исследователя представляет определение разновидности документа, так как последняя не всегда указывается. Определение разновидности должно производиться на основе анализа формуляра документа, его делопроизводственных особенностей, содержания и совокупности внешних признаков (обращение, подпись), самонаименования.

При проведении анализа текста документа особое внимание обращалось на определение видовых характеристик документа (*нормативный, организационно-распорядительный, отчетно-итоговый, отчетно-информационный*) и установление внутреннего формуляра документа, соответствие расположения частей документа известным делопроизводственным разновидностям, имевшим хождение в указанные годы (*протокол, циркуляр, приказ* и т.д.).

Сравнительно легко можно идентифицировать такие разновидности документов как протоколы, циркуляры, положения, уставы. Основываясь на терминологическом определении разновидностей документов, можно дать следующие характеристики, помогающие определить вид документа и отличить один вид от другого.

Инструкция — правовой акт, издаваемый органом государственного управления (или утверждаемый его руководителем) в целях установления правил деятельности учреждений, предприятий, должностных лиц и граждан. Обычно содержит указания,

разъяснения по пунктам о применении того или иного положения, распоряжения о порядке организации какой-то работы²².

Циркуляр — письмо вышестоящего органа, изданное в дополнение и разъяснение нормативного акта, рассылаемое определенному кругу подведомственных учреждений. Очень часто начинается со слов «Всем». Циркуляр — краткое изложение по пунктам, циркулярное письмо — более подробное, со сведениями о проделанной работе²³.

Указание — правовой акт, издаваемый органом государственного управления преимущественно по вопросам информационно-методического характера, а также по вопросам, связанным с организацией исполнения приказов, инструкций и других актов данного органа и вышестоящих органов управления.

Переходя далее к примерам идентификации документов отчетно-информационного и отчетно-итогового характера, следует отметить, что по отношению к последним приемы и методы аналитической критики гораздо сложнее. Данные документы не имели устойчивого формуляра. В первые годы советской власти отчетность не являлась строго периодической и не носила обязательного характера. Поэтому документ составлялся в свободной форме, что и затрудняет определение его разновидности. Тем не менее, и в документах данных групп можно выделить следующие структурные части: вводная, определяющая цель и задачи составленного документа, информационная, аналитическая и резюмирующая (выводы и перспектива на будущее).

Доклад — изложение определенных вопросов с выводами и предложениями составителя²⁴. *Докладная записка* — документ, адресованный руководству, излагающий какой-либо вопрос с выводами и предложениями составителя²⁵.

Отчеты — документы, содержащие сведения о подготовке, проведении и итогах выполнения планов, заданий и т.д., представляемых вышестоящему учреждению или должностному лицу. Доклады, как правило, готовятся самим учреждением для вышестоящего органа, докладные записки и отчеты создаются по запросам вышестоящего учреждения²⁶.

Документы, предназначенные для внутреннего пользования, имеют, в основном, форму справок, сводок и обзоров. В таких документах отсутствует вводная, аналитическая и резюмирующая

части, документ дает лишь информацию (констатацию) по какому-то вопросу.

Информация — более краткое, чем справка, сообщение, о каком-либо вопросе для вышестоящей или нижестоящей организации²⁷. *Обзор* — подробное освещение состояния какого-либо вопроса, нередко со статистическими таблицами. Обычно никуда не направляется²⁸.

На основе местных данных, путем обобщения первичной информации создаются документы, не только содержащие информационные сведения, но и анализирующие собранную информацию. К таким документам относится служебная записка.

Служебная записка (служебное письмо) — документ о выполнении какой-либо работы, направляемый должностным лицом другому должностному лицу, обычно небольшой — 1—2 страницы. Авторами и адресатами могут быть различные учреждения с различной степенью подчиненности. Очень часто характерным моментом для письма является просьба о чем-нибудь к вышестоящей организации, содержащаяся в конце письма. Письмо может также сообщать о каком-либо факте, носить информационный характер²⁹.

Знание видов документов дало возможность эффективно осуществлять поиск необходимой информации.

Обь-Иртышский Север с 1923 по 1934 гг. входил в состав Тобольского округа Уральской области. Уральская область была создана в результате районирования 1923 г. Помимо того, что районирование носило экономический характер, его главной задачей было предоставление больших прав местным органам власти. Облисполкомы должны были получить более широкие права по сравнению с губисполкомами за счет перераспределения части полномочий от центральных органов власти — наркоматов³⁰.

Таким образом, территории Обь-Иртышского Севера подчинялись Уралоблисполкому, в компетенцию которого входили законодательные функции (разработка регионального законодательства, ходатайства в Президиум ВЦИК об изменениях в законах с целью приспособления их к условиям Урала) и исполнительные (организация и планирование социально-экономической деятельности, проведение политики повышения экономического и культурного уровня национальных меньшинств)³¹.

Уралоблисполком занимался, в том числе, и разработкой *организационно-распорядительной документации*, регулирующей вопросы природопользования. Источником по изучению нормотворческой деятельности облисполкома в этом направлении является его издание «Официальный сборник декретов, постановлений, распоряжений и циркуляров Центральных и Уральских областных органов власти». В первую очередь, региональная нормативная база регулировала лесное³² и охотничье³³ хозяйства. Это естественно, поскольку две трети территории Уральской области составлял Тобольский округ, север которого обладал колоссальными лесными ресурсами и являлся одним из основных поставщиков пушнины на внутренний и внешний рынок³⁴.

Дополняют картину формирования региональной природоохранной юридической базы нормативные документы, принятые Тобольским окрисполкомом в 1924—1925 гг. Они представлены правилами и обязательными постановлениями: «Правила производства охоты, ее сроков и способов в Тобольском округе», «Правила ведения лесного хозяйства в лесах местного значения Тобольского округа», «Правила отпуска и использования древесины населением на общественные нужды из государственных лесов Тобольского округа», «Обязательное постановление № 20 Тобокрисполкома о порядке использования рыболовных угодий местного значения в Тобольском округе», «Обязательное постановление № 21 Тобокрисполкома о правилах использования кедровников», «Обязательное постановление № 22 Тобокрисполкома о мерах сохранения леса и борьбы с истреблением его вблизи городов и населенных пунктов», «Обязательное постановление № 23 Тобокрисполкома о порядке заготовок лесных материалов и побочных продуктов леса»³⁵.

Важную роль в организации работы на северных территориях играл специально созданный постановлением Президиума ВЦИК от 20 июня 1924 г. Комитет содействия народностям северных окраин (Комитет Севера). В его задачи входило «содействие планомерному устройению малых народностей Севера в хозяйственно-экономическом, административно-судебном и культурно-санитарном отношении»³⁶. Деятельность Комитета Севера широко представлена изданными документами³⁷ и значительным количеством публикаций³⁸.

Для выполнения поставленных перед Комитетом Севера задач при исполнительной власти на местах была создана сеть региональных комитетов Севера. Обь-Иртышский Север входил в компетенцию комитетов Севера, созданных при Уралоблисполкоме и Тобольском окрисполкоме. Уральский комитет Севера был создан на основе постановления ВЦИК и СНК СССР от 23 февраля 1925 г.³⁹ Тобольский комитет Севера был образован по постановлению окружного исполкома от 30 мая 1925 г.⁴⁰ на основании постановления бюро Комитета Севера при ВЦИК «Об организации местного комитета Севера в г. Тобольске» от 15 мая 1925 г.⁴¹

Деятельность региональных комитетов Севера также нашла свое отражение в научной литературе⁴². Отечественная историография всегда высоко оценивала работу Комитета Севера и его региональных подразделений. В первую очередь, речь шла о национально-государственном строительстве на северных территориях и внедрении новых форм хозяйствования. Между тем материалы комитетов вполне можно рассматривать в историко-экологическом аспекте.

«Устроение малых народностей Севера» со всей очевидностью требовало комплексного подхода к проблеме. Поэтому значительную роль в деятельности комитетов играла «научно-исследовательская деятельность, направленная на рациональное расширение эксплуатации окружающих естественных задач, улучшение способов и техники этой эксплуатации» и «охрану окружающих туземца природных богатств от хищнической эксплуатации»⁴³.

Делопроизводственная документация комитетов (отчеты, доклады, сведения, резолюции, выписки из протоколов) содержит не только разностороннюю информацию о природных ресурсах и системах природопользования, но и предложения по улучшению и совершенствованию хозяйственно-экономической деятельности, уделяя особое внимание бережному отношению к природе⁴⁴.

Для представления общей картины использования природных ресурсов на Севере наибольший интерес представляют отчеты территориальных комитетов перед вышестоящими инстанциями, в частности, перед Комитетом содействия народностям северных окраин при ВЦИК, и доклады по отдельным вопросам организации хозяйственно-экономической деятельности в регионе⁴⁵. Отчеты имеют достаточно четкую структуру, состоящую из следующих

частей: характеристика территории и населения (площадь, численность и плотность населения, его национальный состав); общее состояние хозяйства, его специфика (важнейшие отрасли — промыслы, их значение для экономического развития региона); экономическая характеристика каждого промысла в отдельности (оленоводство, рыболовство, пушной промысел). В отчетах также содержится информация о стихийных бедствиях, результатах научных экспедиций, об организации Приполярной переписи. Доклады дают возможность представить состояние дел в отдельных отраслях более детально. Во многом они носят проблемный характер, уделяя особое внимание трудностям, стоящим на пути развития того или иного промысла и мерам по их преодолению⁴⁶.

Помимо вышеперечисленной документации, большой интерес вызывают материалы областных совещаний и конференций, посвященных проблемам Тобольского Севера, которые организовывали комитеты Севера либо принимали в их работе деятельное участие. В частности, состояние изученности Тобольского Севера, перспектив освоения и использования его природных ресурсов наглядно демонстрирует стенограмма первого областного совещания по собственному строительству национальных меньшинств, проходившая в Свердловске с 17 по 20 декабря 1927 г.⁴⁷

В докладах, прениях по затронутым в выступлениях проблемам содержится разнообразная информация о состоянии дел на Тобольском Севере. В докладе А.Плешкова — председателя Уральского комитета Севера, например, дана общая характеристика состояния основных отраслей северного хозяйства — охоты, рыболовства, оленеводства, указаны проблемы, с которыми сталкивались областные органы власти в своей работе. В первую очередь, в центре не хватало информации о состоянии дел на Тобольском Севере. А.Плешков так охарактеризовал сложившуюся ситуацию: «Когда мне пришлось вступить в исполнение обязанностей, я должен был заняться рассмотрением, изучением некоторых цифр, определяющих национальный состав области, хозяйства отдельных национальностей, и вообще отсюда можно сделать какой угодно вывод, и наметить какой угодно план. Я на протяжении полугода ни цифр не мог получить, ни тем более составить план конкретный. Старался получить на протяжении шести месяцев, затянулось на девять месяцев, затем на двенадцать

месяцев, и, в конце концов, получил половинчатые цифры, цифры очень неопределенные, с оговоркой, что цифры не точные, цифры предварительные, цифры ориентировочные. Таково положение всего нашего учета и конечно на таких ориентировочных цифрах, не точных цифрах, хозяйство строить на одиннадцатом году существования советской власти никоим образом нельзя, когда приходим к плановому регулированию нашего хозяйства»⁴⁸.

Приведенный отрывок выступления Плешкова изобилует недостатками, характерными для разговорной речи (повторы, несогласованность предложений, сумбурность изложения). Тем не менее, он достаточно ясно отражает реальное положение дел. К концу 1920-х гг. в центре о Севере имелись в основном «ориентировочные» представления. Поэтому, как и в начале 1920-х гг., вновь со всей «определенностью» ставилась задача систематического изучения экономического, социально-культурного и бытового положения народов Севера⁴⁹.

Состояние дел в сфере взаимодействия природы и человека напрямую зависело от той социально-экономической политики, которую проводило государство. После октября 1917 г. главной задачей страны стало создание плановой социалистической экономики.

Создание плановой социалистической экономики требовало организации соответствующих государственных органов. Отправной точкой этого процесса стал подписанный В.И. Лениным 22 февраля 1921 г. декрет СНК, по которому при Совете труда и обороны (СТО) была образована государственная общеплановая комиссия (Госплан). Естественно, органы планирования создавались и на местах. После образования Уральской области в 1923 г.⁵⁰, в середине января 1924 г. при Уралоблисполкоме был создан Уралплан. В его задачи входило «ведение систематической плановой работы в области хозяйственного и культурного строительства, выполнение заданий Госплана, проверка выполнения планов»⁵¹. Административными правами Уралплан не пользовался, его решения вступали в силу по утверждению их облисполкомом.

Структура Уралплана включала: 1) Президиум; 2) Секции (или сектора) — промышленная, сельскохозяйственная, торговли и кооперации, финансовая и т.д.; 3) Пленум Уралплана. Пленум Уралплана являлся широким совещательным органом, в работе

которого принимали участие представители ведомств, профсоюзов, общественных организаций⁵².

После изменения административно-территориального деления в результате постановления ЦИК СССР от 17 января 1934 г. Уралплан был переименован в Облплан. Материалы Уралплана отложились в Государственном архиве Свердловской области в фонде Р-241 «Плановая комиссия исполнительного комитета Свердловского областного совета депутатов трудящихся». Фонд представлен шестью описями, которые включают в себя 6 247 дел⁵³. Документы по истории Обь-Иртышского Севера представлены в описях № 1 и № 2, охватывающих хронологический период с 1920 по 1937 гг. Для избранной проблематики наибольший интерес представляют материалы следующих секторов: районирования, Севера, производительных сил и лесного хозяйства.

Как уже отмечалось, планирование являлось важнейшей составной частью социально-экономической политики советского государства. Планы разрабатывались и утверждались высшими органами власти страны и в силу этого отражали приоритеты экономической политики. В том числе и приоритеты в подходах к освоению и использованию природных ресурсов.

Уралплан, по сути дела, должен был своей деятельностью претворять в жизнь новые принципы экономического развития, продекларированные в основных документах советской власти — комплексное, рациональное использование природных ресурсов на твердой научной основе. Это требовало достаточно полных знаний о регионе. Сбор и первичное обобщение материалов началось в рамках районирования.

Под районом подразумевалась «...своеобразная, по возможности экономически законченная, территория страны, которая, благодаря комбинации природных особенностей, культурных накопленных прошлого времени в населении и его подготовке для производственной деятельности, представляло бы самостоятельное звено в общей цепи народного хозяйства»⁵⁴. То есть районирование, в первую очередь, должно было носить экономически обоснованный характер.

В состав созданного в рамках Уральской области Тобольского округа с окружным центром в Тобольске вошли следующие северные территории: северная часть Тобольского уезда, Березовский

уезд без юго-западной части Сартыньинской (Няксимвольской) волости, восточной части Верхпелымской волости и Туринского уезда (бассейн реки Конды) и Сургутский уезд⁵⁵. Поэтому при районировании также ставилась задача «содействия культурно-экономическому устройству северных окраин Уральской области», в первую очередь, за счет упорядочения экономической деятельности в сфере традиционного промыслового хозяйства на Севере⁵⁶.

Предварительные результаты сбора информации по территориям Уральской области были опубликованы Уральским экономическим совещанием в третьем томе материалов по районированию⁵⁷. Описание Тобольского округа представлено в главе XIV⁵⁸. В описании приводятся сведения о географическом положении, геологии, полезных ископаемых, путях сообщения, демографии, экономике (сельское хозяйство, промышленность, промыслы) и перспективах развития Тобольского округа, в том числе его северной части.

В заключении описания отмечалось: «Тобольский Север является собой резкий пример систематического ограбления природы. Триста лет из него выкачивается его богатство в виде мехов, дичи и рыбы, а что получает этот край взамен? Водку и сифилис. В результате вымирает местное население, истребляется пушной зверь, падает оленеводство, и край, с большими возможностями к развитию, медленно обращается в пустыню. Между тем, Тобольский край может сделаться не менее богатым, чем те черноземы, которые так нас избаловали»⁵⁹.

Будущее Тобольского Севера виделось в активном использовании лесных ресурсов. Подчеркивалось, что делать это необходимо с опорой на знание региона и рациональное использование его ресурсов «...прежде чем отдать в эксплуатацию свои богатства, мы должны их точно учесть и учесть возможности их наивыгоднейшего использования. В вопросе лесных концессий приходится бороться с хищническими тенденциями лесопромышленников, которые стараются вырвать лакомый кусок и бросить остальное на произвол судьбы. Леса — это единственный капитал, за счет которого Тобольская тайга может приобщиться к культуре»⁶⁰.

Архивные материалы по районированию Тобольского Севера существенно дополняют опубликованные⁶¹. Недостаток информации, ее предварительный характер приводил к тому, что

публикуемые данные нередко носили отрывочный, противоречивый характер, изобиловали ошибками. Эту ситуацию наглядно иллюстрирует критический отзыв А.А.Дунина-Горкавича на описание Тобольского округа в упомянутом выше третьем томе материалов по районированию⁶². А.А.Дунин-Горкавич подчеркивает, что описание носит неполный, незаконченный характер: «По некоторым отделам схвачены из моих работ отдельные абзацы и вставлены в соответствующие места, но не всегда удачно». Александр Александрович подчеркивал своеобразие Тобольского Севера. «Поэтому обзор этого района не должен укладываться в принятые для области шаблонные рамки, он должен иметь свой самобытный индивидуальный характер и состояться не наспех, а планомерно и должен обнимать все отрасли жизни края»⁶³.

Большой интерес для изучения проблем взаимодействия природы и человека на Обь-Иртышском Севере, безусловно, представляет деятельность секции Севера, созданной при Уралплане 6 февраля 1924 г. по решению Президиума Уралоблисполкома⁶⁴. После включения северных территорий Западной Сибири в состав Уральской области естественным образом встала необходимость вовлечения этого региона в единый хозяйственно-экономический механизм.

В первую очередь, как уже неоднократно отмечалось, власти столкнулись с малой изученностью этих территорий. Вследствие этого было принято решение о создании секции Севера, в задачи которой входило «всестороннее изучение севера Уральской области в целях разработки вопросов, связанных с хозяйственным и культурным строительством края»⁶⁵. «Благоустройство» северных окраин Уральской области и вовлечение народов, населяющих их, в «советскую культурно-экономическую работу» являлось одной из важнейших задач общегосударственного значения. Поэтому секция в своей работе привлекала к сотрудничеству заинтересованные учреждения и организации, в частности, плановые комиссии соответствующих округов (например, Тобольского), комитеты Севера и др.

Деятельность секции Севера представлена различной делопроизводственной документацией: протоколы заседаний, экономические обзоры, сведения по лесному хозяйству, пушному и рыболовному промыслам⁶⁶; материалы, касающиеся организации

научных экспедиций на Север⁶⁷; характеристика природных и ископаемых богатств⁶⁸; постановления, резолюции и заключения о Тобольском Севере⁶⁹; планы развития инфраструктуры на Севере⁷⁰.

Специфику деятельности секции в полной мере отражают протоколы заседаний. Они имеют традиционную для такого рода документации структуру: указаны присутствующие, повестка дня, краткое содержание выступлений по вопросам повестки и решения по ним⁷¹. По присутствующим на заседаниях секции можно определить круг учреждений, привлекавшихся к сотрудничеству: Уралгосторг, Уральский областной союз охотников, Уралоблзу, Тюменский, Тобольский и Пермский окрисполкомы, научно-исследовательские и краеведческие организации и др. Повестка заседаний отражает деятельность секции в сфере изучения природных ресурсов, их использования и охраны. В качестве примера приведем некоторые вопросы, рассматривавшиеся на заседаниях секции: о состоянии лесного хозяйства на Тобольском Севере, об организации охотничьего промысла на Севере, об охране пушных зверей и т.д.⁷²

В январе 1927 г. в Свердловске прошла конференция производительных сил Урала. Она подвела определенный итог развития территорий Обь-Иртышского Севера в первой половине 1920-х гг. Материалы конференции дают возможность представить общую картину развития экономики Уральской области в рассматриваемый период, определить место Тобольского Севера в системе хозяйства области. Вопросы социально-экономического развития региона обсуждались на секции Севера⁷³. Материалы конференции представлены текстами докладов и стенограммами заседаний.

На секции Севера прошло 6 заседаний. Доклады были посвящены характеристике общих экономических сдвигов на Тобольском Севере, «культурно-производственного» развития коренных народов региона, основных промыслов (рыболовство, оленеводство, охота). Разнообразные фактические данные представлены в таблицах с пояснениями к ним.

Материалы конференции дают возможность дополнить общую характеристику социально-экономических изменений, проходивших в стране, яркими картинками протекания этого процесса на местах. Автор одного из докладов приводит «формулу» действий аборигенов, по которой развивались на Севере в 1920-е гг. глубокие

экономические сдвиги: «если я буду рыбачить, то получу удовлетворение потребностей (грубо) в два раза меньше чем до войны (первая мировая война — Е.Г.), а занятие пушным промыслом мне даст в полтора раза больше, чем до войны, поэтому я буду рыбачить постольку, поскольку это необходимо, главным образом для питания меня и семьи, а для обмена я буду стараться добывать пушнину, за которую мне дадут в три раза больше, чем за рыбу»⁷⁴. Такие характеристики изменения рыночной конъюнктуры в период НЭПа в пользу пушного промысла дают возможность по-настоящему оценить влияние экономических процессов на характер использования природных ресурсов.

Анализ состояния хозяйства, его развития привел участников конференции к мысли о том, что сложившаяся исторически на Тобольском Севере структура экономики, которую в качестве мерила использовали при характеристике положения в 1920-е гг., не была оптимальной. Речь шла о новой структуре экономического развития. Подчеркивалось, что, несмотря на хищнические способы использования природных ресурсов Севера, его хозяйство давало лишь малую часть того, что можно было бы извлечь при «полном, правильном и рациональном использовании его богатств». Поэтому вопрос ставился не просто о восстановлении хозяйства, а о его реконструкции «с заменой первобытных, примитивных способов обработки сырья индустриальной техникой, с введением в систему эксплуатации еще не использованных богатств»⁷⁵.

Итоги работы секции Севера были изложены в резолюциях по основным вопросам экономического развития северных территорий Уральской области, были предложены меры по их оздоровлению. Была выяснена общая изученность Тобольского Севера и намечены ближайшие вопросы, которые требовали первоочередного рассмотрения и исследования⁷⁶.

Важную роль в изучении проблемы взаимодействия природы и человека на Обь-Иртышском Севере имеют материалы органов управления сельским, водным и лесным хозяйством, в частности, земельного управления исполнительного комитета Уральского областного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Облзу)⁷⁷. Управление было образовано 15 декабря 1923 г. на

основании постановления ВЦИК СССР для осуществления мероприятий по развитию всех отраслей сельского хозяйства⁷⁸.

В фонде представлены материалы об охотничьем и рыболовном промыслах, лесном хозяйстве. Материалы о рыболовстве содержат сведения о состоянии этого промысла в Уральской области⁷⁹; постановления облисполкома и окрисполкомов о правилах рыболовства⁸⁰; инструкции, постановления и выписки из протоколов Тобокрзу о рыболовных угодьях⁸¹.

Делопроизводственная документация по охотничьему хозяйству Тобольского округа дает представление о его месте и роли в системе хозяйства Уральской области, раскрывает трудности и проблемы, с которыми сталкивалось его развитие. По имеющимся в фонде материалам можно судить о перспективах развития охотничьего хозяйства Обь-Иртышского Севера⁸².

Существенно дополняют данные областного земельного управления фонды окружных учреждений: Земельного управления исполнительного комитета Тобольского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Тобольское окрзу)⁸³ и Лесного отдела земельного управления Тобольского исполнительного комитета Тобольского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Тобольский окрлесотдел)⁸⁴.

Тобольское окружное земельное управление было создано в 1923 г. в связи с районированием, ликвидировано в 1930 г. В фонде Окрзу представлены планы организации землеустроительных работ на Обском Севере, экономические описания районов, отчеты о работе и доклады по Тобольскому земельному управлению, документация о ведении лесного хозяйства⁸⁵. Материалы фонда содержат разностороннюю информацию о состоянии нормативной базы (постановления, циркуляры, инструкции, правила, распоряжения и т.д.), регулирующей вопросы природопользования, что дает возможность представить, каким образом политика центральных и региональных властей по освоению и использованию ресурсов Севера реализовывалась на местах⁸⁶.

Окружной лесной отдел также был создан в 1923 г. и ликвидирован в 1930 г. В фонде находятся приказы, распоряжения и инструкции Уральского областного земельного управления, распоряжения Тобольского окрзу по лесному отделу; производственно-хозяйственные планы работ по лесничествам, отчеты и доклады о

деятельности лесного отдела и лесничеств Тобольского округа; сметы, планы работ по устройству лесов местного значения; сведения о лесном хозяйстве Тобольского округа, материалы об охране лесов государственного значения, распределении лесного фонда и т.д.⁸⁷ Документы фонда дают возможность всесторонне охарактеризовать одну из важнейших отраслей Севера — лесное хозяйство. Именно через активное развитие лесного хозяйства предполагалось повысить социально-экономический и культурный уровень северных территорий.

Таким образом, материалы указанных фондов позволяют представить в реальности процесс изучения, освоения и использования природных ресурсов Севера, детально проследить реализацию законодательной базы по природопользованию на местах, тех идей, которые призваны были реализовать имеющиеся у северных территорий экономические перспективы.

Важнейшее значение в корпусе источников по истории севера Западной Сибири имеют данные похозяйственной переписи Приполярного Севера СССР 1926/27 гг., характеризующие 1925/26 хозяйственный год. Для рассматриваемого периода это наиболее полное статистическое обследование социально-экономического положения населения северных территорий бывшего СССР.

При выделении районов и маршрутов обследования учитывались естественно-географические и исторические условия; мобильность и годовой хозяйственный цикл этнических групп; места скопления населения в летнее и зимнее время (ярмарки, пункты сбыта продукции промыслов и приобретения привозных товаров и продуктов). К проведению переписи были привлечены квалифицированные специалисты, знакомые с условиями работы на севере, что позволило преодолеть «суеверия, не позволяющие сообщать разные хозяйственные сведения»⁸⁸.

Цели исследования были поставлены следующие: 1) изучение принципов и форм расселения, сравнительное изучение хозяйств северных народов, их культурно-экономического состояния и распространенности отдельных основных элементов хозяйства; 2) выявление социально-экономической структуры северного промыслового хозяйства, распределение всех хозяйств на социально-экономические группы, определение удельного веса и качественной характеристики отдельных групп. Групповые итоги

основывались на следующих показателях: территория, образ жизни, народность, главное занятие хозяйства, использование наемного труда, размер валового дохода.

Несмотря на то, что материалы переписи были изданы⁸⁹ и имели место публикации⁹⁰, основанные на этих данных, выявление новых источников позволяет существенно дополнить имеющуюся картину взаимодействия природы и человека на Обь-Иртышском Севере.

Материалы, связанные с переписью, сосредоточены в фонде Уральского областного управления народнохозяйственного учета Государственного архива Свердловской области⁹¹. Опубликованные данные переписи носят исключительно статистический характер: количественные показатели по группам хозяйств, по регионам.

Выявленные же материалы представляют собой первичный, рабочий вариант обобщения результатов переписи, что называется, по «горячим следам». Они сочетают в себе количественные данные с описанием, порой лично окрашенным, состояния дел на Севере, объяснением причин негативных или положительных сторон той или иной хозяйственной деятельности, политики властей по отношению к северным территориям. Об этом свидетельствует характер текста: обилие подчеркиваний, правок, знаков вопроса рядом с количественными показателями.

Несмотря на указанные недостатки, они помогают исследователю за сухими строчками цифр и средних показателей официальных изданий, описывающих среднестатистическое хозяйство и среднестатистического человека, увидеть реальную жизнь и реального человека с его проблемами и трудностями, заботами и нуждами, с его отношением к себе и окружающей действительности, более ярко представить себе традиционные системы природопользования на Обь-Иртышском севере в период социально-экономических трансформаций⁹².

Интересным в этом отношении представляется введение в научный оборот материалов экспедиционных обследований севера Сибири, проводившихся в рамках похозяйственной переписи. В качестве примера приведем рукопись этнолога Л.Костикова «Одна из причин экономического истощения туземцев крайнего

севера Сибири», написанной в мае 1928 г. по материалам экспедиционного обследования Тазовского района 1927/1928 гг.⁹³

Например, данные Л.Костикова существенно дополняют картину развития торговли на Севере. «Товарное питание промышленного севера объединено единым планом и осуществляется на местах через довольно широкую сеть госзаготовителей и кооперацию»⁹⁴, — гласит официальное статистическое издание.

Приведем некоторые выдержки из работы Костикова. Вот как он описывает беседу заведующего факторией с покупателем: «Приедет самоед, вывалит на прилавок десяток отборных песцов, а заведующий, не глядя на него, говорит:

— Приму одного и то вторым сортом.

— Да у меня десять.

— Приму одного и то вторым сортом.

— Что ж, бери хоть одного.

Тогда только заведующий руки из карманов, и начинается браковка первосортного товара для выбора одного, который лучшим из первых должен пойти за второй сорт. Когда выбор кончен, то начинаются сообщения заведующего о том, что хлеба, масла, сахара — нет.

— Что? чая? Да ты откуда приехал? Разве не слыхал, что чая у нас давно нет. Что захотел. Хлеба 20 пудов, если хочешь, то получишь 7 пудов хлеба, остальное другими товарами, а нет, так поезжай на Енисей, или в Обдорск.

— Так как нет?

— Да так. Семь пудов хлеба и остальное тем, что найдешь в лавке, то и бери.

— В лавке товара нет»⁹⁵.

Отсутствие необходимых товаров удовлетворительного качества на факториях являлось общим местом. Многие охотники, в первую очередь представители малых народностей Севера, (туземцы, по терминологии двадцатых годов), продолжали пользоваться кремневыми ружьями. Современные нарезные ружья с хорошим боем были большой редкостью на Севере. Организации, заготавливающие пушнину, забрасывая на места оружие и огнестрельные припасы, совершенно не считались с качеством товара. Низкосортные берданки, твердые военные пистоны, старый слежавшийся и подмоченный порох были обычным ассортиментом

товарообменного фонда заготовителей. Поэтому на факториях часто можно было услышать такой диалог.

« — Винтовки есть, но тяжелые, а легких, хороших не продают. Надо магазинные. Надо такой, как у вашего охотника.

— У нашего охотника ружье заграничное — дорогое. Сто рублей стоит. Вам не подойдет.

— Почему дорогой? Почему не подойдет? Пиши меня два штука. Может, пустит их сюда. Только легоньки. Всяком заводом: русским, другим каким. Что пустит. Пиши. Пиши меня два штука. Может, пустит.

Так говорил юрак на Яковом стане, твердо убежденный, что такое серьезное дело, как торговля песцами, конечно, сосредоточено в руках главы государства. Когда же его собеседник засмеялся, он воскликнул:

— Ты не смейся. Думаешь, не знаю. Хорошо знаю. Царя нету. Все равно, другой большой начальник есть. Ему скажи. Самому скажи, может, пустит»⁹⁶.

К предметам первой необходимости традиционного хозяйства относились также топоры и ножи. Однако, по наблюдениям Костикова, от Красноярска до Обдорска ему нигде не встретилось хорошего топора. «Все жалуются, что они очень мягкие, а о ножах и говорить не приходится. Не даром самоеды почти не покупают их. Выручает туземца его умение сделать себе нож из напильника, и он по-прежнему вынужден для себя и для всех членов своей семьи, как и в старину, выковывать ножи из этого рода предметов»⁹⁷. Приходится констатировать, что в этом отношении мало что изменилось и в конце XX в. В 1995 г. в верховьях Таза селькупы сетовали на то, что негде купить напильники для изготовления ножей.

Незнание местной хозяйственной специфики, в частности того, что все туземцы севера Сибири, помимо прочности, требовали от лезвия ножа определенной толщины, так как точили его так же, как и топор, с одной стороны и часто пользовались им как рубанком, приводило к тому, что простые, с тонким лезвием, железные ножи, которыми так обильно снабжены были все фактории, никогда не пользовались широким спросом, так как в туземном хозяйстве, при восьмимесячной зиме, таким ножом нечего делать. Между тем помимо общих, необходимых в хозяйстве ножей, у каждого

члена семьи, начиная с четырех-пяти лет, должен был быть свой нож. У женщин — с широким лезвием, у мужчин с узким. Поэтому фактории всегда имели повышенный спрос на напильники.

Когда Костиков задал самоедам вопрос: «Отчего же вы не попросите в фактории, чтобы заведующий выписал на следующий год точильные бруски и тогда вам не придется портить напильниками ножи, топоры, рубанки и проч.» — вызвал дружный взрыв хохота.

« — Какой ты странный. Думаешь, что без тебя и не говорили? Много говорили. И не первый год говорили, какие вещи нам нужны, — да, ни на Енисее, ни на Оби нас никогда не слушали!»⁹⁸.

Неудобство «товарного питания промыслового севера», объединенного единым планом и осуществлявшегося на местах через «довольно широкую сеть госзаготовителей и кооперацию», ощущалось не только в хозяйственной, но и в бытовой сфере. «Самоед любит чай и пьет его из маленьких чашечек. Чашка должна быть обыкновенного крестьянского типа с блюдцем. Размер ее по объему не должен превышать половины стакана. В условиях севера, чай быстро стынет, поэтому население предпочитает пить из маленьких чашек и чаще наливать. Желательно, чтобы чашка и блюдце были с толстыми стенками»⁹⁹. На факториях же в большом количестве имелся выбор тонкостенных сервизных чашек — широких и низких, очень красивых, но абсолютно бесполезных в условиях северного хозяйства.

Самоеды, приобретая такую посуду, пользовались ею, к сожалению, недолго, и она в виде битых черепков переходила к детям, пополняя набор игрушек. Алюминиевые кружки, которые также были в большом количестве на факториях, оказались непрактичными в условиях севера, так как они обжигают губы, и на морозе к ним невозможно прикоснуться. Не подошла для бытовых и хозяйственных нужд северян и эмалированная посуда, так как в результате сильных морозов эмаль быстро трескалась и осыпалась¹⁰⁰. По наблюдениям Костикова, «у богатых не раз приходилось видеть большие рваные железные тазы и кастрюли, которые некогда были эмалированными. <...> Все это быстро мнетса, ломается и вызывает у туземца только обиду по поводу того, что его опять обманули»¹⁰¹.

Материалы, собранные Л.Костиковым, существенно расширяют возможности сравнительно-исторического анализа традиционных систем жизнеобеспечения.

Все вышеизложенные материалы дают возможность собрать информацию о территориальной изменчивости ареалов основных промысловых животных, стихийных бедствиях и катаклизмах, периодических изменениях отдельных элементов природной среды, имевших экономическое значение: перекочевки пушных животных, чередование урожайных и не урожайных лет (выход пушнины, кедрового ореха, ягод).

Интересным источником по проблемам взаимодействия общества и природы являются специализированные журналы: «Охрана природы», «Пушное хозяйство», «Северная Азия», «Хозяйство Урала», «Уральский охотник», «Наш край», «Тобольский край». Сфера их интересов, редакционная политика определялись ведомственной принадлежностью.

Журнал «Пушное дело», являясь печатным органом Наркомата внутренней торговли, ставил своей задачей «быть органом, освещающим работу разных ведомств, объединяющим в меру своих возможностей научные круги, работающие в области пушного дела, а также заготовительные организации и объединения, имеющие отношение к охотничьему хозяйству, и, в частности, к пушному делу»¹⁰². Материалы журнала дают массу интересных обобщенных материалов по развитию пушного промысла в стране в 1920-е гг., позволяющие определить место Обь-Иртышского Севера в добыче пушнины.

Журнал «Северная Азия» с 1925 по 1930 гг. издавался Обществом изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока совместно с Главнаукой и Комитетом содействия народностям северных окраин (Комитетом Севера) при Президиуме ВЦИК. Он освещал широкий круг вопросов, касающихся северных территорий СССР. В том числе, естественно, вопросов, связанных с промышленной деятельностью населения, освоением природных ресурсов северных территорий.

Издававшийся облисполкомом с 1925 по 1935 гг. ежемесячный журнал «Хозяйство Урала» стал проводником идей создания плановой социалистической экономики в Уральской области. Этот журнал являлся руководящим областным органом по хозяйственным вопросам. На страницах издания обсуждались актуальные вопросы

экономического развития области и отдельных ее регионов, в том числе и Тобольского Севера. Опубликованные в журнале материалы дают представление о том, какая информация о северных территориях доходила до областных властей, какие перспективы в освоении региона виделись в центре и на местах¹⁰³. В журнале рассматривались также проблемы традиционных отраслей северного хозяйства и пути его модернизации¹⁰⁴.

Журнал «Уральский охотник» являлся печатным органом Уральского областного союза охотников. Главными задачами для него были популяризация знаний, позволяющих охотнику рационально организовать свой промысел, соблюдая природоохранное законодательство, и эффективно сбывать охотничью продукцию через кооперацию, минуя «хищника-скупщика» пушнины.

На страницах журнала обсуждались самые животрепещущие вопросы охотничьего промысла: сокращение численности пушных животных, нормативная база, регулирующая охоту, рационализация техники добычи пушнины, научные исследования, экономические вопросы промысла и многое другое¹⁰⁵.

Интересные материалы историко-экологического характера публиковались в журналах «Наш край», «Тобольский край». На страницах этих журналов рассматривались вопросы хозяйственной деятельности: использование природных ресурсов, состояние промыслов и т.д.¹⁰⁶

Обь-Иртышский Север был одним из основных охотничьих районов Уральской области, поэтому ему было посвящено значительное количество материалов¹⁰⁷.

Наименее изученными, но не менее интересными являются картографические материалы. Стоит обратить внимание на картографические материалы ГУТО ГА в г.Тобольске (Ф. 154. Оп. 13), материалы топографического отдела Западно-Сибирского военного округа, картографические издания 1920-х гг.¹⁰⁸

Выявленный комплекс документов имеет ряд общих особенностей. В первую очередь необходимо отметить, что основной задачей на протяжении всего рассматриваемого периода для учреждений, занимавшихся изучением Севера, была организация его всестороннего изучения. С тем чтобы на рациональных, научно обоснованных началах преобразовать экономику региона. Для реализации этой задачи в учреждениях создавались соответствующие

секции, которые нередко достаточно тесно между собой сотрудничали. Поэтому материалы секций Севера (при Уралплане, при УОБК) необходимо рассматривать в комплексе. Эти материалы взаимно дополняют друг друга и дают возможность оценить характер взаимодействия, степень его эффективности.

Анализ источников также показывает, что вплоть до проведения Приполярной переписи 1926/1927 г. у государственных учреждений и общественных организаций не было четких, полных данных по Северу вообще и природным ресурсам в частности. Они носили отрывочный, порой противоречивый и неточный, характер. Во многом в основе таких материалов лежат устаревшие данные, взятые, как правило, из работ А.А.Дунина-Горкавича. Данные переписи тоже вызывают некоторые нарекания, но, тем не менее, они дали достаточно полную обобщенную картину состояния северного хозяйства на момент 1926/27 г.

Выявленные источники характеризуют сложный многофакторный характер взаимодействия природы и человека на Обь-Иртышском Севере. Введение их в научный оборот существенно дополнит историческую картину этого взаимодействия и позволит оценить исторический опыт природопользования на Обь-Иртышском Севере, накопленный в 1917—1930-е гг.

В заключение подведем некоторые итоги. Экологическая история — междисциплинарное направление, возникшее на стыке истории и экологии. Это типичное явление в системе современного научного знания, в структуре которого во второй половине XX в. выделяются в специальный тип исследовательской деятельности междисциплинарные исследования, предусматривающие взаимодействие представителей различных дисциплин в изучении одного и того же объекта. Объект экологической истории — взаимодействие общества с природной средой на протяжении всего существования человечества.

Изучение природы в историческом контексте ведет к познанию различных факторов, через которые естественный мир влияет на ход человеческой истории, в том числе через эволюцию взглядов людей на природу, что, в свою очередь, связано с политическими, экономическими и культурными процессами.

Естествознание не может самостоятельно понять источники экологического кризиса, так как они заключены в политической,

экономической, культурной сферах деятельности человека, что требует их более глубоко изучения гуманитарными и общественными науками.

Существенный вклад в решение этих вопросов могут и должны внести научные разработки региональных проблем охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов на севере Западной Сибири вообще, и разработка исторических аспектов данной проблематики в частности.

Подобные исследования должны опираться на серьезную документальную основу. Поэтому введение в научный оборот источников по проблеме взаимодействия природы и человека на севере Западной Сибири — задача совершенно необходимая.

Исторический источник, в частности, архивный документ, по справедливому замечанию О.М.Медушевской, обладает своей уникальной природой. Это не только средство для выполнения информационных, административных или управленческих функций. Источник выступает не только как фрагмент прошлого, но и как компонент настоящего, способный воздействовать на общественное сознание¹⁰⁹. Архивные документы дают возможность сравнительно-исторического анализа, который необходим для выбора как общественной (личной) позиции, так и соответствующего типа поведения. Игнорируя прошлое, общество лишает себя необходимой информации.

Выявленный комплекс архивных документов, освещающих процесс взаимодействия природы и человека на севере Западной Сибири, дает возможность осознать всю глубину существующих экологических проблем, определить их исторические корни.

Примечания

¹ Калимуллин А.М. Историческое исследование региональных экологических проблем. М., 2006. С. 9—10.

² Там же. С. 15.

³ Альтшулер И.А., Мнацаканян Р.А. К вопросу об экологической истории СССР // Рус. Космизм и ноосфера: Тез. докл. Всерос. конф. М., 1989. Ч. 1. С. 99—100; Лисина Л.Ю. Экологический компонент исторического процесса. Волгоград, 1988; Соколов В.В. Очерки истории экологической политики. СПб., 1994.

⁴ Об охране окружающей среды: Сб. документов партии и правительства. 1917—1978 гг. М., 1979.

- ⁵ Экология и власть. 1917—1990. Документы. М., 1999.
- ⁶ Природные ресурсы, природопользование и охрана окружающей среды на Обь-Иртышском Севере (1919—1929 гг.). Новосибирск, 2005.
- ⁷ Западная Сибирь: история и современность. Краеведческие записки. Екатеринбург, 1999. Вып. 2. С. 158—168; Алексеева Л.В. Документы, извлеченные из Центра документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО) // Там же. Екатеринбург, 2000. Вып. 3. С. 170—171; Гололобов Е.И. Документы по истории лесного хозяйства // Там же. Тюмень, 2003. Вып. 5. С. 163—170.
- ⁸ Медушевская О.М. Архивный документ, исторический источник в реальности настоящего // Отечественные архивы. 1995. № 2. С. 9.
- ⁹ Кабанов В.В. Источниковедение истории советского общества: курс лекций. М., 1997. С. 112.
- ¹⁰ Там же. С. 114.
- ¹¹ Круглов А. Северное законодательство // Советский Север. 1931. № 1. С. 190—229; Кантор Е., Суслов И. Местные органы власти и хозяйственные организации на Крайнем Севере. Справочник для работников Севера. М., 1934; Зингер М.Э. Основные законы по Крайнему Северу. Право на полярные пространства и организация органов управления. Опыт систематического описания. Л., 1935.
- ¹² Круглов А. Северное законодательство. С. 214—215.
- ¹³ Цит. по: Ивантер В.С., Авдеев А.С. Лес в первых декретах Советской власти // Лесная промышленность. 1977. № 10. С. 7.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Петров В.С. История охраны природы на территории СССР // Человек и биосфера. Ростов н/Д, 1973. С. 156.
- ¹⁶ Там же. С. 157.
- ¹⁷ Там же. С. 158.
- ¹⁸ Государственное учреждение Тюменской области Государственный архив в городе Тюмени (далее — ГУТО ГА в г.Тюмени). Ф. 245. Оп. 1. Д. 81. Л. 3.
- ¹⁹ Там же. Л. 3—9 об.
- ²⁰ Гладков Н.А. Охрана природы в первые годы Советской власти (по материалам ленинских декретов). М., 1972; Жуков П.И. Ленинские принципы охраны природы. Минск, 1969; Петров В.С. История охраны природы... С. 142—164; Хрусталева В.М. Охрана природы и организация первых заповедников в Российской Федерации (1918—1921 годы) // Советские архивы. 1979. № 1; Он же. Образование системы государственных заповедников в РСФСР (1921—1933 гг.) // Там же. 1983. № 1.
- ²¹ Экология и власть...; Гладкий Ю.Н., Доброскок В.А., Семенов С.П. Социально-экономическая география России. М., 2001. С. 673—677.
- ²² Природные ресурсы... С. 145—151.
- ²³ См.: Природные ресурсы... С. 140—141.
- ²⁴ Там же. С. 30—45.
- ²⁵ Там же. С. 131—134.
- ²⁶ Там же. С. 113—124.
- ²⁷ Там же. С. 60—64.

- ²⁸ Экология и власть... С. 145—147.
- ²⁹ См.: Служебная записка лесничего Демьянского лесничества в лесной отдел Тобольского окрземууправления о работе лесничества // Природные ресурсы, природопользование и охрана окружающей среды на Обь-Иртышском Севере (1919—1929 гг.). Новосибирск, 2005. С. 46—47.
- ³⁰ Урал после районирования. Свердловск, 1926. С. 119.
- ³¹ Там же. С. 117.
- ³² Официальный сборник декретов, постановлений, распоряжений и циркуляров Центральных и Уральских областных органов власти. Свердловск, 1926. № 5, 6, 11—12 и др.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Гололобов Е.И. Пушной промысел в системе хозяйства Тобольского Севера в 1920-е гг. (к вопросу о становлении регионального природоохранного законодательства) // Северный регион. Сургут, 2001. № 2(4). С. 161—173; Он же. Лесное хозяйство Обь-Иртышского Севера в 1920-е гг. // Западная Сибирь: история и современность ... Вып. 5. С. 62—69.
- ³⁵ Отчет Тобокрисполкома за 1925—1926 г. Тобольск, 1926.
- ³⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 94. Л. 54—54 об.
- ³⁷ Пятый расширенный пленум Комитета Севера при Президиуме ВЦИК. Изд. «Известий ЦИК СССР и ВЦИК». М., 1928; Шестой расширенный пленум Комитета Севера при Президиуме ВЦИК. М., 1929; Седьмой расширенный пленум Комитета Севера при Президиуме ВЦИК. Изд. «Власть Советов» при Президиуме ВЦИК. М., 1931; Резолюции VIII расширенного пленума Комитета Севера при Президиуме ВЦИК. Изд. «Власть Советов» при Президиуме ВЦИК. М., 1931.
- ³⁸ Качко А.Е. Пять лет работы Комитета Севера // Советский Север. 1930. № 2; Он же. Десять лет работы Комитета Севера // Там же. 1934. № 2; Сергеев М.А. Десять лет работы Комитета Севера // Советское строительство. 1934. № 7; Он же. Комитет содействия народностям северных окраин // Летопись Севера. М., 1962. Т. 3; Зибарев В.А. Комитет содействия народностям Севера // Вопросы истории. 1976. № 8.
- ³⁹ Собрание Узаконений. М., 1925. № 18. С. 113.
- ⁴⁰ Государственный архив общественно-политических объединений Тюменской области (далее — ГАОПОТО). Ф. 30. Оп. 3. Д. 53. Л. 246.
- ⁴¹ ГАРФ. Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 26. Л. 35.
- ⁴² Веселкина В.В. Деятельность Тобольского Комитета Севера по созданию советской государственности у малых народностей (1921—1930) // Уч. зап. Свердловского и Тюменского пединститутов. Тюмень, 1970. № 154. Вып 3; Алексеева Л.В. Экономическое развитие Обь-Иртышского Севера в 1917—1941 гг.: Трансформация хозяйственного уклада. Екатеринбург, 2003. С. 34.
- ⁴³ ГАРФ. Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 94. Л. 54—54 об.
- ⁴⁴ Там же; Государственный архив Свердловской области (далее — ГАСО). Ф. Р-88. Оп. 5; Государственной учреждение Тюменской области Государственный архив в г.Тобольске (далее — ГУТО ГА в г.Тобольске). Ф. 690. Оп. 1; Ф. 695. Оп. 1.
- ⁴⁵ ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 695. Оп. 1. Д. 41. Л. 59—67; Д. 83. Л. 108—114.

- ⁴⁶ ГАРФ. Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 40. Л. 71—72; ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 695. Оп. 1. Д. 14. Л. 2—19 об.
- ⁴⁷ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 308.
- ⁴⁸ Там же. Л. 85—86.
- ⁴⁹ Там же. Л. 89.
- ⁵⁰ Материалы по районированию Урала. М., 1923. Т. 1. С. 1.
- ⁵¹ ГАСО. Ф. 241. Оп. 1. Историческая справка.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Краткий справочник по фондам Государственного архива Свердловской области. Екатеринбург, 1995. С. 100.
- ⁵⁴ Энциклопедия местного управления и хозяйства. М.; Л., 1927. С. 40.
- ⁵⁵ Материалы... Т. 1. С. 29.
- ⁵⁶ ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 2. Д. 2328. Л. 175—176.
- ⁵⁷ Материалы... Т. 3. Предварительное описание округов.
- ⁵⁸ Там же. С. 459—480.
- ⁵⁹ Там же. С. 480.
- ⁶⁰ Там же. С. 479.
- ⁶¹ ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 2. Д. 2328, 2367, 2405, 2415.
- ⁶² Там же. Д. 2415. Л. 47—50.
- ⁶³ Там же. Л. 47—47 об.
- ⁶⁴ Там же. Д. 2328. Л. 147.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ Там же. Д. 2451, 2457.
- ⁶⁷ Там же. Д. 2453.
- ⁶⁸ Там же. Д. 2456.
- ⁶⁹ Там же. Д. 2458.
- ⁷⁰ Там же. Д. 2459.
- ⁷¹ ГАРФ. Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 10 и др.; ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 2. Секция Севера. С. 39—40.
- ⁷² ГАРФ. Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 10. Л. 63—76 об.
- ⁷³ ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 2. Д. 2478—2530.
- ⁷⁴ Там же. Д. 2478. Л. 30.
- ⁷⁵ Там же. Л. 31 об.
- ⁷⁶ ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 695. Оп. 1. Д. 41. Л. 76—83.
- ⁷⁷ ГАСО. Ф. Р-239.
- ⁷⁸ Краткий справочник ... С. 140.
- ⁷⁹ ГАСО. Ф. Р-239. Оп. 1. Д. 1017.
- ⁸⁰ Там же. Д. 335.
- ⁸¹ Там же. Д. 213.
- ⁸² Там же. Д. 565, 566.
- ⁸³ ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 176. Оп. 1.
- ⁸⁴ Там же. Ф. 995. Оп. 1.
- ⁸⁵ Путеводитель по государственным архивам Тюменской области. Тюмень, 1962. С. 373—374.
- ⁸⁶ ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 176. Оп. 1. Д. 97, 106, 127, 167, и др.
- ⁸⁷ Путеводитель ... С. 385—386.

⁸⁸ Похозяйственная перепись Приполярного Севера СССР 1926/27 годов. М., 1929. С. VIII.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Список населенных пунктов Уральской области. Т. XII. Тобольский округ. Свердловск, 1928; Оленеводство Тобольского Севера в цифрах: по материалам приполярной переписи 1926—1927 гг. Тобольск, 1930.

⁹¹ ГАСО. Ф. Р-1812. Оп. 2. Д. 183. Т. I—V.

⁹² Там же. Т. I, III, V.

⁹³ Там же. Т. 4. Д. 183.

⁹⁴ Список ... С. XIII.

⁹⁵ ГАСО. Ф. Р-1812. Оп. 2. Т. 4. Д. 183. Л. 4.

⁹⁶ Там же. Л. 22.

⁹⁷ Там же. Л. 23.

⁹⁸ Там же. Л. 24.

⁹⁹ Там же. Л. 32.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же. Л. 33.

¹⁰² Пушное дело. 1925. № 1.

¹⁰³ Кошелев Я. На Севере (Тобольск) // Хозяйство Урала. 1925. № 5—6; Подбельский Ю. Сургутский край // Хозяйство Урала. 1927. № 4. С. 156—163; Он же. Сургут // Хозяйство Урала. 1927. № 8—9. С. 138—141; Федоров Е. Пельмо-Кондинский край // Хозяйство Урала. 1928. № 10. С. 141—157.

¹⁰⁴ Евладов В.К. К вопросу о пушных заготовках на крайнем Тобольском Севере // Хозяйство Урала. 1927. № 4. С. 117—121; Благоволин А. Оленеводство Тобольского Севера и перспективы его развития // Там же. 1927. № 4. С. 125—128; Друганов К. Рыбное хозяйство Тобольского Севера // Там же. 1929. № 4—5. С. 156—165 и др.

¹⁰⁵ Например, Рахманин Г. Торговля пушниной и охотничья кооперация // Уральский охотник. 1924. С. 5—9; Генерозов В.Я. Пушной промысел в России и его народно-хозяйственное значение // Там же. 1924. № 9. С. 8; и др.

¹⁰⁶ Лопарев П.И. Виды на пушные заготовки на Тобольском Севере в кампанию 1924—1925 гг. // Наш край. 1924. № 1. С. 15—18; Чаликов Б. Рыболовство в условиях Тобольского Севера // Там же. 1925. № 7. С. 11—16; Он же. К нормированию рыболовства на Тобольском Севере // Там же. 1926. № 2. С. 22—29; Дунин-Горкавич А.А. Сколько примерно вылавливается населением Тобольского Севера рыбы-сырца для своего питания и пропитания своих собак // Тобольский край. 1926. № 2. С. 29—34 и др.

¹⁰⁷ В.Н. Охотничий промысел на Тобольском Севере // Уральский охотник. 1924. № 1. С. 14; Лопарев П. Обратите внимание на Север // Там же. 1924. № 1. С. 10—11; Шубин А. Пасынки НЭПа (нужды Тобольского Севера) // Там же. 1924. № 2. С. 38; Кошелев Я. Как живет интегральная кооперация Тобольского Севера // Уральский охотник. 1928. № 10.

¹⁰⁸ Коногоров П.Ф. Картография Северной Азии (1917—1927 гг.). М., 1928.

¹⁰⁹ Медушевская О.М. Архивный документ. С. 9.

Глава 6

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТНОМНОГО ОКРУГА В 1930-е гг.

Проведение государственной образовательной политики в 1930-х гг. нашли отражение в постановлениях, решениях и резолюциях областных, окружных, районных и низовых партийных и советских организаций, в постановлениях, решениях и отчетах отделов народного образования различных уровней, отчетной документации школ. Эти источники были выявлены как в опубликованных сборниках документов, так и в архивах Москвы, Екатеринбурга, Тюмени, Омска, Ханты-Мансийска и Нижневартовска. Анализ источников позволяет представить картину преобразований в сфере школьного образования в крае в 1930-е гг.

В комплексе использованных источников выделяются следующие группы. Первая группа источников: *документы партийных и советских органов власти* (законодательные акты, правительственные распоряжения, нормативные и ведомственные материалы Народного комиссариата просвещения и Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР, Постановления ЦК ВКП (б) о школе, Постановления и директивы Уралобкома ВКП (б), Остяко-Вогульского окружкома ВКП (б)).

Один из самых ранних сборников постановлений о школе вышел в 1939 г., соединив в себе директивные документы по всем главным вопросам школьного строительства¹. К сожалению, вне его пределов остались документы, касающиеся организации процесса обучения в национальных школах.

Среди опубликованных документов по истории школьного образования можно выделить Постановление ЦК ВКП (б) от 25 июля 1930 г. «О всеобщем обязательном начальном обучении», положившее начало полномасштабному школьному строительству². Следующий, не менее значимый, документ в истории народного образования — Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О структуре начальной и средней школы в СССР» (1934 г.)³, согласно которому во всех национальных школах страны вводились единый учебный план и единые учебные программы. Постановление ЦК

ВКП(б) «Об обязательном преподавании русского языка в нерусских школах» (1938 г.) обязало все школы перейти на обязательное изучение русского языка.

Постановление ЦК ВКП(б) «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» (1932 г.), определив «коренным недостатком» работы школы недостаточность объема общеобразовательных знаний для продолжения обучения в техникумах и высшей школе, утвердило урок как основную форму организации учебной работы, положило начало политехническому обучению в школах⁴.

Справочник для работников Севера, содержащий типовые положения о кочевой школе народов Севера (1934 г.) и школе-интернате народов Севера (1933 г.), позволяет выявить требования по организации и содержанию работы этих учреждений, их кадровому обеспечению и материально-техническому оснащению⁵.

Изучение нормативных актов позволяет проследить отношение власти к исследуемой проблеме, выделить направления государственной политики в сфере школьного образования и просвещения, ее приоритеты.

Постановление I Остяко-Вогульского окружного съезда Советов (25 февраля 1932 г.) «О введении всеобщего начального образования в округе» определило окончательный срок введения всеобщего начального обучения у народов Севера не позднее 1933 г.⁶

Документы высших органов власти выявлены автором в архивных фондах Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Тюмени, Омска, Ханты-Мансийска и Нижневартовска.

Обращение к фондам Российского государственного архива социально-политической истории (Ф. 17. Центральный комитет ВКП(б), Ф. 475. Политуправление Главсевморпути при Совмине СССР), содержащим протоколы заседаний ЦК ВКП (б) и обкомов партии, позволило уточнить конкретные мероприятия партии в сфере просвещения народов Севера: создании учебников для национальных школ (Ф. 475. Оп. 1. Д. 520), материалы переписки с отделами культуры народов Севера об открытии школ-интернатов, обеспечении бюджетных школ-интернатов учебниками и необходимым учебно-методическим оборудованием (Ф. 475. Оп. 1. Д. 520).

Фонды Государственного архива Российской Федерации (Ф. 3977. Комитет содействия народностям северных окраин при президиуме ВЦИК. Оп. 1. Д. 90, 553, 891, 911; Ф. 296. Народный комиссариат просвещения национальностей) содержат отчеты местных Комитетов Севера и органов народного образования, материалы экспедиций, использование которых позволило выяснить то, насколько успешно решались поставленные задачи: состояние обязательного начального обучения в округе, материальное и кадровое обеспечение работы школ (Ф. 296. Оп. 1. Д. 546).

Вторая группа источников: *делопроизводственные материалы государственных учреждений* (протоколы и выписки из протоколов заседаний отделов народных образований различных уровней и др.).

Отчеты и информационные доклады Облоно, Окроно, переписка Облоно и Окроно с районными отделами образования, содержащиеся в Государственном архиве Свердловской области (Ф. 233-Р. Уральский областной отдел народного образования. Д. 1556, 1557, 1829), Центре документации общественных организаций Свердловской области (Ф. 4. Уральский областной комитет ВКП (б). Оп. 9. Д. 1066; Оп. 10. Д. 620; Оп. 11. Д. 476); Государственном областном архиве Омской области (Ф. 1272. Отдел народного образования исполкома Омского облсовета народных депутатов. Оп. 1. Д. 40, 45), Государственном архиве Ханты-Мансийского автономного округа (Ф. 16. Самаровский райисполком. Оп. 1. Д. 31) дают представление о том, насколько успешно выполнялись постановления и распоряжения правительства, помогают выявить проблемы в организации и проведении всеобуча.

Статистические документы (информационные сводки о состоянии ликвидации неграмотности и всеобуча; отчеты учреждений, в том числе школ; планово-учетная документация областных, окружного и районных отделов народного образования) составляют третью группу источников.

Информационные сводки о состоянии всеобуча, планы и отчеты областных, окружного и районных отделов народного образования, извлеченные из Государственного архива Свердловской области (Ф. 233-Р. Уральский областной отдел народного образования. Оп. 1. Д. 1822), Государственного областного архива Омской области (Ф. 1272. Отдел народного образования исполкома

Омского облсовета народных депутатов. Оп. 1. Д. 46, 60), а также из Государственного архива Ханты-Мансийского автономного округа (Ф. 5. Окружной отдел народного образования. Оп. 1. Д. 49, 53, 64, 69, 80, 81, 91, 120, 124, 125, 128,) позволяют проследить динамику численности школ в округе и учащихся в них, обеспеченность педкадрами, финансирование.

Отчеты Казымской и Сосьвинской культбазы, хранящиеся в Государственном архиве Ханты-Мансийского автономного округа (Ф. 355. Сосьвинская культбаза. Оп. 1. Д. 16), предоставили возможность выявить материальную базу, кадровый состав, формы и методы работы таких учреждений культуры как культбазы, красные чумы, дома народов Севера, школы-интернаты; их вклад в проведение культурных преобразований в крае.

Документы о подготовке 10-летнего юбилея округа (Ф. 1. Ханты-Мансийский окрисполком Государственного архива Ханты-Мансийского автономного округа. Оп. 1. Д. 191), содержащие основные итоги развития округа, в том числе и в области просвещения, позволили оценить состояние всеобуча и ликвидации неграмотности к концу десятилетия, сведения о лучших учителях, позволили подчеркнуть роль личностного фактора в просвещении на Крайнем Севере.

Изучение отчетной документации Ларьякского районного отдела народного образования (Ф. 109. Ларьякский район), Государственного архива Ханты-Мансийского автономного округа (Оп. 1. Д. 95, 89, 76; Ф. 4. Инспектура государственной статистики Нижневартовского района. Архивный отдел администрации г.Нижневартовска. Оп. 1. Д. 4.) и Березовского районного отдела народного образования (Ф. 131. Березовский район. Государственного архива Ханты-Мансийского автономного округа. Д. 31, 32, 35, 36) позволило оценить состояние введения всеобуча в отдельно взятых районах и сделать вывод о неравномерности процессов культурных преобразований в различных районах округа.

Часть статистических данных была заимствована из опубликованных сборников документов, содержащих в себе динамику таких показателей как сеть школ по типам и количество учащихся и учителей в них, охват детей школой, а взрослого населения ликвидацией неграмотности, школьное строительство, расходы на

просвещение по бюджету, сеть школ для обучения грамоте взрослого населения⁷.

Четвертую группу использованных источников составляют *материалы периодической печати*. Материалы центральной и местной периодической печати также послужили одним из источников восстановления событий в истории образования в округе, безусловно, не без критического анализа и сопоставления с другими источниками. В центральных периодических изданиях⁸ опубликованы декреты и постановления ВЦИК и СНК РСФСР, постановления ВКП (б), инструкции Наркомпроса и Наркомнаца. Эти документы центральных органов власти позволяют определить направления государственной образовательной политики и выявить механизмы ее реализации⁹.

Материалы региональной печати позволили получить факты о том, насколько успешно решались проблемы всеобщего образования на местах, о трудностях, с которыми сталкивались местные органы власти.

Общественно-педагогический журнал «Просвещение на Урале», орган издания Уралом и Облпроса, содержит постановления и резолюции местных органов власти и партийных организаций, направленных на школьное строительство на северных окраинах Уральской области. На страницах местных изданий¹⁰ описаны главным образом культурные достижения и проблемы, с которыми столкнулись местные органы власти при организации просветительской деятельности.

Вопросы культурного строительства в Остяко-Вогульском национальном округе широко освещались на страницах первого печатного органа, созданного в округе, газете «Ханты-Манчи шоп (шой)», которая позже поменяла свое название на «Остяко-Вогульскую правду». В газете освещались политические, экономические, социальные вопросы и вопросы культурных преобразований. Нужно отметить, что вопросы культуры освещались не меньше, чем хозяйственная жизнь края. Особое внимание уделялось процессам школьного строительства и школьного образования, авторами статей и заметок об образовании часто являлись работники органов образования, сами учителя и ученики, и просто активные граждане.

К пятой группе источников относятся *источники личного происхождения* (письма, воспоминания).

Письма и воспоминания представляют особую ценность, т.к. могут дополнить свидетельства других источников и нередко восполнить недостающие в них звенья. Воспоминания по истории просвещения и образования необходимо разделить на воспоминания учителей и воспоминания учеников, что значительно расширяет их круг. В своих воспоминаниях, которые сохранились в архивных фондах Музея природы и человека (г.Ханты-Мансийск)¹¹, а также содержащихся в сборнике воспоминаний «Истории школы в истории судеб» учителя рассказывают о своей работе, о своих взглядах на те или иные проблемы школы. Так, Гильц Тамара Дмитриевна, учитель математики Ханты-Мансийской средней школы, вспоминает о том, что в их школе работали достаточно высококвалифицированные учителя, которые в своей работе не ограничивались проведением уроков, вместе с учениками устраивали праздники и вечера, шили новогодние костюмы¹². Тушина Августа Платоновна, учитель начальных классов Зарянской школы, описывает трудности, сопровождавшие работу, которые все же не помешали учителям делать жизнь школы интереснее — проводились вечера, при школе работал клуб, где организовывали спортивные мероприятия, которые посещали все жители поселка¹³. Воспоминания учителей также изложены на страницах регионального научно-популярного журнала «Югра»¹⁴.

Трагические страницы крестьянской ссылки описаны в воспоминаниях бывших учащихся школ в спецпоселках, содержащихся в сборнике из серии документальных публикаций «Судьба моя — Югра» — «Политические репрессии 1930—40-х годов в воспоминаниях и личных документах жителей Ханты-Мансийского автономного округа», рассказывающих о нелегкой судьбе, выпавшей на долю детей спецпереселенцев¹⁵. Воспоминания Г.Кушниковой, воспитанника школы переселенческого поселка Банный (Сургутский район), раскрывают трудности учебного процесса — отсутствие школьной мебели и учебных принадлежностей, постоянный голод, которые испытывали учащиеся школ¹⁶.

Использование *фотодокументов*, составивших шестую группу источников, позволило более ярко и наглядно представить многие аспекты работы культбаз и школ, Ханты-Мансийского педучилища. Большое количество фотографий, извлеченных из архивов Музея природы и человека (г.Ханты-Мансийск), были

сделаны заведующим школой-интернатом Казымской культбазы А.Лоскутовым, который в дальнейшем стал директором этого музея. Фотографии иллюстрируют фрагменты учебно-воспитательной работы в школе-интернате, позволяют сделать вывод о материально-техническом состоянии, методической оснащённости. На фотографиях Саргынской школы-интерната (Березовский район) показаны фрагменты из жизни интерната, что позволяет также сделать вывод о материальном состоянии интерната, организации учебных и внеклассных мероприятий, ликвидации неграмотности взрослых, о том, какой контингент учился в школе.

Таким образом, источники по истории культурных преобразований у народов Севера в 1930-е гг. представляют значительный массив различных по содержанию материалов, что является важным условием разработки основной исследовательской проблематики.

Примечания

¹ Постановления партии и правительства о школе: Сб. постановлений ЦК КП (б) и Совнаркома РСФСР о школе. М., 1939.

² Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа: Сб. док. 1917—1973 гг. М., 1974. С. 111—113.

³ Там же. С. 167.

⁴ Там же. С. 161—164.

⁵ Местные органы власти и хозяйственные организации на Крайнем Севере. Справочник для работников Севера / Сост. Е.Кантор, И.Суслов М., 1934. 212 с.

⁶ Из истории культурного строительства Тюменской области: Сб. документов 1918—1975 гг. Свердловск, 1980. С. 145—146.

⁷ См.: Архивный вестник: Просвещение в Остяко-Вогульском округе в 1930-е гг. / Сост. Л.В.Набокова Ханты-Мансийск, 2000; Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (из истории национально-государственного строительства 1822—1941 гг.): Сб. документов. Тюмень, 1994; Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Общие итоги: Сб. документов и материалов. М., 2007.

⁸ «Просвещение национальностей» — орган ЦК Союза работников просвещения СССР — издавался с 1930 г., как и «Советский Север» — журнал Центрального комитета Севера при ВЦИК.

⁹ См.: Задачи и методы культпохода на Крайнем Севере // Просвещение национальностей. 1932. № 10; Очередные задачи культурного строительства на Крайнем Севере // Советский Север. 1932. № 4; Инструкция о порядке смотра госбюджетных северных национальных школ в НКП РСФСР // Советский Север. 1935. № 2.

¹⁰ «Остяко-Вогульская правда» — орган окружного комитета ВКП (б); первый номер вышел 7 июля 1931 г. «Омская правда» — печатный орган облисполкома Омской области, издавалась с 10 марта 1917 г.

¹¹ Воспоминания Магричева Ивана Степановича, директора семилетней туземной школы в Самарове // Архивные фонды музея Природы и Человека. Ханты-Мансийск.

¹² Воспоминания Гильц Тамары Дмитриевны // Истории школы в истории судеб: Сб. воспоминаний. Екатеринбург, 2004. С. 55.

¹³ Воспоминания Тушиной Августы Платоновны // Истории школы в истории судеб. С. 281—282.

¹⁴ Иванов А. Школа в моей судьбе // Югра. № 4. 1999. С. 32—33.

¹⁵ См.: Политические репрессии 1930-х — 1940-х годов в воспоминаниях и личных документах жителей Ханты-Мансийского автономного округа: Сб. док. / Сост. Е.М.Брагина, Ю.В.Лазарева, Л.В.Набокова. Ханты-Мансийск, 2002.

¹⁶ Кушников Г. Из родников памяти // Югра. 2002. № 3.

РАЗДЕЛ 2

**ПРОШЛОЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
XVII—XX СТОЛЕТИЙ**

Глава 1

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ИСТОРИКИ О ВРЕМЕНИ ИСЛАМИЗАЦИИ ТЮРКОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРСКОГО ЮРТА

История религиозных представлений тюркоязычного населения Сибирского юрта привлекала и привлекает повышенное внимание исследователей и относится к числу ведущих в историографии дорусских государственных образований региона. Одними из первых к данной проблеме обратились Г.Ф.Миллер и И.Э.Фишер, проанализировавшие разрозненные сведения о введении мусульманства при хане Кучуме¹. В контексте изучения процесса русской колонизации Сибири о религиозных верованиях жителей сибирских ханств упоминали Н.М.Карамзин, П.И.Небольсин, В.К.Андреевич, В.И.Огородников, Х.Атласи, С.В.Бахрушин и другие представители последующих поколений российских историков². Однако лишь на исходе минувшего столетия эта проблема стала предметом специального изучения. Различным ее аспектам посвящены разделы и сюжеты в монографических и диссертационных трудах Ф.Т.Валеева, В.И.Соболева, А.Г.Селезнева, И.А.Селезневой, Г.Л.Файзрахманова, в многочисленных статьях, которые составили историографическую базу современного понимания религиозных представлений тюркоязычных этнических групп Зауралья³.

Анализируя причины исламизации тюркоязычного населения Сибирского юрта, исследователи чаще всего связывают распространение новой религии с завершающей фазой государствообразования и преодоления межплеменной розни. В этой связи говорится о необходимости усиления центральной власти, искоренения родовых отношений, укрепления феодализма (В.И.Огородников, М.Х.Абусейтова, Ф.Т.Валеев, В.И.Соболев, А.Г.Нестеров и др.)⁴ и даже объединения тюркских племен «в единую... социальную общность» (И.Б.Гарифуллин, Г.Л.Файзрахманов)⁵. Интересное мнение высказал в этом отношении Л.Р.Кызласов, полагающий, что прибытие мусульманских духовных миссий во второй половине XVI столетия должно было способствовать искоренению манихейской веры среди населения Сибирского юрта⁶.

Но эта точка зрения, на наш взгляд, нуждается в более серьезной аргументации. З.Я.Бояршинова полагает, что ислам, по замыслу бухарского хана Абдуллы и сибирского правителя Кучума, должен был «разжечь среди местного населения религиозный фанатизм, направленный против “неверных”, прежде всего русских»⁷. Выбор новой религии она (а также Ф.Т.Валеев, В.И.Соболев, В.В.Трепавлов и др.) связывает с тесными политическими связями между сибирскими правителями династии Шибанидов и правящими кругами Бухары и Хивы⁸.

Большинство исследователей отмечает длительность процесса проникновения ислама в Зауралье. При этом Ф.Т.Валеев относит начало распространения мусульманской религии к X в.⁹ (в других работах он датирует это событие иначе), Р.Х.Рахимов — к XII в.¹⁰, Г.Л.Файзрахманов — к первой половине XIV в.¹¹ (в других работах он датирует это событие иначе), П.И.Небольсин, В.И.Соболев, Д.М.Исхаков — к началу или первой половине XV в.¹², Н.Ф.Катанов, Д.М.Исхаков, В.И.Белич — к рубежу XV и XVI столетий, В.В.Бартольд и С.Патканов — к эпохе заселения края русскими людьми¹³.

Ф.Т.Валеев, Г.Л.Гарифуллин, В.И.Молодин, В.И.Соболев, А.И.Соловьев, Н.А.Томилов, А.А.Ярзуткина и другие авторы связывают начало исламизации населения края с 797 годом хиджры, т.е. с 1394/95 г.¹⁴ Изначально эта версия была основана на сведениях Н.Ф.Катанова, опубликовавшего в 1905 г. рукописи конца XIX в. (условно назовем их «рукописи Катанова») под названием «О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири»¹⁵. В них сообщается, что в 797 г. х. 366 шейхов (мусульманских проповедников), последователей Ходжи Багауддина в сопровождении военного отряда хана Шейбана отправились к берегам Иртыша для обращения местных народов в ислам. В результате «войны за веру» 300 шейхов погибли.

В свою очередь, Р.Х.Рахимов считает, что событие, о котором рассказывается во всех сачара, следует датировать XII веком. В подтверждение своей позиции он приводит следующий аргумент: все упоминаемые в сачара персонажи, которые поддаются идентификации, жили не позднее XIII в., а под именем Багауддина следует понимать Баха ад-дина Мухаммеда Бен аль-Хусейна аль-Хатаби аль-Бальти (1148—1231). Кроме того, в «Грамоте

хранителя Юрумской астаны», на которую опирается Р.Х.Рахимов, сообщается о походе Тайбуги с 500 проповедниками, состоявшемся через 90—100 лет после похода шейхов. Датируя основание Тюменского ханства и приход к власти Тайбуги 30-ми гг. XIII в., исследователь полагает, что поход Тайбуги следует рассматривать в качестве второй волны исламизации¹⁶.

Отметим, однако, что у этой позиции имеются слабые стороны: во-первых, исследуемые Р.Х.Рахимовым антропонимы — не имена шейхов, а лишь их «предков»; во-вторых, под именем Баха аддина (Багауддина) в истории известны несколько человек, живших в XII—XIV вв., в-третьих, датировка правления Тайбуги основана на легендарных сведениях сибирских летописей и вызывает большие сомнения у других исследователей (Д.М.Исхаков, например, относит это правление к первой половине XV века¹⁷).

С именем хана Тохтамыш (начало XV в.) связывает проникновение ислама в Сибирь В.И.Соболев. По его мнению, об этом свидетельствуют и встречающаяся в источниках характеристика Тохтамыша как “[царя] магометова закона”, и известия некоторых летописей о гибели хана в Западной Сибири¹⁸.

Другие исследователи полагают, что распространение мусульманства в Зауралье началось на рубеже XV—XVI вв. и связано с деятельностью узбекского правителя Мухаммеда Шейбани, который, вмешавшись в междоусобную войну Тайбугидов, ногайских мурз и «других феодальных группировок», использовал ислам для укрепления собственных политических позиций в регионе¹⁹.

Иные аргументы в пользу этой версии выдвигает Д.М.Исхаков. Он считает, что сюжет народного предания «О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири», в котором упоминается имя хана Шейбана, имеет параллель с известным по другим источникам рассказом о походе Мухаммеда Шайбани-хана против казахов зимой 1508—1509 года²⁰. Кроме того, в подтверждение своей позиции Д.М.Исхаков ссылается на башкирские предания, повествующие о борьбе двух правителей «Ибака» и «Шибак», в созвучии имен которых исследователь видит тюменского хана Ибака (Ибрагима) и Мухаммеда Шейбани-хана²¹.

Важное замечание по этому поводу высказали В.И.Соболев, А.Г.Селезнев и И.А.Селезнева. По их мнению, религиозная война,

о которой говорится «в рукописях Катанова», — это лишь один из эпизодов сложного и длительного процесса исламизации населения Зауралья, датировать начало которого сколь-нибудь конкретной хронологической гранью проблематично²². В той или иной мере данное положение разделяют И.В.Белич и Д.М.Исхаков, не исключаяющие, что рукописи, опубликованные Н.Ф.Катановым, отразили события разных периодов²³.

Расходясь в определении хронологических рамок начального этапа исламизации населения Сибирского юрта, исследователи единодушно признают, что следующим этапом распространения мусульманства в регионе было время правления хана Кучума (вторая половина XVI в.), когда этот процесс приобрел необратимый и широкий характер²⁴. Как правило, данная позиция основывается на преданиях о духовных миссиях, направленных из Средней Азии на укрепление ислама в Сибирском ханстве, которые записал со слов ишимских и тобольских татар в конце XIX в. В.В.Радлов и опубликовал в начале XX столетия Н.Ф.Катанов. У большинства историков сведения этих источников не вызывают сомнений, поскольку упоминающиеся в них персонажи, события и даты в целом соответствуют исторической реальности²⁵. Тем не менее, эти предания не дают ответа на некоторые вопросы. Во-первых, не совсем ясна роль Бухары и Ургенча в исламизации населения Сибирского ханства. В трех описанных в преданиях случаях сибирские правители обращались за помощью к бухарскому правителю. Но особая роль, согласно сведениям этого источника, принадлежала не Бухаре, а Ургенчу, несмотря на известные отношения с джуйбарскими шейхами. Во-вторых, в этих преданиях не уточнена принадлежность распространяемой веры к тем или иным течениям, направлениям в исламе, в отличие от исторических легенд о более раннем времени распространения мусульманства²⁶.

Признавая постепенность распространения ислама среди тюркоязычного населения сибирских ханств, исследователи констатируют во многом «верхушечный» характер этого процесса. Так, В.И.Соболев, И.Б.Гарифуллин, И.В.Белич и другие полагают, что в период существования Сибирского юрта ислам являлся, прежде всего, религией ханской семьи и местной аристократии и был

распространен в центральных районах (наименее удаленных от столичного города) Сибирского юрта²⁷.

Рассмотрев процесс изучения отечественными историками вопроса о времени исламизации тюркоязычного населения Сибирского юрта, отметим, что изучение верований подвело историков к пониманию религиозных представлений как важной составляющей духовной культуры предков сибирских татар, оказывавшей существенное влияние на социально-экономические и политические процессы средневековой истории региона. В исследовании данной проблемы был сделан ряд достижений: определены предпосылки распространения новой религии, хронология и характер этого процесса. Однако многие выводы исследователей носят дискуссионный, предположительный характер; некоторые аспекты проблемы не получили всестороннего освещения. В этой связи исследователям следует сфокусировать внимание на влиянии суфизма на формирование сибирского ислама, роли Бухары и Ургенча в распространении новой религии, методах внедрения мусульманства среди тюркоязычного населения Сибирского юрта и т.д.

Примечания

¹ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. М., 1999. С. 194—195; Фишер И.Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774. С. 97.

² Карамзин Н.М. История государства Российского: Репринт. воспроизвед. изд-я 1842—1844 гг. в 3-х кн. с приложением: Репринт. воспр. изд. 1842—1844 гг. Кн. 3. Т. IX. М., 1989. С. 223; Небольсин П.И. Покорение Сибири. СПб., 1849. С. 32; История Сибири / Сост. В.К. Андриевич. Ч. 1. СПб., 1889. С. 7; Атласи Х. История Сибири / Пер. с тат. яз. А.И. Бадюгиной. Казань, 2005. С. 51—52; Огородников В.И. Очерк истории Сибири до начала XIX столетия. Ч. 1. Иркутск, 1920. С. 212, 232; Бахрушин С.В. Сибирь и Средняя Азия в XV и XVII вв. // Бахрушин С.В. Науч. тр. Т. 4. М., 1959. С. 198—199; Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск, 1960. С. 118 и др.

³ Валеев Ф.Т. Сибирские татары: культура и быт. Казань, 1993; Соболев В.И. История Сибирских ханств (по археологическим материалам): Дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1994; Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Сибирский ислам: региональный вариант религиозного синкретизма. Новосибирск, 2004; Файзрахманов Г.Л. Сибирские татары в составе Российского государства: Дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2005. С. 390; Он же. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX века). Казань, 2002. С. 164; Белич И.В. Культовые

места сибирских татар как историко-этнографический источник // Роль Тобольска в освоении Сибири. Тобольск, 1987. С. 40—41, и др.

⁴ Огородников В.И. Очерк истории Сибири... С. 212; Абусеитова М.Х. Казахское ханство во второй половине XVI века. Алма-Ата, 1985. С. 52; Валеев Ф.Т. Сибирские татары... С. 170; Файзрахманов Г.Л. Сибирские татары... С. 175, 398; Соболев В.И. Распространение ислама в сибирских ханствах (к постановке проблемы) // Традиции и инновации в истории культуры. Новосибирск, 1995. С. 65—66; Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири... С. 118; Нестеров А.Г. Государства Шейбанидов и Тайбугидов в Западной Сибири в XIV—XVII вв. (археология и история): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1987. С. 17; Гарифуллин И.Б. Очерки истории татарского населения Тюменской области. Тюмень, 2001. С. 40; Яхин Ф.З. Отражение истории древнего Тобольска в «Генеалогическом древе Саидов Сибирского ханства» // Сулеймановские чтения — 2005: Материалы VII Межрегиональной науч.-практич. конф. Тюмень, 2005. С. 194.

⁵ Гарифуллин И.Б. Очерки истории... С. 40; Файзрахманов Г.Л. Сибирские татары... С. 175, 398.

⁶ Кызласов Л.Р. Ранний этап присоединения Сибири к России в свете духовных особенностей эпохи // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2005. № 2. С. 64.

⁷ Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири... С. 118.

⁸ Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири... С. 118; Валеев Ф.Т. Сибирские татары... С. 170; Соболев В.И. Распространение ислама... С. 65—66; Трепавлов В.В. Татарские ханства Сибири XV—XVI веков // Преподавание истории в школе. 2002. № 4. С. 14; Маслюженко Д.Н. Этнополитическая история лесостепного Притобья в средние века. Курган, 2008. С. 140.

⁹ Валеев Ф.Т. Сибирские татары... С. 171—172.

¹⁰ Рахимов Р.Х. Грамота хранителя Юрумской астаны (новый источник об исламизации Сибири) // Земля Тюменская: Ежегодник ТОКМ: 2004. Вып. 18. Тюмень, 2005. С. 190.

¹¹ Файзрахманов Г.Л. Сибирские татары... С. 398. Во многом солидарны с ним И.Б.Гарифуллин и А.П.Ярков (см.: Гарифуллин И.Б., Ярков А.П. Бухарцы: только ли отатарились они в Сибири? // Сибирский субэтнос: культура, традиции, ментальность: Материалы Всерос. научно-практической Интернет-конференции на сайте sib-subethnos.narod.ru. 1.03—1.12.2004 г. Красноярск, 2005. Вып. 1. С. 41.

¹² Небольсин П.И. Покорение Сибири... С. 32; Соболев В.И. История Сибирских ханств... С. 502; Исаков Д.М. Введение в историю Сибирского ханства. Очерки. Казань, 2006. С. 86, 163.

¹³ Бартольд В.В. Бараба // Бартольд В.В. Соч. М., 1965. Т.3. С. 366; Патканов С. Тип остяцкого богатяря по остяцким былинам и сказаниям. СПб., 1891. С. 6.

¹⁴ Ярзуткина А.А. «Идолопоклонство» сибирских татар: история изучения вопроса и опыт систематизации этнографических материалов // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 2002. С. 503—504; Молодин В.И., Соболев В.И.,

Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск, 1990. С. 178; Гарифуллин И.Б. Кучум и ислам в Сибири // Влияние ислама на культуру народов Сибири (к 600-летию ислама в Сибири): Материалы научно-практич. конф. Тюмень, 1998. С. 47; Валеев Ф.Т. Сибирские татары... С. 169—170; Томилов Н.А. Ислам и культура Сибири // Влияние ислама на культуру народов Сибири (к 600-летию ислама в Сибири). С. 13; Уразалеев Р.Ф. Святилище астана в фольклорных сведениях курдакско-саргатских татар // Тюркские народы... С. 494; Сокова З.Н. Ислам // Большая тюменская энциклопедия. Т. 2. Тюмень, 2004. С. 34, и др.

¹⁵ Белич И.В. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири // Проблемы истории Казани: современный взгляд. Казань, 2004. С. 485.

¹⁶ Рахимов Р.Х. Грамота хранителя... С. 190.

¹⁷ Исхаков Д.М. Введение в историю... С. 86, 163.

¹⁸ Соболев В.И. История Сибирских ханств... С. 502; Он же. Распространение ислама... С. 63, 67—68.

¹⁹ Катанов Н.Ф. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири // ЕГТМ. Вып. 14. Тобольск, 1904. С. 1—28; Очерки истории Тюменской области. С. 39; Белич И.В. О начале исламизации сибирских татар // Проблемы этнографии и социологии культуры. Омск, 1988. С. 105; Исхаков Д.М. Введение в историю... С. 85. Сходную позицию занимает Д.Н.Маслюженко, однако, по его мнению, поход Шейбани-хана, замаскированный под цели исламизации региона, был организован в 1480-х гг. (см.: Маслюженко Д.Н. Южное Зауралье в средние века (этнополитический аспект): Дис. ... канд. ист. наук. Курган, 2003. С. 155).

²⁰ Исхаков Д.М. Введение в историю... С. 85.

²¹ Там же. С. 162.

²² Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Сибирский ислам... С. 17; Соболев В.И. История Сибирских ханств... С. 501; Он же. Распространение ислама... С. 64.

²³ Белич И.В. Культ «святых» и астана сибирских татар в истории Сибири // Влияние ислама на культуру народов Сибири. Тюмень, 1998. С. 36—39; Исхаков Д.М. Введение в историю... С. 84, 161.

²⁴ Небольсин П.И. Покорение Сибири... С. 40; Катанов Н.Ф. Этнографический обзор турецко-татарских племен // Ученые записки Казанского университета. Казань, 1904; Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья... С. 178; Сокова З.Н. Ислам... С. 34; Бахрушин С.В. Сибирь и Средняя Азия... С. 200—201.

²⁵ Файзрахманов Г.Л. Сибирские татары... С. 398; Исхаков Д.М. Введение в историю... С. 162; Ислам в истории и культуре Тюменского края (в документах и материалах) / Авт.-сост. И.Б.Гарифуллин. Тюмень, 2004. С. 8. Однако, В.В.Бартольд в свое время отметил, что это предание не может являться подлинным (см.: Бартольд В.В. Соч. Т. 5. С. 554—555).

²⁶ См.: Алишина Х.Ч. Ономастикон сибирских татар (по материалам Тюменской области). Ч. 1. Тюмень, 1999. С. 32; Рахимов Р.Х. Астана в истории сибирских татар: мавзолеи первых исламских миссионеров как памятники историко-культурного наследия. Тюмень, 2006. С. 18—19.

²⁷ Белич И.В. О начале исламизации... С. 106; Гарифуллин И.Б. Очерки истории... С. 39—40; Соболев В.И. История Сибирских ханств... С. 506; Нестеров А.Г. Формирование государственности у народов Урала и Западной Сибири: Искерское княжество Тайбугидов XV—XVI вв. // Этнокультурная история Урала XV—XX вв. Екатеринбург, 1999. С. 58; Миллер Г.Ф. История Сибири... С. 194—195, 237; Гарифуллин И.Б. Кучум и ислам... С. 48—49.

Глава 2

С.Ф.ПЛАТОНОВ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ИСТОРИИ СИБИРИ: ИЗ НОВЫХ АРХИВНЫХ НАХОДОК

1. С.Ф.Платонов — руководитель зачетной работы Г.А.Лучинского по истории Сибири

Несколько учеников С.Ф.Платонова разрабатывали проблемы истории Сибири. Г.В.Вернадский собирал материалы по истории Зауралья для своей магистерской диссертации. О серьезных намерениях в этом направлении свидетельствует и подготовка историком нескольких работ по избранной теме, в частности, 26 февраля 1914 г. он выступил с докладом «Государевы служилые и промышленные люди в Сибири XVII века»¹. А.А.Введенский занимался изучением истории «Дома Строгановых». П.Г.Любомиров после защиты магистерской диссертации был направлен в Томский университет, где активно включился в организацию изучения краеведения, сибиреведения и архивоведения. Ученый принял непосредственное участие в организации Института исследования Сибири, где возглавил историко-этнологический отдел. Одним из направлений научно-краеведческой деятельности П.Г.Любомирова в этот период являлось участие в курсах сибиреведения. Для них в 1918 г. им была составлена специальная программа. Сказалось влияние С.Ф.Платонова и на формирование взглядов на колонизацию Зауралья у С.В.Бахрушина².

Сам С.Ф.Платонов проблемами ранней колонизации Зауралья заинтересовался еще в студенческие годы. Продолжали они его волновать и в дальнейшем. Так, 25 сентября 1886 г. он прочитал лекцию на историко-филологическом факультете о проникновении русских в Сибирь, начиная с 1483 г. и заканчивая походом Ермака, затронув основные этапы отношений России с Сибирским ханством. В «Очерках по истории Смуты...» — классическом труде историка — подробно исследованы пути из различных регионов европейской части России в Сибирь³, дана оценка политике московского правительства в Зауралье в начале XVII в. Интерес к сибирской тематике сохраняется у С.Ф.Платонова и в начале XX в.; из-под пера ученого выходят две ценные работы:

«О двух грамотах 1611 г.» (1903 г.) и «Об авторе сочинения “На иконоборцы и на все злыя ереси”» (1907 г.)⁴. В первой он указывает на имеющиеся в литературе неточности в описании пути в Сибирь и определяет, по какой дороге ездили туда из Москвы, обратив внимание на то, что один из древнейших путей «передан в тексте грамоты, к сожалению, неисправно»⁵. Во второй исследователь впервые обращается к истории сибирского летописания, которая занимала его уже давно. Именно эта статья вызвала активную научную дискуссию. В многочисленных лекциях, выступлениях и рецензиях на научную и учебную литературу С.Ф.Платонов специально или попутно затрагивает дискуссионные и малоизученные проблемы истории Сибири. Постепенно выводы по отдельным вопросам оформляются в научную позицию, основные этапы оформления которой были предметом специального исследования⁶.

С 1902 г. С.Ф.Платонов по существу руководил работой магистранта Г.А.Лучинского. После завершения университетского курса он стремится заниматься исследовательской деятельностью и обращается с необходимыми прошениями к С.Ф.Платонову и Н.Я.Сонину (последний в это время занимал должность попечителя Петербургского учебного округа). Н.Я.Сонин, по всей видимости, запросил характеристики у С.Ф.Платонова и Н.В.Ястребова — сотрудников кафедры истории.

В ответе на письмо высокопоставленного чиновника от 3 марта 1900 г. С.Ф.Платонов дает краткую, но содержательную характеристику бывшему выпускнику и отношениям, которые сложились между ними. Г.А.Лучинский представил С.Ф.Платонову зачетное сочинение из «истории крестьян России». Затем, находясь в Крыму, он в письме на имя профессора ходатайствовал «об оставлении его при университете для приготовления к профессорскому званию». Положение С.Ф.Платонова на кафедре стало настолько прочным, что все подобные вопросы решал он. Как свидетельствует письмо к Н.Я.Сонину, близких и продолжительных связей между профессором С.Ф.Платоновым и выпускником Г.А.Лучинским не сложилось, они носили «официальный и формальный» характер. Однако проницательный профессор, наблюдая за студентами во время аудиторных занятий, знакомясь с их письменными работами и слушая выступления, «пришел к заключению», что

Г.А.Лучинский «обладает способностями выше средних и приобрел некоторую умственную зрелость и значительный запас знаний, что позволяло ему сознательно и разумно относиться к своим обязанностям студента и ко всему окружающему». Эти качества способствовали тому, что из массы студентов он «выделялся прочными ответами на экзаменах». Это обстоятельство позволило С.Ф.Платонову присоединиться к отзыву, составленному Н.В.Ястребовым, где Г.А.Лучинский определяется как «человек преданный своей специальности и добросовестный работник». Главное же — С.Ф.Платонов не считал его своим «учеником»: соискатель не «высказывался» перед ним, «не искал» его советов и поэтому «мало имеет возможности ручаться за направление его дальнейших работ перед факультетом»⁷. Естественно, подобная ситуация привела к отказу на просьбу об оставлении его на кафедре истории.

Но, как свидетельствуют архивные материалы, Г.А.Лучинский начинает готовиться к магистерским экзаменам, а С.Ф.Платонов становится его руководителем. 22 сентября 1902 г. он утверждает тему для зачетной письменной работы «Занятие русскими Сибири в XVI—XVII вв.» и направляет ее М.И.Мелиоранскому⁸. Вскоре была составлена и программа подготовки магистерских экзаменов. Примечателен ее пятый пункт, он посвящен сибирской истории и содержит значительный список литературы. В нем находим многие серьезные исследования по проблемам истории Зауралья, в том числе работы П.А.Словцова «Историческое обозрение Сибири» (Кн. 1 и 2)⁹; В.К.Андриевича «История Сибири» (5 тт.)¹⁰; В.Н.Щеглова «Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири»¹¹; П.И.Небольсина «Покорение Сибири»¹²; Е.Е.Замысловского «Занятие русскими Сибири»¹³; Н.Фирсова «Положение иноверцев северо-восточной России в Московском государстве»¹⁴; А.П.Щапова «Историко-географическое расселение русского народа»¹⁵; П.Н.Буцинского «Заселение Сибири и быт ее первых насельников»¹⁶; В.А.Кулешева «Наказы сибирским воеводам в XVII в.»¹⁷; П.И.Щукина «Сибирские воеводы»¹⁸; Н.Н.Бантыш-Каменского «Дипломатические собрания дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год»¹⁹; С.С.Шашкова «Рабство в Сибири»²⁰; С.С.Серафимовича (Шашков) «Очерки русских правлений в американской Сибири»²¹; Г.И.Потанина «Материалы для истории [Сибири]»;

Брокгаузена «Сибирь (история)»²² и многие другие материалы. Сам С.Ф.Платонов также с любопытством следил за выходом новых исследований по истории Сибири. В 1900 г. его заинтересовала статья Н.В.Шлякова о Ермаке, напечатанная в «Журнале Министерства народного просвещения»²³. Именно к С.Ф.Платонову в 1928 г. обращался В.В.Сиповский за указанием об «исчерпывающей монографии об Ермаке или, вообще, о покорении Сибири»²⁴, а за выполнение просьбы благодарил.

23 ноября 1902 г. Г.А.Лучинский уже сдавал магистерские экзамены, в комиссии был и С.Ф.Платонов. Рассматривались вопросы: «1. Московские сословия в Смутное время. 2. Единицы податного обложения до Петра Великого и при Петре Великом. 3. Сношения Великого Новгорода с балтийским Поморьем. 4. Договорные теории профессора Сергеевича», на которые были даны «удовлетворительные» ответы, что было зафиксировано в протоколе, который вел и подписал С.Ф.Платонов²⁵. Вскоре была представлена и письменная работа, которая 5 декабря С.Ф.Платоновым была оценена на «удовлетворительно»²⁶, о чем свидетельствует запись с его автографом в левом верхнем углу.

Небольшая по содержанию работа Г.А.Лучинского не охватывает многих проблем колонизации истории Сибири, даже с учетом заявленной литературы. Это, по сути, пересказ известных событий без конкретных ссылок. Но сохранившийся текст работы важен для конкретизации представлений самого С.Ф.Платонова по проблемам ранней колонизации Сибири и дальнейшего оформления его взглядов. Позже он в ряде известных исследований будет специально касаться вопросов сибирского летописания, проникновения иностранцев в Зауралье, оценки роли Строгановых в организации похода Ермака, выскажет принципиально новую точку зрения на значение этого похода, чем внесет значительный вклад в историографию Зауралья.

Факт наличия этой работы, не упоминавшейся в советской и современной историографии, является еще одним важным моментом в периодизации разработки проблем истории Сибири С.Ф.Платоновым.

Занятие русскими Сибири в XVI—XVII вв.

Название «Сибирь» в русских исторических памятниках впервые встречается в 1409 г. в рассказе об убийстве хана Тохтамышша, но указание это так неопределенно, что большинство историков: [В.В.]Майков, [Е.Е.]Замысловский, [К.Н.]Бестужев-Рюмин не придают ему значения и считают 1483 г. первым, когда мы встречаемся с Сибирью как географическим названием. Сношения Руси с Сибирью относятся к глубокой древности. Инициатива в этом плане принадлежит новгородцам²⁷. С падением независимости Новгорода задачи его на Восток усваивает Москва. К 1483 г. относится поход кн. Курбского Черного, подчинившего Югру, т.е. земли по сию и ту сторону Урала, Москве²⁸. В 1514 г. вследствие отказа югорских инородцев платить дань предпринимается новый поход, результатом которого Югра была снова подчинена и разделена на 2 части: Кондинскую (земли по реке Конде) и Обдорскую (по реке Оби). Эти владения мы встречаем в титуле великого князя Василия Ивановича. В первой половине XVI в. в сибирской земле образуется татарское царство с главным городом Сибирью на реке Иртыш. Начинаются сношения нового царства с Иваном Васильевичем, которые толкуются русским правительством как подчинение татар Руси. Грозный в сношениях с З[ападной] Е[вропой] именуется уже царем сибирским. Решающим моментом в истории Сибири является время около 1563 г., когда Сибирь захватил ногайский царь Кучум, который благодаря своей энергии и поддержке со стороны своих многочисленных родственников, стоявших во главе отдельных родов, сумел создать довольно крепкое государственное тело. Некоторую услугу оказал ему также ислам, спланивавший ядро царства татар. С появлением Кучума влияние Руси спало. Между тем успехи русской колонизации в конце XV и первой половине XVI в. подвигали Русь все далее на Восток, толкали и за Урал. Строгановы, поселившиеся на Каме с 1558 г., были во главе этого движения, играя роль политических агентов московского правительства²⁹. Роль эта пришлась им по душе, потому что в 1572 г. Иван IV приказывает им готовить военные силы для борьбы с приуральскими инородцами³⁰, а в 1574 г. они уже сами просят разрешения распространить свои

военные операции за Урал для охраны русских интересов и это разрешение получают³¹. До 1579 г., тем не менее, мы не видим со стороны Строгановых решительных операций. С.М.Соловьев объясняет это неладом в семье Строгановых. Случайное обстоятельство дало толчок к решительным действиям: приход казаков под начальством Ермака. Строгановы воспользовались казаками для борьбы с окружающими их инородцами, а затем двинули казаков, несмотря на противодействие чердынского воеводы, за Урал для покорения Сибири³². Ермак, хорошо снабженный военными припасами и продовольствием, во главе отряда в 800—900³³ человек из казаков и военных людей Строгановых так двинулся в поход 1 сентября 1581 г.³⁴ и 23 октября разбил Кучума возле г.Сибирь и занял его. Затем отправил посольство к Грозному с извещением и просьбою о помощи. Весть эта дошла до Ивана Васильевича не раньше 1582 г. Из Москвы немедленно был отправлен отряд из 300 стрельцов над начальством кн. С.Балховского и И.Глухова, которые согласно инструкции зимой без припасов и необходимых принадлежностей двинулись в Сибирь, но они уже не застали Ермака — он был убит. Отряд под начальством Глухова бежал по Иртышу и Оби через Уральский хребет в Архангельскую губернию и оттуда уже в Москву. В Москве ничего не знали о смерти Ермака и бегстве Глухова и поэтому отправили под начальством Мансурова новый отряд. Мансуров перезимовал в «Обском городке», который был построен при слиянии Иртыша с Обью, выдержал нападения инородцев и весной вернулся в Россию. Сибирь, таким образом, была потеряна, но ненадолго³⁵. Москва познакомилась с положением дел и теперь могла уверенно идти к цели. Для завоевания Сибири был отправлен новый отряд под начальством воевод Мясного и Сукина, которые повели дело более осторожно и дальновидно. Они достигли Туры, но не пошли к столице Кучума, а поднялись вверх по Туре до впадения в нее Тюменки и позже построили г.Тюмень³⁶, который сделался базой наступления. Опираясь на этот почти непреступный для инородцев город, они, кроме того, подчиняют местных жителей по рр. Туре, Томи, Тыму, Тавде и Тагилу. С этих пор начинается неутомимое планомерное движение русских все дальше в глубь Сибири³⁷.

План движения состоял в следующем: подчинить себе известное племя, основать здесь городок, который являлся бы оплотом для русских и базой для их дальнейшего движения, явился своего рода метрополией для других городков, которые, в свою очередь, поступали так же.

Вся Сибирь была занята русскими с 1582 по 1701; здесь можно различить 2 периода: первый тянется до 1625 г., когда главное внимание русских обращается на Западную Сибирь; второй с 1625 г., когда русские движутся на Восток и доходят до Камчатки. Но центр движения лежит возле озера Байкала. В Сибири возникает много городов, как на западе, так и на юге; на востоке преобладают острожки и мелкие городки. К 1662 г. пространство, занятое русскими, [И.Я.]Словцов определяет в 4 500 000 кв. верст. Но занятие Сибири достается России после упорной борьбы с инородческим миром. Северные племена легко подчинились власти русских, так как благодаря (отсутствию там аристократии) своей безусловности не имели тесной связи с Сибирским царством. Но татарская аристократия не хотела отказываться от своего привилегированного положения и вела войну упорно с русскими под руководством Кучума. Победы Чулкова, кн. Мосальского не остановили действий татар и только в 1598 г. после решительного поражения Кучум бежал к ногайцам и там был убит. Смутное время вызвало новое движение инородцев против русских в 1600, 1607, 1608 гг., север и юг действуют солидарно и русские с трудом удержались в Сибири. Это был первый дружный натиск инородческого мира. С 1628 г. начинается новый натиск, не менее опасный, но русские уже прочно сидели. Восстание не удалось. До 1662 г. в Сибири сравнительно спокойно, но мысль избавиться от власти русских при помощи кучумовичей не угасла среди татар и особенно татарской аристократии. В 1662 г. начинается последний натиск на Русь, который тянется до 1665 г. Мятеж начался на Исети татарами, которые были в сношении с крымским ханом, который обещал им помощь в 200 000, как они сами заявляли, но помощи они не получили, а своими силами добиться ничего не смогли. С 70-х гг. XVI столетия борьба кучумовичей прекращается и они сами бесследно пропадают. К 1621 г. число ясачных вместе с инородцами, бывшими на московской службе в З[ападной] С[ибири], не превышает 3 000 человек, между тем в

половине XVI в., по словам посольства Едигера, у последнего было не более 3 000 ясачных. Сравнение этих цифр ясно указывает на интенсивность борьбы. Успеху русских в борьбе с иноземным миром способствовало употребление огнестрельного оружия, лучшее знание военного дела, вообще, высокая культура. Но едва ли не главную роль играла та тесная связь завоевателей со своей метрополией, откуда они получали постоянную помощь, как людьми, так и военными припасами от правительства и от населения. Социальное и экономическое положение тогдашней России отлично объясняются причины натиска русских людей в Сибирь. Московское правительство, в свою очередь, смотрело сквозь пальцы на это движение и даже содействовало ему. Этот пришлый люд сыграл большую, если не главную, роль в занятии Сибири. К такому выводу приходит лучший историк Сибири Словцов. Он говорит, что эта вольница первой ринулась по речным путям в отдаленные углы Сибири, обследовала их, подчинила, и уже по следам этих покорителей шли воеводы, снабженные казаками, от правительства, устраивали станы, рубили городки. Но Словцов не отказывает инициативе и правительству, указывая города, построенные по наказам из Москвы. В первой четверти XVII столетия З[ападная] С[ибирь] была еще слабо заселена русскими, которые, однако, сидели уже не только по городам, но заводили пашни и в уездах. Для 7 западных уездов Буцинский дает цифру русского населения в 7 000 с небольшим, Словцов считает около 15 000 русских во всей Сибири. К 1662 г. цифра русского населения в Сибири поднимается до 70 000, из которых лишь 20% приходится на долю правительственной колонизации, остальные результат свободной колонизации³⁸.

2. Неизвестное письмо И.И.Тыжнова к С.Ф.Платонову

Известный сибирский исследователь И.И.Тыжнов в 1887 г. окончил Санкт-Петербургский университет³⁹. По всей видимости, он мог слушать и курс лекций С.Ф.Платонова (оставленного на кафедре в 1882 г.). Не исключено, что они были даже знакомы.

Научная деятельность И.И.Тыжнова продолжает привлекать внимание и современных ученых по причине остающихся малоизвестных страниц его биографии и спорности положений его исследований. Например, недавно известный историограф и

источниковед Я.Г.Солодкин уточнил, что устоявшееся в науке мнение о том, что «И.И.Тыжнов первым выдвинул гипотезу о протографе сибирских летописей»⁴⁰, неверно, сославшись на мнение В.Г.Мирзоева, который отдавал первенство С.А.Адрианову. Именно последний писал «о таком протографе, каковым признал записи Киприяна, пятью годами прежде» И.И.Тыжнова. О значительном же его вкладе в сибиреведение свидетельствует предложенная им «схема развития сибирского летописания», которая не «рассмотрена историографами», — пишет Я.Г.Солодкин⁴¹.

Одним из крупнейших памятников сибирского летописания является Строгановская летопись, введенная в научный оборот еще в начале XIX в. Вопрос об авторстве этого памятника занимал многих ученых, и еще в 1898 г. И.И.Тыжнов писал: «Старались разрешить его и генералы науки, и простые рядовые, однако, решению он не поддается. Причина этого явления чрезвычайно проста: до настоящего времени нет основы для его разрешения. Как это ни странно, и даже удивительно, однако, это так»⁴².

Авторитет И.И.Тыжнова способствовал утверждению и другого общепринятого мнения о роли Ермака в сибирской эпопее, которое оспорил С.Ф.Платонов. В статье «Строгановы, Ермак и Мангазея», напечатанной в сборнике «Прошлое русского Севера», он утверждает: «Можно назвать детски наивным то представление, что Сибирь открыли Строгановы, а Ермак ее завоевал»⁴³. Это представление оказалось живучим, сохранялось и в начале XX в. Оформилась же точка зрения еще в XIX в., например, И.И.Тыжнов утверждал: «Нам хорошо известно, что Сибирь покори́л Ермак»⁴⁴. Тем не менее вклад И.И.Тыжнова в исследование проблем Сибири неоценим.

Археографическая комиссия (далее — АК) занималась сбором и публикацией древних письменных актов. С 1894 г. членом комиссии был избран С.Ф.Платонов, который активно включился в ее работу. Важным событием научной жизни следует рассматривать подготовку и публикацию так называемых «тарских актов». Именно С.Ф.Платонов принимал активное участие в этом большом деле, на заседании АК он представлял ее членам «Сборник актов г.Тары, составленный Тыжновым»⁴⁵.

С.Ф.Платонов состоял в активной многолетней переписке с выдающимся историком В.С.Иконниковым. Сообщая последнему

о научных новостях столицы, он 11 июля 1897 г. писал ему, что в «Археологическом обществе мы печатаем обозрение городских Сибирских летописей. (Речь идет о работе И.И.Тыжнова «Записки о городских летописях» (СПб., 1898 г.), названных В.Г.Мирзоевым «превосходным исследованием»⁴⁶. Если бы Вы им поинтересовались, можно было выслать Вам листы»⁴⁷. Вероятно, книга заинтересовала киевского ученого, и он просил ее прислать. В следующем году С.Ф.Платонов выслал В.С.Иконникову книгу, которую тот просил, о чем сообщал в письме от 18 сентября 1898 г.⁴⁸

В фонде С.Ф.Платонова имеется одно письмо сибирского историка, которое уточняет роль сотрудника Археографической комиссии в подготовке к печати и публикации известных письменных актов, раскрывает то, как они попали к нему и другие важные сведения, в том числе о новых летописях, имеющихся в сибирских городах, и строительстве железной дороги.

Приложение

«Многоуважаемый Сергей Федорович!»⁴⁹

Приношу Вам глубокую благодарность за помещение моей статьи в Записках Арх[еологического] общ[ества], за редакцию ее и, вообще, за то внимание, которые Вы оказали моей работе. Покорнейше прошу Вас принять от меня экземпляр заметок, а также передать тем из интересующихся Сибирью лицам, кому найдете уместным. Я, со своей стороны, могу указать на акад[емика] Л.Н.Майкова⁵⁰, А.Н.Пыпина, А.В.Оксенова и С.А.Адрианова. Указания относительно этого я прошу Вас дать моему брату, которому я напишу (или же А.В.Оксенову). В настоящее время я занимаюсь приготовлением к печати актов, относящихся до истории г.Тары и его уезда. Эти акты мне удалось получить еще в прошлом году. Правда, их немного (около сотни), но я полагаю, что издание их будет нелишним, т.к. Тарских актов напечатано до сих пор незначительное количество. По времени они относятся в XVII веку, а по содержанию представляют переписку Тарских воевод с Тобольским, Сибирским приказами и проч. Некоторые из них дополняют напечатанные в II т. Русск[ой] Истор[ической] Библ[иотеки]. Акты мной уже разобраны, составлены к ним географический и лич[ный] имен[ной] указатели, остается сделать

кое-какие примечания и составить схематическую (за неимением в Тобольске всех пособий) карту волостей Тарского уезда XVII ст[олетия], чем я и намерен заняться летом.

Что же касается продолжения моих заметок, то оно встретило некоторые затруднения. Во вторую часть, по предположению, должен войти главн[ым] образом, обзор летописей якутской и иркутских. Первая уже вполне обработана, иркутские же должны разбирать по подлинным рукописям, которые хранятся в библи[отеке] Восточно-Сибирского отдела Географ[ического] Общ[ества] в Иркутске, и в высылке которых мне, разумеется, было отказано. Придется ехать в Иркутск самому, что я при первой же возможности и сделаю. Теперь же попасть туда мудрено, т.к. жел[езная] дорога будет доведена до Ирк[утска] только в августе. Думаю съездить и сделать, что возможно, зимой, на рождеств[енские] каникулы. Недавно я узнал, что есть еще летопись (рукописная) города Кузнецка, принадлежащая местной гор[одской] Думе. Говорят, что с нее сделана копия и отослана в П[е]т[ер]б[ург] в Археографическую Комиссию, но не знаю, насколько это справедливо. г.Томск. 1898 июня 11»⁵¹.

Приведенные новые архивные материалы уточняют основные этапы работы С.Ф.Платонова над сибирской проблематикой, конкретизируют его взгляды по вопросам истории Сибири в начале XX в. Он оказал и серьезную поддержку исследователям Сибири в выборе тем научных исследований, помогал им в подборе материала. Письмо известного сибиреведа указывает на роль С.Ф.Платонова в публикации важных документов по истории Сибири XVII в., очерчивает круг его корреспондентов.

Примечания

¹ Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2837. Л. 34.

² Митрофанов В.В. Проблемы истории Новгорода Великого, Поморья и Сибири в творчестве С.Ф.Платонова // Монография. Нижневартовск, 2005. С. 131—132; Он же. С.Ф.Платонов и формирование взглядов С.Ф.Бахрушина на проблемы колонизации Сибири // Западная Сибирь: история и современность: Краеведческие записки. 2004. Тюмень, Вып. 6. С. 80—81; Он же. П.Г.Любомиров в Томском университете // Там же. 2005. Вып. 7. С. 108—118.

³ Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). М., 1937. С. 13.

⁴ Платонов С.Ф. Статьи по русской истории (1883—1912). СПб., 1912. С. 407—419.

⁵ Платонов С.Ф. Статьи по русской истории. СПб., 1903. С. 198—201.

⁶ Митрофанов В.В. Проблемы истории Новгорода Великого, Поморья и Сибири... С. 129—154.

⁷ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1904. Л. 1—2.

⁸ Центральный государственный исторический архив г.Санкт-Петербурга (далее — ЦГИА СПб.). Ф. 14. Д. 27. С. 44.

⁹ Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. М., 1888. Кн. 1.

¹⁰ Андриевич В.К. История Сибири. СПб., 1889. Т. 1—2.

¹¹ Щеглов В.Н. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032—1882 гг. СПб., 1882.

¹² Небольсин П.И. Покорение Сибири. СПб., 1849.

¹³ Замысловский Е.Е. Занятие русскими Сибири. СПб., 1882.

¹⁴ Фирсов Н. Положение иноверцев северо-восточной России в Московском государстве. Казань, 1866.

¹⁵ Шапов А.П. Историко-географическое расселение русского народа // Русское слово. 1864; 1865.

¹⁶ Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Харьков, 1889.

¹⁷ Кулешов В.А. Наказы сибирским воеводам в XVII веке. Исторический очерк. СПб., 1894.

¹⁸ Шукин П.И. Сибирские воеводы // Дело. 1866.

¹⁹ Бантыш-Каменский Н.Н. Дипломатические собрания дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год. Казань, 1882.

²⁰ Шашков С.С. Рабство в Сибири // Дело. 1869. № 1, 3.

²¹ Серафимович (Шашков) С.С. Очерки русских правлений в американской Сибири // Отечественные записки. 1867.

²² ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 202. Л. 22 об.

²³ Митрофанов В.В. Некоторые проблемы истории Сибири в трудах С.Ф.Платонова // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории: Коллективная монография / Под ред. Я.Г.Солодкина. Нижневартовск, 2007. Ч. 1. С. 88.

²⁴ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4175. Л. 30, 32.

²⁵ ЦГИА СПб. Ф. 14. Д. 27. Л. 60.

²⁶ Там же. Л. 41.

²⁷ «Крайний север Сибири, — подчеркивал С.Ф.Платонов, — был известен русским, в частности, новгородцам, до «Ермакова» завоевания, по меньшей мере, века за два. По летописным известиям, новгородцы, владевшие русским Севером — Поморьем, взимали дань с самоедов, живших по обе стороны Урала, еще в XI веке. В 1032 году был организован поход новгородцем Улебом на реку Обь. См.: Митрофанов В.В. Проблемы истории Новгорода Великого, Поморья и Сибири... С. 140.

²⁸ По сведениям С.Ф.Платонова, уже московский великий князь Иван III считал своими данниками вогулов, остяков, «самоядь» и посылал против них войска. Так, в его правление русские воеводы «в исходе XV в. покорили землю Пермскую и Югорскую до самой р.Оби» (Платонов С.Ф. Прошлое русского севера. Пг., 1923. С. 73).

²⁹ Их владения превратились в «главную экономическую силу на всей этой российской окраине», — констатировал ученый (Платонов С.Ф. Прошлое русского севера... С. 47).

³⁰ С.Ф.Платонов писал о приглашении Строгановых с ратными людьми «успокоить изменившую царю черемису и других инородцев» (Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты ... С. 17).

³¹ С.Ф.Платонов относит появление мысли о наступлении за Урал к 1574 году, когда Строгановы просили об этом, а Грозный разрешил им воевать с «сибирцами» (Платонов С.Ф. Прошлое русского севера. С. 76).

³² С.Ф.Платонов об этом эпизоде не упоминает.

³³ Как находит С.Ф.Платонов, дружина состояла из 850 казаков (в «Учебнике русской истории» ученый называет другую цифру — 840 человек).

³⁴ Начало похода Ермака датируется обычно 1 сентября 1581 года. «Сибирское царство стало легкой добычей казаков, инородцы признали власть московского правительства». В «Лекциях» С.Ф.Платонова по русской истории «завоевание Сибирского царства отрядом строгановских казаков с Ермаком во главе в 1582—1584 гг.» признается случайностью (Платонов С.Ф. Очерки... С. 17; Он же. Лекции по русской истории: В 2 ч. М., 1994. Ч. 1. С. 200; Прошлое русского Севера. С. 79).

³⁵ Уже в августе 1584 г. русские вынуждены были покинуть город Сибирь, а власть снова перешла к ханам. «Казалось, Сибирская авантюра казаков прошла без следа», — замечает С.Ф.Платонов (Платонов С.Ф. Смутное время. СПб., 2001. С. 236).

³⁶ Время основания этого города С.Ф.Платонов относит к 1586 г.

³⁷ Правительство предпринимает решительные меры, в частности, в 1586 году «туда была послана рать» и начинается освоение земель «по московскому обычаю», посредством «городов», носивших, прежде всего, военный характер. Именно правительство «ставит» огненные многие города и крепости. «Русские города росли почти ежегодно», — писал С.Ф.Платонов (Платонов С.Ф. Смутное время. С. 236—237).

³⁸ ЦГИА СПб. Ф. 14. Д. 27. Л. 41—42.

³⁹ Есипова А. И.И.Тыжнов и его «Тарские акты» // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII—XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2003. Вып. 3. С. 119.

⁴⁰ Шейнфельд М.Б. С.В.Бахрушин и историография Сибири советского периода: Учеб. пособие. Красноярск, 1980. С. 89. Примеч. 9.

⁴¹ Солодкин Я.Г. Зарождение сибирского летописания: источниковедческие очерки. Нижневартовск, 2005. С. 6. Примеч. 3.

⁴² Тыжнов И.И. Новейшие труды по истории покорения Сибири // Сибирский сборник. Иркутск, 1898. Кн. 1. С. 73.

⁴³ Платонов С.Ф. Прошлое русского Севера. С. 72.

⁴⁴ Тыжнов И.И. Обзор иностранных известий о Сибири со 2-й половины XVI века // Сибирский сборник. СПб., 1887. С. 111.

⁴⁵ Летопись занятий Археографической комиссии за 1895—1899 гг. Выполнена под наблюдением правителя дел СПб., 1901. С. 220—221.

⁴⁶ Мирзоев В.Г. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII века. М., 1960. С. 348.

⁴⁷ Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками: В 2 т. М., 2003. Т. 1. С. 49.

⁴⁸ Там же. С. 52.

⁴⁹ На полях рукой С.Ф.Платонова сделана карандашная пометка: Пыпину, Адрианову. (Пыпин Александр Николаевич (1833—1904) — историк литературы, этнограф, чл.-кор. (1891), ординарный академик АН (1898); Адрианов Сергей Александрович (1871—1942) — историк, литературный критик).

⁵⁰ Майков Леонид Николаевич (1839—1900) — историк литературы, ординарный академик (1891).

⁵¹ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4408. Л. 1—2.

Глава 3

ПРОБЛЕМА АТРИБУЦИИ СИБИРСКОГО ЛЕТОПИСНОГО СВОДА В РАБОТАХ Н.А.ДВОРЕЦКОЙ: «КНИГА ЗАПИСНАЯ»

Атрибуция является одним из наиболее сложных аспектов источникововедческого анализа письменных памятников русского средневековья, в частности, летописей и летописных сводов. Сложность определяется тем, что сочинения подобного рода объединяют в себе результаты трудов летописцев разных периодов времени, причем разновеликие по объему текста. Кроме того, возникает вопрос: как отделить оригинальный авторский текст летописца от работы переписчика, компилятора или редактора?

Д.С.Лихачев отмечал, что авторство для русской средневековой литературы — понятие своеобразное, в силу того, что в ней превалирует коллективное, а не индивидуальное начало. В своей работе, посвященной проблеме атрибуции памятников древнерусской литературы, Д.С.Лихачев обозначил проблемы, с которыми сталкивается исследователь, предпринимая попытки установить авторство текста, указал на характерные ошибки, допускаемые при этом, и сформулировал основные параметры качественной атрибуции памятника¹.

Установление авторства летописного текста, отмечал ученый, невозможно без воссоздания истории данного текста, его хронологизации, а также определения характера и объема работы предполагаемого автора. При этом только комплексное использование совокупности методов атрибуции (палеографических, лингвистических и т.д.) является залогом качественного определения авторства текста, в том числе и летописного. Исследователю приходится учитывать стилистические, идеологические, биографические факты, зачастую отдавая предпочтение второстепенным данным, и при этом строго следить за их согласованностью².

Однако не всегда даже самый тщательный анализ летописи или летописного свода позволяет с точностью назвать автора того или иного отрывка текста. В таком случае исследователи останавливаются на определении социальной среды, из которой происходил предполагаемый автор. Относительно сочинений летописного

характера, возникших в XVI—XVII веках, когда многие характерные для летописной традиции приемы утрачиваются в условиях общей демократизации литературы, с большей точностью можно определить круг лиц, причастных к созданию памятника.

Сибирский летописный свод XVII века (далее — СЛС) — один из наиболее значимых памятников своего времени, последняя официальная летопись Сибири. Для позднего сибирского летописания характерно изложение событий по годам служения тобольских воевод, и кроме традиционного для летописей внимания к истории, церковным и религиозным событиям, в нем увеличивается доля известий административного характера, отражающих, в том числе, и деятельность приказной палаты.

Такая привязка ко времени воеводских правлений, отражение в тексте свода приказных документов с упоминанием подчас второстепенных, но весьма важных для атрибуции данных о служащих тобольского митрополичьего дома и тобольской приказной палаты, позволяет исследователям не только определить круг причастных к составлению свода лиц, но и атрибутировать некоторые фрагменты текста отдельным личностям. Особое внимание атрибуции известий СЛС уделяет в своих работах Н.А.Дворецкая.

В составе СЛС выделяют несколько редакций: «Книгу записную», Головинский, Нарышкинский, Шлецировский и Академический списки. Н.А.Дворецкая полагает, что для определения круга лиц, имевших отношение к летописной работе в Тобольске в XVII в. вообще и к составлению СЛС в частности, «Книга записная» имеет наибольшую значимость³.

Для этой редакции СЛС, кроме общих для всего свода черт: расположения известий по годам правления тобольских воевод, включения в текст росписей служащих и сибирских иерархов, присущи и некоторые индивидуальные, не свойственные остальным спискам. К таковым Н.А.Дворецкая относит московские известия в тексте «Книги записной», ссылки на приказные документы и архивы тобольского митрополичьего двора⁴. Особенное внимание исследовательница уделяет тобольским известиям 70-х гг. XVII в., не встречающимся в остальных редакциях СЛС.

Так, «Книга записная» в известиях за этот период указывает ряд лиц, которые могли принимать участие — прямое или опосредованное — в составлении СЛС: тобольский воевода П.М.Салтыков,

ссылный дьяк И.Горохов, стрелецкий голова И.Аршинский, казачий голова И.Ушаков.

Особое внимание Н.А.Дворецкая уделяет степени участия в составлении «Книги записной» И.Горохова. Исследовательница полагает, что Иван Горохов, известный по источникам XVII в. дьяк Посольского (1670—1671 гг.) и Поместного (1678—1680 гг.) приказов, во время своей тобольской ссылки и после отъезда из Сибири, сообщал составителю первой редакции СЛС о московских известиях 1670—80 гг. В частности, отмечает исследовательница, к таковым следует относить сведения о пустозерской ссылке главы Посольского приказа А.С.Матвеева, лишении его имущества, боярского звания и казни (в 1682 г.). Согласно приказным документам, И.Горохов исполнял приказ о лишении А.С.Матвеева имущества и, соответственно, мог сообщить составителю «Книги записной» детали этого события⁵.

Н.А.Дворецкая отмечает, что сравнительный анализ известий «Книги записной» и документов центральных приказов показывает, насколько тесно общались между собой представители приказных кругов Москвы и Сибири. Об этом взаимодействии свидетельствует, например, упоминание в редакции СЛС московских событий 1679 г., неизвестных по центральным летописным источникам: о казни среди прочих братьев Кропотовых и ссылке в Сибирь двадцати московских стольников и дворян.

Подтверждение достоверности данного известия «Книги записной» исследовательница находит в записке 1679 г. некоего приказного служащего, в которой с подробностями сообщается о казни стольника П.Кропотова и разделе его имущества. Н.А.Дворецкая указывает, что детальное описание раздела имущества казенного стольника свидетельствует о личном участии автора записки в исполнении приказа. Тот факт, что это событие нашло отражение в «Книге записной», исследовательница связывает с деятельностью И.Горохова, который в это время служил в Поместном приказе и, соответственно, был в курсе произошедшего, а возможно, знал и автора записки. Он вполне мог передать дополнительные сведения о ссылных своему сибирскому коллеге, составителю первой редакции СЛС⁶.

Среди других оригинальных сведений «Книги записной», способствующих установлению лиц, причастных к составлению СЛС,

Н.А.Дворецкая обращает внимание на известия, связанные с нерчинским воеводой Д.Аршинским. Так, исследовательница указывает на рассказ 1670 г. об отправке Д.Аршинским посольства в Китай. Исследовательница считает, что эти известия попали в текст СЛС из первых рук, т.е. от самого нерчинского воеводы.

В качестве подтверждения Н.А.Дворецкая ссылается на сохранившиеся отписки Сибирского приказа, в которых также содержатся сведения о китайском посольстве и о награде, заслуженной воеводой за его организацию. Сопоставительный анализ выявил разночтения в тексте отписок и «Книги записной»: в редакции СЛС нарушена хронологическая последовательность событий, но при этом подробно описаны подарки, привезенные Д.Аршинскому послами из Китая и полученные им за службу от царя Алексея Михайловича. Данная особенность, полагает исследовательница, и позволяет с большой точностью предположить, что составитель «Книги записной» получил сведения о китайском посольстве непосредственно от самого воеводы, тем более, что отписки точнее передают хронологию событий и в них ничего не говорится о царских дарах⁷.

Внимание составителей первой редакции СЛС к частной жизни сибирских воевод — специфическая черта первой редакции СЛС, отмечает Н.А.Дворецкая. Так, наряду с нерчинским воеводой упоминается его сын Иван Аршинский, недолго служивший воеводой в Тюмени и неизвестный составителям остальных редакций свода.

С именем другого воеводы — П.М.Салтыкова, служившего в Тобольске с 1673 по 1676 гг., Н.А.Дворецкая связывает особенности пересказа «Нового летописца» в тексте «Книги записной», той его части, в которой говорится о событиях, связанных с воцарением Федора Борисовича⁸.

Составитель свода, полагает исследовательница, обращается к этим московским событиям в связи с тем, что в них принимал участие родственник тобольского воеводы М.Г.Салтыков, присягавший на верность царевичу Федору, а впоследствии изменивший крестному целованию⁹.

«Книга записная» приводит и другие подробности частной жизни воеводы. Так, в тексте содержатся сведения о сыновьях М.Г.Салтыкова, их приездах к отцу с указанием дат прибытия и

отъезда¹⁰. Детали такого рода наталкивают на мысль, что воевода М.Г.Салтыков не оставлял без внимания летописные работы в Тобольске.

Митрополит Корнилий, как полагает Н.А.Дворецкая, также не остался в стороне от создания сибирского свода. Исследователи неоднократно отмечали, что при Корнилие в Тобольске велась активная работа по описанию Сибири, результаты которой отразились, в том числе, и в московских летописных памятниках. Так, Н.А.Дворецкая замечает, что известия «Книги записной» 1670-х гг. выказывают особое отношение составителя свода ко времени деятельности этого тобольского владыки. Трудно не согласиться с мнением исследовательницы, что Корнилий вряд ли мог пренебречь таким значимым делом, как летописание¹¹. При этом Н.А.Дворецкая не берется утверждать, что митрополит принимал непосредственное участие в работе над летописью, но отводит ему роль инициатора, традиционную для сибирских владык¹².

Таким образом, выводы Н.А.Дворецкой относительно среды, в которой создавалась «Книга записная», подтверждают положение о причастности приказных служащих и тобольских воевод к летописанию этого периода¹³. Она проявляется в том, что текст СЛС подробнее отражает работу административного аппарата, его составители не пренебрегают известиями частного и бытового порядка, и свод приобретает более светский, по сравнению с ранними сибирскими летописями, характер.

Примечания

¹ См.: Лихачев Д.С. Атрибуция произведений древнерусской литературы // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 27. С. 17—41.

² Там же. С. 17, 18, 22, 40.

³ Дворецкая Н.А. Сибирский летописный свод (вторая половина XVII века). Новосибирск, 1984. С. 118.

⁴ Там же. С. 28.

⁵ Там же. С. 31.

⁶ Там же. С. 32.

⁷ Там же. С. 34.

⁸ Я.Г.Солодкин полагает, что общерусские известия «Нового летописца» оказались в составе «Книги записной» посредством некоей компиляции, созданной в Чудовом монастыре в третьей четверти XVII в. См.: «Краткое описание о сибирстей земли...», Новый летописец и историческая книжность Сибири XVII в. //

Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории. Нижневартовск, 2008. Ч. 3. С. 7.

⁹ Там же. С. 29.

¹⁰ Там же. С. 30; см. также: Формирование в Сибири первых летописных сводов // Очерки русской литературы Сибири. Новосибирск, 1982. Т. 1. С. 85, 86.

¹¹ См.: Дворецкая Н.А. Сибирский летописный свод... С. 34—36.

¹² Там же. С. 37.

¹³ О роли приказных служащих в составлении летописных сочинений см. также: Очерки русской литературы Сибири...; Дворецкая Н.А. Изменения в официальном сибирском летописании на рубеже XVII—XVIII вв. // Сибирская археография и источниковедение. Новосибирск, 1979; Дергачева-Скоп Е.И. Автограф М.Г.Романова — одного из составителей Сибирского летописного свода // Древнерусская книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск, 1982.

Глава 4

СИБИРСКОЕ ОБЩЕСТВО В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX вв.: ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ (Теоретико-методологические аспекты исследовательской практики)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ,
проект № 08-01-00420а

На современном этапе происходят радикальные изменения во всех сферах исторического познания. Среди наиболее характерных черт этого процесса обращают внимание усилившиеся тенденции к интеграции истории с другими науками¹. На смену анклавному состоянию истории пришел ее новый этап развития, который привел к активным контактам с другими дисциплинами, взаимообогащению методами, переосмыслению предметных полей.

Формирование этого нового исследовательского пространства, соединяющего микро- и макроподходы, создающего новые направления и дисциплины, наполняющего новым содержанием традиционные направления, определяется как вызовом постмодернизма по отношению к исторической науке, так и внутренней логикой развития науки в целом.

В современной исторической литературе термин «междисциплинарность» употребляется не только для обозначения простого заимствования методов из других дисциплин (социологии, демографии, политологии, экономики, антропологии, лингвистики и т.п.), но и в интеграции на уровне конструирования междисциплинарных объектов, которые можно определить как нечто «онтологически самостоятельное, как некоторую существующую реальность, независимую от исследования»². Более того, историческое знание определяется не одним научным направлением, а системой или совокупностью социальных наук, объектом которых является прошлая реальность. В силу своего полидисциплинарного характера история естественным образом использует достижения иных дисциплин и обращается к их теоретическим схемам, моделям, категориям, понятиям. Современная эпоха постмодерна нанесла сильный удар по замкнутости и самостоятельности

отдельных наук, сделала междисциплинарность действительно реальной³.

В новой историографической ситуации исследователь может не ограничиваться использованием в качестве методологической основы одной теории, а сочетать подходы, принципы, методы различных дисциплин. Обязательным является только то, чтобы это сочетание было внутренне целостным, органичным объекту и предмету исследования.

Современные возможности обновления методологии исследования не означают последовательной смены парадигмы, замены одних принципов другими, большее значение имеет новое сочетание принципов, результаты взаимодействия различных стратегий исследования. Все это позволило Т.А.Сабуровой сделать вывод о том, что сегодня исследователь находится в интеллектуальном пространстве, заполненном различными парадигмами и культурными практиками, имея возможность дифференцированного отбора и интеграции эпистемологических принципов и аналитических стратегий⁴.

В последнее время профессиональные историки все больше интереса проявляют к региональным процессам, и определенно отмечается их междисциплинарное изучение. Следует признать, что в настоящий момент региональная история имеет свою специфику, которая проявляется в социокультурных, нежели политических аспектах изучения микросообществ. При этом, методы анализа в рамках названного направления также близки к новой социокультурной истории.

На наш взгляд, междисциплинарный подход является достаточно эффективным средством исследования условий и характера трансформации сибирского общества в конце XIX — начале XX вв. Выявление ментальных структур отдельных социальных групп и сибирского общества в целом позволит определить их степень адаптации к новым условиям жизни, раскрыть механизм формирования стратегий поведения социальных групп в условиях модернизации с учетом региональной специфики.

Исследование социальных групп как носителей определенных ментальных установок и систем ценностей представляет широкие возможности для раскрытия специфики развития России в конце

XIX — начале XX вв. и основывается на признании взаимосвязи между ментальностью и социальным поведением.

Рассмотрение регионального аспекта социальной жизни осуществляется в предметных полях географии, экономики, социологии, политологии и истории. В современной науке уже накоплен определенный опыт изучения социальных процессов и явлений через призму их территориальной дислокации, анализа региональных общностей. Наблюдается переосмысление некогда сугубо географических категорий — социально-территориальная общность, территориальный интерес; предлагаются и обосновываются, в рамках предметной области социологии региона, новые категории — социально-территориальная стратификация, территориальное неравенство и др. Помимо этого, историки активно исследуют проблемы взаимодействия «центр—периферия», федерализации и регионализации. Происходит включение и физического пространства в сферу внимания ученых, поскольку каждый регион характеризуется конкретной, по-своему уникальной территорией, опосредующей не только его природно-климатическую, экономическую и ресурсную специфику, но и своеобразие каждого данного территориального сообщества.

Однако до сих пор практически полностью остается вне сферы внимания исследователей такой важный объект научного анализа, как территориальное поведение социальных субъектов. В некотором роде исключение составляет монография Е.Б.Мостовой, вышедшая еще в 1993 г. В ней автор отмечает неоправданное невнимание исследователей к анализу «пространственных форм производства и жизнедеятельности населения», призывает к обстоятельному изучению территориального поведения субъекта экономической деятельности⁵. Но и в данном труде практически не уделяется внимание обозначенному вопросу.

Более подробно территориальное поведение рассмотрено в работах И.П.Рязанцева и А.Ю.Завалишина, в которых представлен новый взгляд на сущность социально-экономического поведения россиян во второй половине XIX — конце XX вв. Анализируя классические и современные теории социально-экономического поведения (действия), авторы обосновывают свой методологический подход и характеризуют модели указанного поведения в региональном разрезе⁶.

Необходимо отметить, что изучение структуры, содержания, факторов формирования и изменения социального поведения способствовало складыванию самостоятельных научных подходов, использующих различные объяснительные схемы и нередко различные инструменты анализа фактического материала⁷. Мы предлагаем исследовать эти сюжеты через поведение социального субъекта. При этом его невозможно до конца понять, если не рассматривать во взаимодействии со средой, трактуемой в широком смысле — физическом, политическом, социальном, культурном. Жизнь людей протекает не в абстрактном социальном пространстве, а во вполне определенном физическом окружении, специфической социально-экономической и политико-культурной среде, своеобразной для каждой отдельной территории. Следует признать, что без актуализации территориального фактора часто невозможно объяснить многие реалии социального поведения людей, выявить ментальные установки и стратегии поведения социальных групп. Более того, названный подход позволит установить региональные особенности процесса трансформации российского общества в конце XIX — начале XX вв. на примере сибирской провинции.

Выстраивая свое видение территориального поведения социального субъекта, мы исходим из очевидного факта, что территориальное поведение представляет собой форму социального поведения, главной особенностью которого является очевидная и непосредственная связь с той территорией, на которой это поведение осуществляется. По справедливой оценке чешского исследователя М.Черноушека, «в определенно организованном пространстве можно наблюдать характерный тип поведения людей без особых индивидуальных различий. Физическая организация среды накладывает печать на их поведение»⁸. Последнее замечание имеет большое значение не только для психологии, социологии, но и для истории⁹.

В отличие от иных форм социального поведения, территориальное поведение (как индивидуальное, так групповое и массовое) имеет фиксированную привязку. Регион как среда инкорпорируется в систему действия территориального социума в качестве средства/условия, в значительной степени определяя характер территориального поведения регионального социального субъекта.

Важнейшим условием формирования моделей территориального поведения является неповторимое сочетание на данной территории природных, климатических, экономических, геополитических, социокультурных и иных факторов, имеющих долговременный характер. Явное и латентное действие этих факторов приводит, по мнению И.П.Рязанцева и А.Ю.Завалишина, к тому, что «в каждой местности (локусе, регионе, стране) формируется фиксируемый в пространстве и длящийся во времени территориальный поведенческий паттерн, который воспроизводится живущими на данной территории людьми из поколения в поколение»¹⁰. Базовая модель территориального поведения выступает нормой (социальным правилом, традицией), подчиняющей себе социальное поведение субъектов. Поскольку социокультурное воздействие таких «поведенческих паттернов» носит долговременный характер, они оказывают существенное влияние на развитие социальной, экономической, экологической и политической ситуации в данном регионе на протяжении длительного периода времени.

Современные исследователи указывают на то, что основным субъектом территориального поведения является территориальная община (общность)¹¹. Именно в ней в процессе социального взаимодействия индивидов и групп происходит выработка социокультурных норм, традиций, обычаев, опосредующих то или иное поведение, формируются модели территориального поведения людей. При этом территориальная община формирует также представления о границах социально одобряемого, допустимого и девиантного поведения, причем важнейшим критерием для этого выступает территориальный интерес¹². В наиболее общем виде, субъектом территориального поведения можно считать индивидуального/коллективного деятеля, демонстрирующего то или иное поведение, если оно а) опосредовано социокультурными нормами территории его проживания и поведения; б) сопровождается извлечением и использованием территориальных ресурсов (от природных до социальных); в) рефлексивируется самим деятелем как территориальное¹³. Таким образом, все действия, совершаемые субъектами, из которых в целом складывается то или иное поведение, локализованы в пространстве и времени.

Необходимо отметить, что территориальное поведение социального субъекта в современной научной литературе типологизируют

по различным основаниям и, как правило, в ней выделяют: территориальное социально-экономическое, политическое, социокультурное поведение (по сферам общественной жизни региона); сельское (деревенское) и городское поведение (по типу населенного пункта); личностное, групповое (коллективное) и общинное (социентальное) поведение (по субъекту территориального поведения); гражданское (активистское) и миграционное поведение (по стратегии реализации территориальных интересов) и др.¹⁴

Нам представляется, что территориальное поведение среди всех иных форм социального поведения имеет наиболее интегративный характер, поскольку включает в себя все возможные типы поведения. Правда в последнее время внимание исследователей привлекает преимущественно анализ территориального политического поведения. Бесспорно, территориальное поведение пронизывает все формы социального поведения индивидов и общностей. Однако важнейшую роль в жизни общества играет поведение в системе социально-экономических отношений, которое в определенной мере влияет на все иные типы территориального поведения.

Таким образом, мы исходим из того, что всякое поведение территориально, т.е. разворачивается на определенной территории и, так или иначе, включает территорию в свою «драматургию» (термин Э.Гоффмана). В равной мере это касается поведения в широком смысле и социального поведения в частности.

Территориальное поведение социального субъекта (не только отдельного индивида, но и группы, общности) можно понимать как комплекс индивидуальных и групповых реакций на пространство коммуникации (территорию, социальное пространство территории региона) в соответствии с врожденными представлениями и культурными стереотипами, приобретенными в процессе развития и социализации. При этом важнейшим фактором, определяющим отношение к территории, является культура, при немаловажном значении исторических, природно-географических, социокультурных особенностей, ценностей, норм, традиций. Благодаря уникальному переплетению комплекса факторов, интегрированных на каждой территории, в течение длительного времени сформировались устойчивые «паттерны» территориального поведения, влияющие на все формы социального поведения индивидов и общностей.

Обозначенный подход, как мы уже указывали, может стать одним из основных для изучения сибирского общества в конце XIX — начале XX вв. Более того, выявление условий и характера изменений позволит раскрыть специфику модернизационных процессов в России, определить характерные черты взаимодействия центра и периферии, создать новую концепцию истории России конца XIX — начала XX вв. с учетом процессов социальной, экономической и культурной трансформации имперских окраин.

Своеобразие территориального социального действия возникает по той причине, что индивиды, действуя в пространстве своего региона, в процессе социального взаимодействия формируют уникальную систему социальных связей, которая в конечном итоге приводит к возникновению территориальной общины. В свою очередь, будучи частью общества, она отличается социально-демографической структурой, этническим составом, социокультурным своеобразием, особенностями экономического и политического развития, историей существования, т.е. всем тем, что составляет «лицо» регионального социума.

В итоге, такая методологическая установка позволит исследователю выйти за рамки привычной географии, социологии, экономики, социальной истории, истории ментальностей и т.д., формируя исследовательское поле на пересечении направлений, используя различные категории и методы, создавая новые концепты и модели¹⁵. Важно отметить, что границы этого исследовательского поля будут меняться, что связано с процессами интеграции в современной науке, наполнением традиционных понятий новым смысловым содержанием. И задача междисциплинарного синтеза различных подходов представляется в этом процессе весьма необходимой.

Примечания

¹ Подробнее см.: Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы // Под ред. Б.Г.Могильницкого, И.Ю.Николаевой. Томск, 2002.

² Методологические проблемы истории: Учеб. пособие / Под общ. ред. В.Н.Сидорцова. Минск, 2006. С. 153.

³ Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы... С. 7.

⁴ Сабурова Т.А. Интеллектуальная интеграция в современных исторических исследованиях: формирование новых парадигм и аналитических стратегий //

Мир историка: Историографический сборник / Под ред. В.П.Корзун, Г.К.Садретдинова. Омск, 2005. Вып. 1. С. 48.

⁵ Мостовая Е.Б. Двойственность субъекта экономической деятельности. Новосибирск, 1993. С. 31.

⁶ Рязанцев И.П. Социально-экономические отношения «регион—центр»: теория, методология, анализ. М., 1998; Рязанцев И.П., Завалишин А.Ю. Территориальное поведение россиян (историко-социологический анализ). М., 2006.

⁷ Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2000; Кондратьев Н.Д. Основные проблемы экономической статистики и динамики: предварительный эскиз. М., 1991; Турьянский В.А. Изменение социального поведения в процессе структурных преобразований современного российского общества: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Новочеркасск, 1998; Ткаченко А.А. Территориальная общность в региональном развитии и управлении. Тверь, 1995; Факторы формирования духовного мира и социального облика населения Западной Сибири с древности до современности: Научный ежегодник Томского МИОН / Отв. ред. М.А.Воскресенская. Томск, 2004; Сибирское общество в период социальных трансформаций XX в.: Материалы Всероссийской научной конференции (Томск, 19—21 октября 2005 г.) / Под ред. В.П.Зиновьева. Томск, 2007 и др.

⁸ Черноушек М. Психология жизненной среды / Пер. с чеш. И.И.Попа. М., 1989. С. 107.

⁹ Подробнее см.: Шмерлина И.А. Междисциплинарные ракурсы социологии пространства // Вестник РУДН. М., 2003. № 4—5. С. 65—78; Головачев П.М. Сибирь. Природа, люди, жизнь. М., 1905; Покшишевский В.В. Заселение Сибири. Иркутск, 1951; Чуркин К.А. Природа и крестьянство Сибири. Омск, 1995; Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX вв.): В 2 т. СПб., 2000; Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI — начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005; Сибирь в составе Российской империи. М., 2007; Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007, и др.

¹⁰ Рязанцев И.П., Завалишин А.Ю. Территориальное поведение россиян... С. 8—9.

¹¹ Подробнее см.: Доленко Д.В. Территориальное устройство общества: социально-политический анализ. Саранск, 1993; Ткаченко А.А. Территориальная общность в региональном развитии и управлении; Сергиенко А.М., Троцковский А.Я. Социально-территориальная структура региона: диагностика и регулирование развития. Барнаул, 1996, и др.

¹² Парсонс Т. О структуре социального действия. С. 189, 345, 646; Ткаченко А.А. Территориальный интерес — ускользающий детерминант регионального развития // Территориальные интересы: Сб. науч. тр. / Науч. ред. А.А.Ткаченко. Тверь, 1999. С. 3—13.

¹³ Рязанцев И.П., Завалишин А.Ю. Территориальное поведение россиян... С. 43.

¹⁴ Там же. С. 62—65.

¹⁵ Сабурова Т.А. Интеллектуальная интеграция в современных исторических исследованиях: формирование новых парадигм и аналитических стратегий. С. 49.

Глава 5

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ХМАО): ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ

Успев несколько оправиться от кризиса 1990-х гг., страна вновь оказалась в непростых экономических условиях. В конце 1990-х гг. в России часто говорили о том, что вывести страну из кризиса может только переход к мобилизационной экономике. И сегодня поиск путей развития национальной экономики вновь заставляет обратиться к изучению этого типа экономики в исторической ретроспективе.

Альтернативой мобилизационной экономике по характеру распределения общественного продукта и ресурсов между домохозяйствами и государством является «оптимизационная экономика». Вектор развития экономики современной России, считает Н.В.Рогова¹, определяется движением к «оптимизационной экономике»², становление которой актуализирует проблемы формирования корпоративной культуры как фактора эффективной социально-экономической трансформации. С этим трудно не согласиться, т.к. автор в ряде работ на примере современных корпораций пришел к схожим выводам³.

По определению экономистов, мобилизационная экономика — это экономика, которая берет курс на приоритетное развитие некоторых стратегических областей⁴. Существует мнение, что мобилизационная экономика невозможна без мобилизационной идеологии и без мобилизационной политики⁵.

С.Глазьев считает, что мобилизационная экономика — это такая система госрегулирования, при которой достигается максимально эффективное использование ресурсов для форсированного экономического роста, модернизации производства или решения внеэкономических задач (победа в войне или гонке вооружений, крупномасштабное строительство престижных объектов, освоение новых территорий и т.п.)⁶.

По мнению С.Глазьева, мобилизационная экономика может основываться как на рыночных принципах, так и на административном распределении ресурсов. В первом случае основными инструментами мобилизации ресурсов являются госбюджет и банки, а также госрегулирование потребления и внешнеэкономической деятельности. Вводятся высокие налоги на непроизводственное потребление, ограничения на вывоз капитала и валютный контроль, ограничивается импорт потребительских товаров, в особенности предметов роскоши, широко используются методы целевого регулирования денежных потоков как для аккумулирования сбережений в банках и финансовых институтах, так и для их трансформации в производственные инвестиции⁷.

Во втором случае основными инструментами мобилизации ресурсов являются директивные планы, внеэкономическое принуждение, нормированное распределение. В XX в. наиболее масштабная мобилизационная экономика такого типа существовала в СССР в 30—60-х гг.⁸

К числу достоинств мобилизационной экономики, полагает С.Глазьев, можно отнести высокие темпы экономического роста, возможности быстрого повышения конкурентоспособности хозяйства за счет модернизации производственного потенциала, обеспечение полной занятости, поддержание необходимого минимума качества жизни для всего населения, способность эффективно противостоять внешним угрозам национальной безопасности.

Из недостатков мобилизационной экономики следует отметить низкий уровень (и уравнилельный характер) потребления населения, высокую уязвимость от субъективных мотивов действий облеченных властью лиц и, как следствие, невысокую устойчивость, большую вероятность неэффективного и даже расточительного потребления мобилизуемых ресурсов. Утрата четких целей социально-экономического развития, расточительное потребление правящей элиты, коррупция и некомпетентность в системе государственного регулирования могут свести на нет все преимущества мобилизационной экономики и быстро привести ее к краху⁹.

Созданная в 1930-х гг. система мобилизационной подготовки обеспечила победу СССР в годы второй мировой войны. На захваченной войсками Вермахта к ноябрю 1941 г. территории СССР до войны добывалось 63% угля, производилось 58% стали и 60%

алюминия. Производство стали в СССР с июня по декабрь 1941 г. сократилось в 3,1 раза, проката цветных металлов — в 430 раз. За этот же период страна потеряла 41% своей железнодорожной сети.

В 1943 г. СССР производил только 8,5 млн. тонн стали (по сравнению с 18,3 млн. тонн в 1940 г.), в то время как германская промышленность в этом году выплавляла более 35 млн. тонн (включая захваченные в Европе металлургические заводы).

Для возможно более полного удовлетворения нужд фронта были максимально мобилизованы материальные, трудовые и финансовые ресурсы. Несмотря на колоссальный урон от немецкого вторжения, промышленность СССР смогла произвести намного больше вооружения, чем германская. Так, в 1941 г. СССР выпустил на 4 тыс., а в 1942 г. на 10 тыс. самолетов больше, чем Германия. В 1941 г. производство танков в СССР составило 6 тыс. 590 единиц против 3 256 в Германии, а в 1942 г., соответственно, 24 688 единиц против 4 098 единиц.

Резко возросли абсолютные и относительные размеры военных расходов в государственном бюджете СССР (см. табл. 1).

Таблица 1

Государственный бюджет СССР (1941—1945)
(в млрд. рублей)¹⁰

Расходы	1940	1041	1942	1943	1944	1945
Национальная экономика	58,3	51,7	31,6	33,1	53,7	74,4
Социальная политика	40,9	31,4	30,3	37,7	51,3	62,7
Оборона	56,8	83,0	108,4	125,0	137,8	128,2
Управление	6,8	5,1	4,3	5,2	7,4	9,2
Разное	11,6	20,3	8,2	9,0	13,8	24,1
В целом	174,4	191,4	182,8	210,0	264,0	298,6
Доходы						
Налог с оборота	105,9	93,2	66,4	71,0	94,9	123,1
Вычет из прибыли предприятий	21,7	23,5	15,3	20,1	21,4	16,9
Доходы МТС	2,0	1,4	0,7	0,6	0,7	0,7
Налоги с предприятий	3,2	3,1	1,9	2,9	3,4	3,3

Налоги с населения	9,4	10,8	21,6	28,6	37,0	39,8
Местные налоги	1,9	1,3	2,0	3,4	5,8	6,3
Государственные займы	11,5	11,5	1,5	25,5	32,6	29,0
Разное (включая внешние источники)	24,6	32,1	55,4	52,4	72,9	82,9
В целом	180,2	177,0	165,0	204,4	268,7	302,0
Баланс	5,8	-14,4	-17,0	-5,6	4,7	3,4

Победа в Великой Отечественной войне укрепила убежденность советского руководства в том, что советская плановая экономика является наиболее эффективной системой мобилизации ресурсов государства и общества на случай войны. Она убедила руководство и в том, что высокая мобилизационная готовность страны важнее общих размеров ее экономики¹¹.

В годы Великой Отечественной войны Ханты-Мансийский национальный округ, как и вся страна, оказался в условиях полной мобилизации ресурсов. Какими методами это осуществлялось, какова цена мобилизации — это главные вопросы, на которые предстоит дать ответы в исследовании. В современной историографии подобным образом проблема еще не ставилась. Научная проблема состоит в исследовании системы формирования мобилизационной экономики в регионе. Логика развития экономической теории убеждает в том, что выявление особенностей трансформации системы управления в определенный исторический период возможно на основе институционального подхода, учитывающего совокупность правовых, социальных, экономических и культурных факторов. Использование данного подхода позволяет выявить специфику функционирования хозяйственного механизма промышленного и аграрного производства, а также промыслового хозяйства в период войны (1941—1945 гг.), являвшихся движущей силой мобилизационной экономики Югры. В связи с этим исследование институциональных изменений в системе формирования мобилизационной экономики на примере Югры имеет высокую теоретическую и практическую значимость и позволяет обосновать меры по институционализации новых форм развития в современных рыночных условиях.

Исследование хозяйства Югры с позиций мобилизационной экономики не предпринималось отечественными учеными. Работ,

в которых бы авторы целенаправленно изучали процессы институционализации экономики в чрезвычайных условиях войны с учетом специфики командно-административной модели на общероссийском материале, на сегодняшний день недостаточно. Изучение истории региона в годы Великой Отечественной войны в основном связано с именем историка из Тобольска Ю.П.Прибыльского¹². По его сведениям, в округе было мобилизовано 17 890 человек, из которых 8 479 не вернулись. По мнению Ю.П.Прибыльского, роль округа в обеспечении военного производства и населения стратегическим сырьем, материалами и продовольствием, значительна. Он сделал вывод, что ценные и доступные топливно-энергетические, минерально-сырьевые и биологические ресурсы региона использовались максимально. В короткие сроки были решены сложные организационные, производственно-технические и кадровые проблемы: эвакуация промышленных предприятий и их размещение на территории округа, перевод предприятий химической, судостроительной, деревообрабатывающей, легкой, местной и кооперативной промышленности на выпуск оборонной продукции; реконструкция и расширение производственных мощностей по добыче и заготовке деловой древесины; развитие рыбного хозяйства в бассейне Иртыша и Оби; увеличении поставок промысловой и сельскохозяйственной продукции; обеспечение предприятий необходимой рабочей силой. Ю.П.Прибыльский обратил внимание на дальнейшую специализацию местного и пришлого населения. Коренные жители продолжали развивать традиционные отрасли хозяйства: оленеводство, пушной промысел, заготовку дикоросов. Труд заключенных и спецпереселенцев эксплуатировался крупнейшим в регионе производственно-техническим объединением — Ханты-Мансийским рыбопромышленным трестом. Историк отметил положительную динамику в развитии хозяйства округа к концу войны. Им также рассматривалась деятельность населения по оказанию помощи военным, их семьям, раненым, инвалидам войны и жителям освобожденных районов страны¹³.

Попытки по изучению отдельных аспектов темы предпринимались и другими историками, однако в меньшей степени и с иными научными результатами¹⁴. В.Л.Левченко отметил небывалую по масштабам и сложности массовую мобилизацию трудящихся в

рыбное хозяйство округа. Источником пополнения рабочей силы здесь, по его мнению, послужили не только переселенцы из европейской части страны, но и привлекавшиеся на работу женщины из местного населения, а также пенсионеры, подростки, инвалиды войны, выпускники училищ и школ трудовых резервов. Главным источником пополнения рабочей силы в рыбной промышленности и, частично, в колхозах, являлись эвакуированные и переселенцы. Особенно большой приток наблюдался в 1942 г. Так, с мая по октябрь 1942 г. в рыбное хозяйство ХМАО было направлено 74,4 тыс. эвакуированных и переселенцев. При этом возникла серьезная проблема, связанная с обучением и трудоустройством прибывших, так как из общего числа эвакуированных трудоспособные составляли 55%, в том числе трудоспособные мужчины только 14,5%. При общем росте численности населения округа в годы войны, имело место резкое снижение числа трудоспособных работников¹⁵.

Новые источники, иная методология, переоценка условий, факторов, методов, средств и результатов развития хозяйства Югры в военный период позволяют рассмотреть данные процессы с точки зрения формирования мобилизационной экономики. Представляется, что данное научное направление может быть выделено в качестве приоритетного на ближайшие годы. Источниковая база представлена незначительной группой опубликованных документов, периодическими изданиями, воспоминаниями. Основной массив источников сосредоточен в государственных архивах Омской и Тюменской областей, а также ГАХМАО, где хранятся уникальные документы по истории региона, начиная с конца 1920-х гг. Так, например, Л.В.Набокова на основе документов ГАХМАО представила основные факты развития сельского хозяйства в районах округа в условиях Великой Отечественной войны, отметив, что это превратилось в задачу военно-хозяйственной важности¹⁶.

Одним из базовых фондов ГАХМАО является Ф. 1. — «Ханты-Мансийский окрисполком», в нем содержатся документы с момента образования округа. Изученные документы указанного фонда позволяют представить общую картину формирования мобилизационной экономики в округе, вклад его жителей в общую победу в войне. В указанном фонде почти не обнаружены источники,

касающиеся истории населения округа в годы войны (численность, состав, миграции, естественное движение, социально-экономическое положение), что требует дальнейших исследований.

Изучение экономической теории по исследованию вопроса мобилизационной экономики показало, что в чрезвычайных условиях военного времени усиливается роль политических институтов, что влияет на трансформацию структуры хозяйственных задач. Применительно к экономике Ханты-Мансийского национального округа это выразилось следующим образом (см. табл. 2).

Таблица 2

**Группы хозяйственных задач военного времени
в Ханты-Мансийском национальном округе**

Группы хозяйственных задач	Содержание хозяйственных задач
Первая группа (наибольшее внимание со стороны центральных и местных органов управления)	Развитие рыбной промышленности. Сохранение (увеличение) посевных площадей и поголовья скота. Пушной промысел. Заготовка древесины.
Вторая группа	Максимальная мобилизация трудовых ресурсов, широкая подготовка рыбацких, сельскохозяйственных и выдвиненческих руководящих кадров.

Война внесла корректировку в деятельность политических институтов, влияющих на экономику страны в целом. Это было обусловлено целым рядом факторов, как общего, так и специфического характера. Подобные явления можно наблюдать в управлении Ханты-Мансийским национальным округом (рис. 1).

Рис. 1. Факторы, определяющие особенности системы управления экономикой Югры в 1941—1945 гг.

Предполагаемые выводы исследования по мобилизационной экономике, которая сформировалась в СССР в годы Великой Отечественной войны (на материалах ХМАО), сводятся к следующему:

1. В мобилизационной экономике приоритетное развитие и государственную поддержку получила рыбная промышленность.

2. Сельскохозяйственное производство Югры в условиях мобилизационной экономики приобрело черты, характерные для развития сельского хозяйства страны в целом: централизация и бюрократизация управления; опора на внутренние материально-технические и трудовые ресурсы; низкая рентабельность производства.

3. Местная промышленность, лесозаготовки и промысловое хозяйство развивались преимущественно за счет внутренних

ресурсов, обеспечивая госпоставки и минимальные потребности населения, главным образом в предметах быта.

4. Состав трудовых ресурсов отличался разнородностью, значительной долей спецпереселенцев и эвакуированных.

3. В годы войны управление трудовыми ресурсами характеризовалось такими институциональными особенностями, как: удлинение рабочего дня; сокращение выходных; вовлечение в трудовой процесс неработающего населения; ориентация на моральные стимулы при минимизации материальных; гипертрофированная ответственность за результаты работы.

4. Мобилизационная экономика показывает значение и возможности использования моральных факторов мотивации труда для решения хозяйственных проблем.

Все вышесказанное позволяет заключить, что мобилизационная экономика Югры основывалась на административном распределении ресурсов для форсированного экономического роста, необходимого для решения главной задачи — победы в войне с Германией.

Примечания

¹ См.: Рогова Н.В. Институциональные изменения в мотивации трудовых ресурсов аграрного производства Урала в период Великой Отечественной войны: Автореф. дис. ... канд. экон. наук, Волгоград, 2008.

² В процессе перехода к оптимизационной экономике на первое место выходит экономическое принуждение, т.е. зависимость человека от материальных условий его существования, и изменяется структура идеологического принуждения (появляется страх, потеря жизненных ориентиров и разрыв связей с референтной группой).

³ См.: Алексеева Л.В., Алексеев С.А. Об использовании лозунгов эпохи социализма в корпоративной культуре современных российских организаций // «Мира не узнаешь, не зная края своего». Материалы 11 краеведческих чтений. Нижневартовск, 2007. С. 148—152; Алексеева Л.В., Алексеев С.А. Корпоративная модель лидерских компетенций ТНК-ВР // Социально-экономические проблемы регионального развития в условиях глобализации: Доклады и сообщения рег. науч.-практ. конф. Нижневартовск, 16 мая 2007 г. Нижневартовск, 2008. С. 127—130.

⁴ В современном понимании она вводится только в определенные периоды, когда государству необходимо совершить технологический рывок, и представляет собой очень специфическое сочетание приоритетных инвестиций госсектора в ряд прорывных направлений, довольно четкие и жесткие таможенные барьеры и стимуляцию частного сектора в некоторых областях. Особенно важна при этом идеология национального возрождения. Для мобилизационной экономики необходима мобилизационная идеология, мобилизационное общество и

мобилизационная национальная идея. Для того, чтобы ее реализовать, необходимо максимальным образом сконцентрировать управленческие функции в одном источнике, действовать авторитарно и очень последовательно. См.: http://www.opec.ru/comment_doc.asp?d_no=59651

⁵ http://www.opec.ru/comment_doc.asp?d_no=59651

⁶ Глазьев С. Пора объявлять мобилизацию // Власть. 1999. № 15 (316) (20 апреля).

⁷ Примерами мобилизационных экономик, основанных на рыночных принципах, могут служить экономические системы России XVIII века, Японии с конца прошлого века и до недавнего времени, “новый курс” Рузвельта в США, Франции в период правления де Голля, современные экономики Индии, Израйля, стран исламского фундаментализма. Отдельные элементы мобилизационной экономики широко используются в новых индустриальных странах.

⁸ Другим широко распространенным видом мобилизационной экономики этого типа был так называемый азиатский способ производства, доминировавший в древних и средневековых империях Азии, а также доколумбовой Америки.

Есть примеры мобилизационных экономик смешанного типа, когда рыночные и директивные методы мобилизации ресурсов переплетаются. Такая экономика, к примеру, была в странах фашистской коалиции (Германии, Италии, Японии) в период второй мировой войны. В настоящее время наиболее яркий пример мобилизационной экономики смешанного типа — Китай.

⁹ Таких примеров история знает сколько угодно — от вырождения экономических систем Восточной и Южной Азии в средневековый период до распада СССР в новейшей истории.

¹⁰ См.: Мобилизационная экономика [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.pravo.org>

¹¹ Стоит обратить внимание, что после второй мировой войны довоенная мобилизационная система, столь эффективно проявившая себя в годы войны, была воссоздана практически в неизменном виде. Многие военные предприятия вернулись к выпуску гражданской продукции, однако экономика в целом по-прежнему оставалась нацеленной на подготовку к войне.

При этом, как и в 1930-е гг., основные усилия направлялись на развитие общеэкономической базы военных приготовлений.

¹² См.: Прибыльский Ю.П. Советский Север в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Томск, 1986; Прибыльский Ю.П., Загороднюк Н.И. Война и Север. Тобольск, 2005.

¹³ Прибыльский Ю.П. Великая Отечественная война // Югория. Энциклопедия ХМАО. Ханты-Мансийск, 2000. Т. 1. С. 149.

¹⁴ Б.У.Серазетдинов (историк, ранее работавший в Сургутском университете) затронул различные аспекты истории округа в годы войны. В настоящее время он фактически прекратил исследование истории округа периода Великой Отечественной войны. Экономическую историю периода начинал разрабатывать В.Л.Левченко, однако не сумел завершить исследование, в настоящее время тему пытается изучать Н.В.Сайфутдинова. Деятельность советов округа в годы Великой Отечественной войны начинал изучать Д.А.Бормотов, но безуспешно.

¹⁵ Левченко В.Л. О численности и составе населения Ханты-Мансийского автономного округа в 1940—1950-х гг. // Проект Ахей. 2004. 21 сентября.

¹⁶ Набокова Л.В. Ханты-Мансийская сельскохозяйственная опытная станция [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.admhmao.ru/committe/-upr_arh/dok_mes/predpriyat.htm — 33к.

Глава 6

ТЕОРИЯ «ФРОНТИРА» В СОВРЕМЕННОМ СИБИРЕВЕДЕНИИ

Постсоветский период в исторической науке ознаменовался методологическим плюрализмом. Снятие идеологических оков привело к поиску новых теоретических подходов, которые, однако, чаще всего в собственной научной среде не продуцировались, а заимствовались в западной историографии.

В современном сибиреведении, при раскрытии проблем присоединения Сибири к России, значительное внимание стало уделяться теории «фронттира», основоположником которой в конце XIX в. явился американский ученый Фредерик Джексон Тернер. Предложенная Ф.Дж.Тернером в 1893 г. концепция «фронттира» была интегрирована в американскую историографию и стала неотъемлемой частью изучения истории колонизации неосвоенных территорий. Как отмечает В.В.Яровой, «фронттир придал истории США известное своеобразие. Фронттир стал ассоциироваться у американцев именно с освоением Запада и символизировал свободу и предприимчивость»¹.

Для обозначения территориального расширения Соединенных Штатов Америки употреблялись различные термины: «завоевание Запада» (Winning of the West), «движение на Запад» (Westward Movement). Однако самым употребляемым понятием являлось такое определение, как «экспансия» (The Expansion of the Nation, Territorial Expansion, Westward Expansion)². Термин «экспансия» по отношению к территориальному расширению США имел в высшей степени негативную нагрузку. Американская экспансия трактовалась как территориальные захваты с применением насильственных действий. Теория «фронттира», созданная Ф.Тернером, отодвинула на второй план идею экспансии, позволила во многом «поэтизировать» опыт расширения территории, заменив понятие «экспансия» понятием «фронттир» — «граница». «Продвижением подвижной границы Тернер, а затем и его последователи объясняли возникновение и развитие американского общества»³.

С 1930-х гг. стали появляться работы последователей Тернера, в которых теория «границы» получила более широкое применение. В американской исторической литературе под фронтиром стала пониматься «линия или область открытой, незанятой и слабо заселенной земли, образующей внешний край переселенческой волны — место встречи дикости и цивилизации»⁴. При этом интерпретация понятия «фронтир» стала все более усложняться.

Теорию стали прилагать к истории стран, имевших опыт расширения территорий за счет ранее им не принадлежащих земель, который чаще всего назывался «колониационным опытом»⁵. В российской исторической науке при изучении расширения территории России, как отмечает А.П.Казаркин, «историки дореволюционного и советского времени использовали выражения «присоединение Сибири», «овладение», «подчинение», однако наиболее типичным для определения процессов расширения пространства России был термин «колонизация». В.П.Казаркин подчеркивает, что «взгляд на колонизацию как основу истории России разделяли классики науки: В.О.Ключевский, А.Ф.Платонов и др.»⁶. С.Ф.Платонов писал, что «факт колонизации — один из важных фактов нашей истории, многое объясняющий историку в сфере народного хозяйства и народного права»⁷. Однако относительно Западной Сибири С.Ф.Платонов применял термин «заяние Сибири силами правительства»⁸. В то же время обращают на себя внимание размышления С.Ф.Платонова в связи с расширением южных границ русского государства во второй половине XVI в. Он пишет: «строились крепости и устраивалась укрепленная пограничная черта из валов и засек, а за укреплениями ставились войска», «сеть укреплений и наблюдательных пунктов мало-помалу спускалась с севера на юг», «каждый шаг на юг опирался на уже существующую цепь укреплений», «на всем пространстве укрепленной границы живет и продвигается вперед, все южнее, земледельческое и промышленное население», «стремление московского населения на юг из центра государства было так энергично, что выбрасывало наиболее предприимчивые элементы даже вовсе за границу крепостей»⁹. Анализ данного раздела, посвященного С.Ф.Платоновым расширению южной границы России, позволяет видеть близость его подходов к тем, что легли в основу теории «фронтира».

В советской историографии понятие «фронтир» (относительно Сибири и других колонизируемых окраин) не использовалось. Базовой теоретической моделью была концепция развития капитализма вширь и вглубь, а развитие капитализма вширь — это трансплантация капиталистических отношений на новые территории¹⁰. Концепция «фронтира» в России стала получать распространение только в 1990-е гг. В Томском университете стали проводить конференции, посвященные фронтиру в американской и сибирской истории. Историки Сибирского отделения РАН в сравнительном аспекте стали рассматривать американский и сибирский фронтир XVII—XX вв., отмечая общие черты и подчеркивая отличия, изучали социальную организацию фронтира в контексте мирового колониационного процесса на материалах Сибири и Северной Америки¹¹. При этом трактовка концепции и базового понятия отличалась разнообразием. Преимущественно «фронтир» интерпретировался как граница¹². Н.Ю.Замятина, активно занимающаяся этой проблемой, предложила понимать под фронтиром «зону освоения, точнее, территорию, социальные и экономические условия которой определяются идущим на ней процессом освоения», подчеркивая, что американский историк Ф.Тернер, введший в науку само понятие фронтира, называл его «точкой встречи дикости и цивилизации». Н.Ю.Замятина подчеркивала, что фронтир — граница между проданной и «ничейной» землями, граница резерваций, наконец, граница между самыми западными штатами и самыми восточными «территориями». Отталкиваясь от понимания «фронтира» как обозначения линии, ограничивающей территорию с плотностью населения менее двух человек на одну квадратную милю¹³, Н.Ю.Замятина идет к его более расширенной характеристике, как «зоне особых социальных условий, а не только границе территории, находящейся под юрисдикцией государства». Фронтир, в трактовке Н.Ю.Замятиной, прежде всего, «порубежье». Порубежье характеризуется таким явлением как свобода, которая понимается достаточно широко — «свобода от устоев, традиций, от классовых и сословных условностей, от прошлого». Жителей порубежья она называет «фронтирмены», которых отличают: индивидуализм, ослабление религиозности, распушенность нравов, стремление к обогащению, как основной жизненной цели. Отсутствие должного государственного контроля

на территории порубежья определяет такие явления как обман, грабеж, финансовый авантюризм, взяточничество. Для жителей фронта, порубежья фронт представлялся землей обетованной, с которой была связана надежда на улучшение экономических условий, а часто — и надежда на обретение свободы, надежда начать новую жизнь. При этом реальные условия фронта в расчет не брались — о них просто не было известно¹⁴. Однако основным, «родовым признаком» фронта, в подходе Н.Ю.Замятиной, является неопределенность, неустойчивость, которые определяют истоки всех перечисленных социально-экономических явлений. «Фронт манил своих будущих обитателей, поскольку был загадочен, и каждый мог возлагать на новые земли любые, самые смелые, надежды»¹⁵. В заключение исследователь подчеркивает определяющую черту фронта — являться «зоной неустойчивого равновесия».

Исследователи Д.Я.Резун, М.В.Шиловский в работе «Сибирь, конец XVI — начало XX вв.: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов», где термин получает конкретное историческое преломление, дают такое определение русского «фронта» — «местность, находящаяся в зоне военных действий, которую можно иначе назвать «рубеж-фронт», «полоса пустого пространства между русскими волостями и аборигенными землями, в которой отсутствуют постоянные оседлые русские поселения». В этой полосе «русские населенные пункты находятся не на самом рубеже, а в тылу русского пространства, и в непосредственной близости к фронту можно отметить только легкие «разъезжие» русские караулы», «присутствующие на рубеже кочевые народы еще твердо не обозначены как «ясачные», хотя к ним и не применяется уже термин «немирные»¹⁶. При анализе текста научного исследования вышеназванных авторов можно обратить внимание на то, что фронт — это и путь, и фронтная зона. Более близка к этой точке зрения позиция А.Кутовенко, который под фронтом понимает «непрерывно продвигающуюся границу освоенных ... территорий, где власть государства была весьма условна, а ресурсы обширны». В то же время он подчеркивает, что на фронте концентрировались наиболее активные носители «американского духа»¹⁷.

А.Д.Агеев, сравнивая колониционные процессы в США и Сибири, считал, что фронтир — это зона межкультурного (межцивилизационного) взаимодействия вне четко установленных и признанных государственных границ»¹⁸. Для А.Д.Агеева фронтир — подвижная граница, унаследовавшая ... тенденцию к расширению, рубеж которой мог отодвинуться далеко вглубь страны, зато потом, усилившись, расширяться». В работе «Сибирь и американский Запад: движение фронтиров» А.Д.Агеев определял русский «фронтир» как создание относительно быстро сооружаемых и легковооруженных военных пунктов (острогов, слобод, форпостов, погостов, укрепленных деревень и заимок), которые всегда выдвинуты в пограничные земли, отдалены от основных административных центров (городов) относительно большими расстояниями»¹⁹.

Термин «фронтир» присутствует и в работе В.В.Алексеева, Е.В.Алексеевой, К.И.Зубкова, И.В.Побережникова «Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI—XX вв.», в которой также дана сравнительная характеристика процессов расширения пространств США и России, при этом основным определяющим термином для процессов расширения пределов России в Сибири выступает термин «колонизация». Авторы, прослеживая динамику освоения русскими территорий, вводят понятие «подвижной границы», живущей в «тревожном ритме хозяйственного освоения и военной обороны», которую и называют «фронтир». Определяя «подвижную границу» продвижения русских на восток как «фронтир», авторы подчеркивают, что «необходимо осознавать условность такого определения в применении к российскому опыту колонизации восточных и юго-восточных окраин, так как русский «фронтир» существенно отличался от американского тем, что практически нигде не представлял собой сплошного, фронтального наступления русской колонизации и полного вытеснения носителей других цивилизационных укладов, как этой было в Северной Америке»²⁰. «В реальности в полосе «подвижной границы» заселения русскими Урала и Сибири, — пишут исследователи, — формировалась чересполосная, комбинированная система сосуществования различных социально-экономических и культурно-бытовых укладов..., здесь сохранялась в гораздо более цельном и относительно

нетронутым виде и основа для сосуществования этнических идентичностей». Русский «фронт» раздвигал на юг и восток безопасный ареал земледельческого заселения, не столько вытесняя и истребляя коренное и иммигрировавшее азиатское население, сколько пронизывая его массивы «силовыми линиями» безопасности (линии крепостей, опирающиеся на речные системы) и тем самым стабилизируя общую структуру расселения и мирной хозяйственной деятельности»²¹, «русские крепости в Зауралье являлись не столько форпостами передовой линии русского продвижения, за которой складывался однородный массив русского населения, сколько стабилизирующими административную и хозяйственную структуру «ребрами жесткости», выполнявшими двойную защитную функцию»²². Под двойной защитной функцией, как следует из текста, нужно, скорей всего, понимать не только защиту российских территорий от народа, в пределах территории которого ставилась опорная крепость, но и этого народа от его враждебных соседей, что обуславливало сотрудничество с верхушкой народа, на занимаемые земли которого вступали русские. В то же время, видимо, подходы авторов коллективной монографии в понимании фронта различались, что сказалось в том, что в разных главах нашло отражение различное понимание фронта, в связи с чем приводятся несколько разные определения. Так, в последующих главах говорится об «эпистемологической привлекательности» теории фронта, ее методологических достоинствах, в числе которых «возможность актуальной связи времен и продуктивного компаративизма», «исторического динамизма», большей степени объективизма. Подчеркивается, что теория фронта ... описывает «сложный и многосторонний процесс освоения новых территорий», ключевым фактором в этом процессе для теории фронта выступает «рождение нового общества, образовавшегося в результате синтеза социальной практики колонистов, освоенной ими окружающей среды и аборигенного населения». Приводится определение «областей фронта» (или иначе его содержательной стороны), в которые включаются «зоны создания и разрушения, противостояния структур ядра и периферии», как вечных источников социальных перемен²³.

Таким образом, от более узкого определения фронта авторы, преимущественно используя термин «колонизация», поднимаются

до в большей степени философского определения фронта, отходя от его содержания как исторического, или географического термина. После столь многопланового определения понятия «фронта», как бы останавливая себя, авторы оговариваются, что «ясное осознание особенностей исторического развития государств, в частности, России и США, предостерегает от простого переноса на иную национальную почву концепций, осмысливающих реальный опыт освоения конкретных территориальных пространств». В качестве концепта они предложили «Азиатскую Россию», как географическое и историческое явление, характеризующееся развитием параллельных, а чаще сливающихся процессов выхода России в Новый Свет и начатого еще на заре русской истории исторического противоборства с Азией²⁴. Следует отметить, что понятие «Азиатская Россия» применительно к территории Сибири и к процессам, на ней происходившим, широко применялось уже в XIX в, в том числе и при составлении таких официальных документов, как статистические обзоры.

Подводя итог рассматриваемой проблеме, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что в исследованиях по истории Сибири термин «фронт» получил широкое применение, однако его смысловая нагрузка даже в рамках одного исследования получает нередко разную интерпретацию, усложняясь, до полной утраты смысла и значимости используемого термина. Сама же теория «фронта», несомненно, имеет определенную полезность в процессе исследования истории Сибири, так как, во-первых, она позволяет увидеть своеобразие процессов, происходивших на этой территории, во-вторых, проанализировать эти процессы в сопоставлении с процессами на других территориях, где имели место аналогичные явления.

Примечания

¹ www.ino-center.ru/press-centur/publication/ageev.html.

² www.ino-center.ru/press-centur/publication/ageev.html.

³ Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Зубков К.И., Побережников В.И. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI—XX вв. М., 2004. С. 213.

⁴ Там же.

⁵ www.ino-center.ru/press-centur/publication/ageev.html.

- ⁶ Казаркин А.П. Этапы колонизации Сибири // Вестн. Томск. гос. ун-та: Ист. 2008. № 2 (3). С. 31.
- ⁷ Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 81.
- ⁸ Там же. С. 208.
- ⁹ Там же. С. 209, 210.
- ¹⁰ www.ino-center.ru/press-centur/publication/ageev.html.
- ¹¹ Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Зубков К.И., Побережников В.И. Азиатская Россия... С. 208.
- ¹² cool.12.boom.ru.
- ¹³ www.edus.ru/109/read22_047.html.
- ¹⁴ www.edus.ru/109/read22_047.html.
- ¹⁵ www.edus.ru/109/read22_047.html.
- ¹⁶ histori.nsc.ru.
- ¹⁷ intz.imm.uran.ru.
- ¹⁸ www.dialogus.ru.
- ¹⁹ www.ino-center.ru/press-centur/publication/ageev.html.
- ²⁰ Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Зубков К.И., Побережников В.И. Азиатская Россия. С. 32.
- ²¹ Там же. С. 33.
- ²² Там же. С. 34.
- ²³ Там же. С. 208.
- ²⁴ Там же. С. 35.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеева Л.В. — профессор Нижневартковского государственного гуманитарного университета.

Гололобов Е.И. — доцент Сургутского государственного гуманитарного университета.

Ищенко О.В. — доцент Сургутского государственного университета.

Казакова Н.С. — аспирант Нижневартковского государственного гуманитарного университета.

Коблова Е.И. — аспирант Тюменского государственного университета.

Колева Г.Ю. — доцент Тюменского нефтегазового университета.

Кротт И.И. — доцент Омского государственного педагогического университета.

Митрофанов В.В. — доцент Западно-Сибирского института финансов и права.

Солодкин Я.Г. — профессор Нижневартковского государственного гуманитарного университета.

Судник Т.В. — старший преподаватель Нижневартковского государственного гуманитарного университета.

Узрюмова М.В. — доцент Нижневартковского государственного гуманитарного университета.

Яковлева А.М. — *доцент* Нижневартковского государственного гуманитарного университета.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ИСТОРИИ СИБИРИ XVII — начала XX вв.	3
Глава 1. Ермак и его «дружина» в Югорской земле (происхождение летописных версий)	4
Глава 2. Документы православных церквей Тобольской губернии как источники по истории населения губернии	19
Глава 3. Письма сибирских студентов как источник сведений о настроениях в среде вузовской молодежи в конце XIX — начале XX вв.	34
Глава 4. Думские и правительственные проекты 1907—1917 гг. — источники по изучению истории реформы земского самоуправления в Сибири	60
Глава 5. Источники по экологической истории Обь-Иртышского Севера (1920-е гг.)	79
Глава 6. Обзор источников по истории школьного образования Ханты-Мансийского автономного округа в 1930-е гг.	117
Раздел 2. ПРОШЛОЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XVII—XX СТОЛЕТИЙ	125
Глава 1. Отечественные историки о времени исламизации тюркоязычного населения сибирского Юрта	126
Глава 2. С.Ф.Платонов как исследователь истории Сибири: из новых архивных находок	134
Глава 3. Проблема атрибуции сибирского летописного свода в работах Н.А.Дворецкой: «Книга записная»	148
Глава 4. Сибирское общество в конце XIX — начале XX вв.: территориальное поведение (теоретико-методологические аспекты исследовательской практики)	154
Глава 5. К вопросу об изучении проблемы формирования мобилизационной экономики в годы Великой Отечественной Войны (на материалах ХМАО): экономическая теория и история	162
Глава 6. Теория «фронтيرا» в современном сибиреведении	173
Сведения об авторах	181

Научное издание

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СИБИРСКОЙ ИСТОРИИ

Коллективная монография

Часть 4

Редактор *Т.А.Фридман*
Художник обложки *Л.П.Павлова*
Компьютерная верстка *А.З.Насибуллиной*

Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в печать 26.10.2009
Формат 60×84/16. Бумага для множительных аппаратов
Гарнитура Times. Усл. печ. листов 11,5
Тираж 500 экз. Заказ 954

*Отпечатано в Издательстве
Нижевартовского государственного гуманитарного университета
628615, Тюменская область, г.Нижевартовск, ул.Дзержинского, 11
Тел./факс: (3466) 43-75-73, E-mail: izdatelstvo@nggu.ru*